

ЮЛИЯ
ОСТАПЕНКО

Птицелов

Закладає мир

Юлия Остапенко

Птицелов

«Автор»

2007

Остапенко Ю. В.

Птицелов / Ю. В. Остапенко — «Автор», 2007

Они встретились на великолепном турнире – Марвин из Фостейна, наивный мальчишка, только что заслуживший рыцарские шпоры, и прожженный циник и авантюрист Лукас Джейдри, известный под метким прозвищем Птицелов. И первая же их встреча едва не стоила Марвину жизни – ведь Птицелов немедленно ощутил к нему острую неприязнь... Однако древние боги Хандл-Тера сказали свое слово – и отныне эти двое обречены на все новые и новые встречи, новые и новые витки противостояния. Противостояния, от исхода которого зависит судьба целой страны, пылающей в огне безжалостной религиозной войны...

© Остапенко Ю. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	25
Глава 3.	41
Глава 4.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Юлия Остапенко

Птицелов

Глава 1.

Турнир в Балендоре

В малом зале было дымно и шумно. Весело было. Это наверху, в господских палатах, где хозяин замка принимал короля, полагалось вести себя чинно и чопорно. А здесь, среди давних товарищей по оружию, благородные мессеры чувствовали себя свободно: драли дичь голыми руками, проливали брагу мимо глоток и залиvistо хохотали, когда сосед по столу, сморившись, валился на пол. Гам и гогот стоял по всему крылу, отведённому бравым рыцарям сэйра Годвина, чтоб потешились всласть, не рискуя потревожить венценосных гостей своего сюзерена. Они и тешились, как было велено, но только у некоторых временами щемило на душе.

И ведь правильно, что щемило.

– Выпьем, братья! – заголосил один из рыцарей, новоиспечённый сэйр Валис, пожалованный титулом в честь окончания войны и радый тому сверх всякой меры. – Выпьем за нашего сюзерена сэйра Годвина, за мудрость его и отвагу!

– Выпьем! – заорали рыцари, всегда готовые поддержать подобное начинание. – За мудрость и отвагу сэйра Годвина! Слава!

Орали рыцари от души, так что у сэйра Годвина был шанс услышать эти восхваления даже сквозь толщу замковых стен и порадоваться... «Или побагроветь от стыда, если есть у него хоть капля чести и совести», – подумал Марвин и встал.

Пировали сидя, не считая тостов за короля, Святого Патрица и Единого, а потому гул немного утих. Полсотни взмыленных, потасканных вояк, последние полгода изо дня в день проливавших кровь на западной доле Предплечья, смотрели на молодого рыцаря, поднявшегося со своего места с полной кружкой в руке. Тостующий сэйр Валис располагался по другую сторону стола, и они застыли друг против друга, будто противники перед схваткой.

– А завтра на турнире мальчишка задницу-то новому сэйру надерёт, – хмыкнул один из рыцарей своему соседу, и тот покивал, благо оба они сидели достаточно далеко и от того, и от другого.

– Хочу поддержать меткое наблюдение благородного мессера, – сказал Марвин; голос его звучал негромко, но в повисшей вдруг над столом тишине отдавался чеканным звоном. – Выпьем, братья, за отвагу нашего сюзерена, поджавшего хвост перед большей силой. И за его мудрость, с которой он эту силу умалил. Воистину, слава! Выпьем, друзья... за мир!

Он опрокинул кружку над задранной головой, тугая струя ударила по языку, горло вздрогнуло. В полной тишине Марвин залпом выпил брагу – до капли, выдохнул и, не глядя, отшвырнул кружку. Звон разлетевшейся вдребезги посуды будто подал сигнал, оборвавший затянувшееся молчание. Рыцари снова загалдели, выпивая, кивая сэйру Валису, насупленному смотревшему с другого конца стола.

Горло Марвина снова вздрогнуло. Но теперь он лишь смачно плюнул на стол перед собой и, оттолкнув соседа, вышел вон. Вслед ему никто не смотрел, только благородные рыцари, у которых всё так же щемило внутри, перебросились тревожными взглядами.

И ведь правильно, что тревожились.

Входная дверь грохнула о стену. Замешкавшаяся служанка пискнула, прижалась к стене, в страхе глядя на мессера, промчавшегося мимо неё, будто смерч. Мессер полыхал от ярости,

и даже глупой сельской девушке, подававшей вино к столу господской солдатни, было ясно: от такого стоит держаться подальше.

И ведь не так-то глупа была эта девушка.

Марвин размашисто прошёлся по двору, потом остановился, рванул ворот рубахи, открывая всё вздрагивающее горло промозглому ветру поздней осени. Небо было низким и давящим – не то к грозе, не то к снегу, хотя в эти места настоящая зима придёт ещё нескоро. Времена года на Предплечье всегда запаздывали: в начале зимы не холодно, в начале лета не жарко, а как дождь и слякоть, чтоб дороги размыть и грязи понамесить, – так всегда пожалуйста. Именно здесь, на Предплечье, Марвин почти поверил в то, что место в самом деле определяет нрав его уроженца. Потому что нрав благородного сэйра Годвина один в один походил на эту дрянную погоду: слякоть да размазня.

«Будь ты проклят, пёс шелудивый», – подумал Марвин в сердцах и тут же осенил лицо святым знамением – от лба к подбородку, раскрытой ладонью, – наскоро бормоча покаянную молитву. Конечно, он, вассал, не смел ни говорить, ни даже думать так о своём сюзерене, назначенном ему самим Единым, – но сил уже просто не осталось держаться. Он так надеялся, что его слова в малом зале хоть кого-нибудь вызовут на драку, – но даже поганец Валис прятал взгляд. И не в том дело, что они боялись Марвина, – просто в глубине души им нечего было ему возразить. И вот это-то было хуже всего.

Марвин снова подёргал ворот рубахи, отчаянно вглядываясь в чёрное небо. Ему было трудно дышать, и, несмотря на все старания, он даже не был пьян – ледяное прикосновение ветра вкупе с яростью выветрило весь хмель. От тоски хотелось выть, да только ночь выдалась слишком пасмурной – и луны-то не видать. Марвин горько усмехнулся. Что проку выть, когда и не на что, и услышать некому? Хотя... щупленькая девушка с ясными глазами, вжавшаяся в стену... Марвин круто развернулся, окидывая двор цепким взглядом. Никакой уже девушки – только пара пьяных вдрызг рыцарей бредёт через двор, обнявшись и невнятно бормоча песню. Марвин скрипнул зубами и со злостью врезал кулаком в раскрытую ладонь.

Он чувствовал себя преданным.

Да, он знал, что сэйр Годвин поступил точно так, как поступил бы на его месте любой владетельный рыцарь, не желающий потерять всё, что имеет. Знал, что такие, как он, всегда идут на попятную, когда их охотничий азарт привлекает вмешательство самой короны. Знал, что, прекратив междоусобицу, сдавшись и возлагав королевской милости, сэйр Годвин спас всем им жизни и состояния.

Вот только Марвину на таких условиях не нужны были ни состояние, ни жизнь. Его позвали драться за своего сюзерена – он дрался, видит Единый, и готов был сложить голову, но не оружие. И вдруг оказалось, что его сюзерен требует именно второго. Всё складывалось отменно, сэйр Годвин уже вытряс своего склочного кузена из его земель и готовился закрепить оборону. Но тут его величество соизволил обратить сиятельный взор на междоусобную распрю, погрозил пальчиком... Вот война и кончена, а враждующие родичи пируют под крышей вчерашнего победителя, и венценосная семья взирает на их лицемерные объятия с умилением. Турнир этот треклятый затеяли, вон, вся долина пестрит шатрами, ещё бы скоморохов позвали.

И вот теперь, пьянствуйте, мессеры... Радуйтесь миру. А Марвину не нужен был мир. Ему было двадцать два года, он уже не раз отличался и в боях, и на турнирах, и в постелях прекрасных дам, и он хотел драться. Это был его долг и, больше того, – его святое право. А сэйр Годвин отнял у него это право.

«Пёс шелудивый», – подумал Марвин с ненавистью, глядя на ярко сиявшие окна верхних этажей, и привычно провёл по лицу раскрытой ладонью.

В стороне, от галереи, соединявшей южное крыло замка с главными покоями, послышался шум. Марвин обернулся, обуреваемый надеждой: пьяная драка была для него слишком мелким поводом, но, может, там королевская солдатня повздорила с недавними врагами?... Кач-

нулся факел, подвешенный над аркой у входа в галерею; в неровном свете терзаемого сквозняком огня выступила щетинистая физиономия в обрамлении кольчужного капюшона с красными звеньями по кайме. Точно, королевская гвардия! Сердце Марвина забилося в радостном предвкушении. Он шагнул вперёд, преграждая солдатам дорогу.

– Что-то угодно, мессеры?

Предводитель отряда (всего гвардейцев было человек пять) окинул его неприязненным взглядом. «Помнишь ещё, как мы вас в хвост и в гриву гоняли», – удовлетворённо подумал Марвин, и от мысли, что времена эти ушли неизвестно насколько, его снова захлестнула смертельная тоска.

– Здесь сидят рыцари сэйра Годвина? – спросил гвардеец.

– Здесь, любезный, здесь. Только это, знаете ли, пирушка для своих, а вас мы вроде не приглашали.

– Нам нужен сэйр Марвин из Фостейна, – холодно перебил гвардеец и добавил: – Именем короля.

Марвину неистово захотелось схватить его и расцеловать. По-братски, в обе щеки – оставило лишь то, что кто-то из ребят в зале мог увидеть и неправильно понять.

– А зачем? – спросил он.

Гвардеец бросил на его радостное лицо недоумённый взгляд.

– Арестовать велено, – отчеканил он, не особо смутившись. А следовало бы смутиться: гвардейцев пятеро, ребят Годвина – полсотни. Если бы дошло до общей драки, её исход был бы предreshён.

Но Марвин не собирался доводить до общей драки. Вот ещё – делиться с кем попало таким удовольствием!

Он шагнул к двери, взялся за неё, не глядя, толкнул. Дверь захлопнулась. Льющийся из проёма гул и свет будто ножом срезало. Стало почти совсем темно, только ветер вязал узлами продолговатый огонёк факела над аркой.

– Мессер, могу я узнать ваше имя? – спросил Марвин.

– Я сэйр Тайвонг, старший сержант гвардии его величества, – выпятил грудь тот.

– Милостивый сэйр Тайвонг, – произнёс Марвин, обнажая меч, – отныне вы мой лучший друг и брат. Если я сейчас не убью вас, после непременно напую допьяна. Я сэйр Марвин из Фостейна, валяйте, арестовывайте.

Гвардейцы засопели. Видимо, о нраве Марвина они были предупреждены заранее. Сержант вздохнул.

– Сэйр Марвин, мне бы не хотелось...

– А мне бы хотелось! – заявил Марвин и легонько кольнул сержанта остриём меча в живот. – Начнём, мессеры, ну же! Я тут без вас едва не подох со скуки!

Сержант решил более не полагаться на своё сомнительное красноречие и, сделав знак солдатам, отступил к арке.

– Эй, да вы трус, мессер! – крикнул Марвин, отбивая обрушившийся на него град атак. – Предложение поставить вам бражки снято!

После лютой тоски, съедавшей его минуту назад, он будто попал прямо в рай. Правда, ощущение это длилось всего несколько мгновений – пока он не понял, что они не собираются его убивать. Это уничтожило большую часть удовольствия. Марвин страшно расстроился и с досады ранил двоих, а потом сдался. То есть они не знали, что он сдаётся – им казалось, что они зажали его в угол и удачно уловили момент, чтобы повалить. Ну, пусть так и дальше считают. Хоть потешит немного бедолаг – тоже ведь, небось, скучают.

Кто-то из рыцарей выглянул за дверь, когда всё уже было кончено – счастье, что не раньше, а то, не разобравшись, вмешались бы и всё испортили. Хотя, в общем, и портить почти нечего.

- Эй, Марвин, куда они тебя?! – ошарашено крикнул рыцарь.
- Говорят, под арест, – бросил Марвин через плечо.
- Чей?!
- Королевский!
- О! Расскажешь потом!

Ответить Марвин не успел, потому что его уже волокли прочь. Ну, волокли так волокли – он расслабился, не давая себе труда перебирать ногами. Его конвоиры запыхтели, но делать было нечего. Сержант шёл впереди, освещая тёмную, как погреб, галерею факелом – который, вдруг понял Марвин, спёр из-под арки. Вот гад, а? Будто в своём крыле не нашёл. Он не оборачивался, кажется избегая смотреть на арестованного. Марвин надеялся, что ему стыдно.

В господской части замка Балендор он никогда не бывал, поэтому оглядывался с интересом. Впрочем, смотреть особо было не на что: его вели в основном галереями и переходами, сплетавшимися в недрах замка тесно, будто змеиный клубок. От планировки веяло навевающим зевоту однообразием, и поэтому Марвин слегка оторопел, когда его наконец втолкнули в огромный, залитый светом зал. Он ждал, что его отведут в какой-нибудь подвал, и удивился вдвойне, поняв, что находится в одном из главных залов замка. Сей факт позволял сделать некоторые выводы, поэтому лица, в этом зале находившиеся, уже не вызвали у Марвина такого удивления. И это было хорошо, потому что выглядеть перед венценосными особами обалдевшим провинциальным увальнем ему вовсе не хотелось.

- Идите, мессер, – процедил сэйр Тайвонг и подтолкнул Марвина в спину.
- А вас, мессер, я завтра убью, – ответил Марвин и пошёл вперёд.

Зал был длинный и широкий, с огромными балконами под самым потолком, по всему периметру. Балконы пустовали, зато нижний ярус зала был битком набит людьми: попадались среди них и вассалы Годвина, но большинство Марвин не знал. Выглядели они прилично, если не сказать лощёно; мужчины щеголяли кто парчовыми плащами, кто парадными доспехами, женщины пестрели шелками и сверкали драгоценностями. На этом фоне всклокоченный и взмокший после драки Марвин в своих полотняных штанах и рубахе с рваным воротом выглядел по меньшей мере непримечательно. Видимо, по этой причине на него все и вылупились: рыцари кривили губы, их дамы хихикали, как полные дуры. Марвин не прошёл ещё и половины пути до тронного помоста, находившегося в конце зала, а ему уже сделалось неуютно. Его сапоги оставляли на изрядно потёртом бархатном ковре вереницу грязных следов.

Дойдя наконец до трона, Марвин под всеобщее шушуканье опустился на одно колено и склонил голову. Потом, не поднимаясь, осмелился скосить глаза в сторону помоста, на котором расположились главные особы королевства.

Венценосную семью он видел впервые – хотя доводилось раньше лицезреть издали его величество короля Артена Благоразумного, как его именовали ныне здравствующие летописцы и придворные лизоблюды. Прямо скажем, совсем некоролевского вида человек: невысокий, щуплый, осанка никуда не годится, бородёнка реденькая, глазки бегают, корона на лысеющей, несмотря на молодые лета, голове сидит кое-как. Простонародье, правда, говорило, что у короля доброе лицо и что он в самом деле редкой души человек, но с этим Марвин мог бы и поспорить – с его точки зрения, куда милосерднее (и, если уж на то пошло, *благоразумнее*) было снести буяну Годвину голову, чем вынуждать его прилюдно лобызаться с кузеном, растравляя в обоих ещё больше ненависти. Сэйр Годвин, кстати, был тут же, вместе со своим родичем, – похожие, как родные братья, оба рослые и рыжие, они сидели по левую руку от королевы и давили из себя улыбки. Годвин, поймав взгляд Марвина, тут же отвернулся и непринуждённо заговорил с её величеством, нарочито громко, и его могучий голос загудел под сводами зала:

– Ну вот, моя королева, рыцарь, упоминание о коем так вас встревожило. Осмелюсь только вновь напомнить, что рыцарь сей – мужества и силы беспримерной. Извольте же проявить милость...

– И не подумаю, – звонко сказала королева. – Милость тут мой благоразумный супруг изволит проявлять, а я только казнить умею, это всем известно, – добавила она и одарила собравшихся мелодичным переливом серебристого смеха.

«Мегера, судя по всему, – подумал Марвин, – но до чего хороша». Королеву Ольвен он никогда раньше не встречал, а жаль: и впрямь дивно хороша. Королева была маленькой и хрупкой – как раз во вкусе Марвина, и он всегда трепетал при виде таких кукольных, капризных мордашек с надутыми губками и надменно изломанными бровками. Ему нравилось смотреть, как менялись эти лица, когда он подминал под себя их своенравных обладательниц, вынуждая кричать в глухой ночи, кричать и кричать: «Ещё! Ещё! Ещё!»

– О чём вы задумались, беспутный мессер? – улыбаясь, спросила королева.

– О причине, коей я обязан счастьем оказаться столь близко от ваших величеств, – без запинки ответил Марвин.

– Отчего же не спросите прямо?

– Не смею, – нагло сказал он.

– А я бы на вашем месте спросил, – хмыкнул король. – Так, может, и голову сохраните. Хотя это вряд ли.

– Я призвала вас, неблагородный мессер, – мягко сказала королева, глядя Марвину в глаза, – дабы вершить над вами скорый и справедливый суд. Суд не по закону человеческого, но по закону великой госпожи нашей Любви, которую вы горько и жестоко обидели.

«Ну всё, – подумал Марвин, – вот я и влип». Надо было всё-таки поубивать тех щенков, что явились его арестовывать. Других бы, небось, и не прислали – забыли бы к тому времени, а теперь точно казнят. Если и впрямь правда то, что говорят об это прелестной сучонке Ольвен, а это, кажется, правда, – по крайней мере, насчёт её красоты люди не врут.

Судя по всему, Марвин стал случайной жертвой забавы, которой любила предаваться королева Хандл-Тера: выслушивая пустячные жалобы, она разыгрывала фарсовое судилище, порой назначая смехотворную расплату вроде поцелуя дамской ножки, но чаще отправляя подсудимого напрямик на плаху. Особенно часто эта незавидная участь постигала известных бабников, обманутым любовницам которых удавалось пробиться к королеве и тронуть её своей историей. Немало давних кровавых счётов было сведено таким образом: придворные сделали королевские капризы практически неотразимым орудием убийства; королеве же, казалось, до этого не было никакого дела. Ох уж эти придворные – всё сплошь крысы и гадины, Марвин был счастлив, что ему всегда удавалось держаться от них подальше, – а они держались подальше от грязных дорог и полей брани, которые его привлекали. Впрочем, и это его не уберегло.

«Кто ж меня так подставил?» – подумал он, украдкой оглядываясь в поисках ответа. Но ни одного знакомого лица ему так и не попало. «Подвёл под нож – и прячется теперь, скотина. Выясню – убью, – привычно пообещал себе Марвин. – Если успею, конечно...»

А пока надо выкручиваться.

– Чем же мог я прогневить эту сиятельную месстрес? – невинно поинтересовался он. – Мне казалось, напротив, я всегда был её преданным слугой.

– Ах, бросьте! – капризно сказала королева Ольвен и швырнула в него яблоком. Целила, кажется, в грудь, но немного промахнулась. «И впрямь гневается», – подумал Марвин, удерживая желание потереть занывшее плечо. – Это вы её сделали своей слугой, и обращались прескверно, как с последней посудомойкой! Сколько сердец прекрасных месстрес вы разбили, негодник?

– Не считал, – честно признался Марвин. Король хихикнул и тут же закашлялся в кулак, потупившись под уничтожающим взглядом королевы. Сэйр Годвин разглядывал свои ногти, его паскудный кузен довольно ухмылялся, радуясь посрамлению братова вассала, а следовательно – и самого брата.

– Вы только подумайте, он не считал! И они, вообразите, тоже не считали, сколько слёз из-за вас пролили!

– Моя королева, сознательно я никогда не причинил обиды ни одной благородной месс-трес, – вполне чистосердечно сказал Марвин.

– Отчего же тогда они так рыдают, отчего так безутешны, отчего требуют для вас кары?

– Кто именно? – перешёл к делу Марвин. – Поймите меня правильно, ваше величество, если бы я точно знал, о какой из благородных месстрес идёт речь...

– Вы обидели её совсем недавно, – озорно улыбаясь, заявила королева.

Так, начинается. Она ж не просто палачу отдаст – поиграет ещё сперва, как кошка с мышкой. Вот и придворные уже хихикают. Забавно им, видите ли. Хотя, чего уж там, Марвину на их месте, наверное, тоже было бы забавно...

– Недавно – понятие столь относительное, моя королева, – извернулся он. – Порой то, что равнодушному кажется недавним, для страждущего сердца оборачивается веками...

– Не особо-то вы страждете, как я погляжу, – оборвала его королева. – Хотя теперь я понимаю, какими речами вы смущаете умы благородных месстрес.

«А может, и пронесёт», – подумал Марвин, осмелившись поднять взгляд. Королева по-прежнему улыбалась, но в её улыбке теперь было на порядок меньше яда и на порядок больше – удовольствия. Марвин снова представил, каким стало бы её лицо, если бы...

– Но я снова вам подскажу. Эта месстрес встретила вас здесь, в Балендоре, и вы дали ей некое обещание, которого не сдержали.

«Да сколько ж их тут было таких!» – мысленно взвыл Марвин. Ну в самом деле – разумеется, он что-то да обещал каждой девчонке, которой задирали юбку, это обычное дело. И уж королева Ольвен это наверняка понимает как никто.

– Не припомните? Коротка же у вас память, мессер!

– Длинною не памяти измеряется сила рыцаря, но меча его, – кротко ответил Марвин.

Тут уж король не выдержал и расхохотался в голос. Вернее, хохотом это высокое побуждение назвать было трудно, но не приходилось сомневаться, что государю весело. Годвин тоже улыбался. Марвин счёл это хорошим знаком.

– У неё самые дивные белокурые локоны, какие мне доводилось видеть, мессер, – лукаво сказала королева.

«Ого как, – подумал Марвин. – А уж не сама ли ты по этой части?.. Но нет, невозможно. Слишком утонченна и женственна».

– Вы не похожи на других женщин, моя королева, – вырвалось у него.

Король перестал смеяться, Годвин – улыбаться, зал притих, а королева удивилась.

– Почему?

– Обычно женщины не любят тех, в ком отмечают красоту. И только вы одна можете сочувствовать им и защищать их честь. Впрочем, это можно понять: с вашей красотой нет нужды опасаться соперниц.

– Казнить, – с упоением сказал король. – Немедленно. Прилюдно.

Но Марвин видел, что он шутит, и всё сейчас зависит от королевы. Не то чтобы он боялся смерти – но не хотелось умирать так глупо, а ещё больше – вызвать немилость королевы Ольвен. Хотелось, можно сказать, совсем обратного...

Внезапно счастливая догадка пронзила Марвина. Он удержал победную улыбку и, не поворачивая головы, твёрдо сказал:

– Впрочем, не могу отрицать, что в вашем лице месстрес Бьянка из Кудиона обрела поистине могучего защитника.

«Угадал или нет?» – напряжённо подумал Марвин и по засиявшей улыбке королевы понял, что угадал. Точно, Бьянка. Маленькая белокурая Бьянка... которая хохотала, когда он увещевал, что в её неприлично юном возрасте нельзя клеиться к каждому встречному мужчине

и что отец убьёт её, если узнает. На это она отвечала: «Нет, милый, это *тебя* он убьёт!» – и снова хохотала, так очаровательно, что Марвин не устоял, хотя девчонке едва стукнуло шестнадцать. Отец, видимо, всё-таки узнал. Марвин помнил его смутно – вроде сморчок какой-то, так что не удивительно, что кинулся к королю просить заступничества, ну а Бьянка, видимо, подыграла... а что ей оставалось? В монастырь-то, поди, неохота. Марвин ни в чём её не винил. Главное – чтоб теперь жениться не пришлось. Ну и чтобы не казнили.

– А не так-то уж и коротка ваша память, мессер, – сказала королева.

– Стараюсь, как могу, – признался Марвин.

– Выйди сюда, дитя моё! Вот твой обидчик. Правда ли, что вы обещали сей прекрасной и благородной месстрес жениться на ней и под этим предлогом обесчестили?

«Да это же ты её сама сейчас на весь свет бесчестишь, стерва», – подумал Марвин, а вслух сказал:

– Неправда!

По толпе придворных прошёл ропот, король засопел, королева нахмурилась, а прелестная маленькая Бьянка, вынырнувшая из толпы, залилась краской и умоляюще посмотрела на отца. Тот топтался рядом – странно, что Марвин сразу их не заметил, – весь пунцовый от стыда. «Сам напросился, – мстительно подумал Марвин, – это не я тебя сюда за шиворот приволок, а как раз наоборот».

– Так вы говорите, неблагородный мессер, – произнесла Ольвен, и в её голосе зазвенели стальные нотки, – что не обещали этой месстрес повести её под венец?

– Не обещал, попросту не мог обещать, – уверенно ответил Марвин. – Потому как с младенчества обещан другой, и никогда не нарушил бы обет.

– О, – лоб королевы разгладился. – Вот как? Какой же бедняжке так не посчастливилось?

– Месстрес Гвеннет из Стойнби, моя королева.

– Стойнби? – оживился король. – Это те Стойнби из южной доли?

– Истинно, мой король.

– Славный род, – покивал Артен. – Славный и миролюбивый. Душа моя, – тонкая монаршая ладонь легла за запястье супруги. – Мне кажется, брак с девицей столь спокойных и чистых кровей охладит буйную голову этого неистового мессера.

«Ох, какой же вы дурак, ваше величество», – подумал Марвин и поспешно осенил себя святым знаменем. Королева удивлённо приподняла брови. Марвин тут же нашёлся и сказал:

– Клянусь Единым, так и будет, мой король.

Ольвен покусала пухлые губки. Годвин скучал, старый Кудион пыхтел от возмущения, Бьянка ковыряла ножкой пол.

– Полагаю, – наконец изрекла королева, – что лучше всего эту буйную голову можно охладить, сняв её с плеч. Однако было бы несправедливо лишать благородную девицу жениха, с которым она обручена с младенчества. С другой стороны, – продолжала королева, перекрывая поднявшийся недовольный гул – а как же, такое развлечение сорвалось, – я полагаю, что и месстрес Бьянка, лишившаяся сатисфакции, и все мы, лишившиеся забавы, вправе требовать возмещения. Не так ли, благородные мессеры?

– Так! – заорали благородные мессеры; одуревший от ужаса Кудион старался больше всех. Королева подняла руку, требуя тишины.

– Посему, – сказала она так, чтоб слышали все, – повелеваю сэйру Марвину из Фостейна завтра непременно участвовать в турнире, затеянном нашим смиренным вассалом сэйром Годвином, и показать нам удаль, о которой мы столько наслышаны. Его дамой на завтрашний день будет месстрес Бьянка, которая по завершении празднеств отправится с нами в столицу ко двору, где мы подыщем ей супруга, достойного её благородства и красоты. Дитя моё, сделайте милость и одарите беспутного сэйра Марвина знаком своего внимания, дабы завтра он вдохновился им на ристалище.

Король заплодировал, толпа завопила от восторга, старый Кудион утёр со лба пот, а маленькая месстрес Бьянка подошла к коленопреклонённому Марвину и, вытянув из волос голубую ленту, повязала ему на шею. Смотрела она на него при этом так, что Марвин забеспокоился, как бы она его этой лентой не удушила.

– Я тебя предупреждал, – шепотом сказал он и тут же смолк под её пылающим взглядом. Темпераментная девочка, о да.

– А мог бы и жениться, – прошипела она. Марвин перехватил её ладонь и поднёс к губам. Она хотела вырваться, но он не позволил. Краем глазом он уловил взгляд Ольвен – долгий, пристальный... одобрительный.

«Я выиграл, – подумал Марвин. – Верно, моя королева? Я никогда не проигрываю».

Внизу было шумно и слишком светло; впрочем, сейчас по всему замку галдели и бесчинствовали если не придворные короля, так рыцари Годвина, и побыть в относительном покое было решительно негде. Не считая галереи в Большом тронном, конечно. Балендорский замок был одним из древнейших в Хандл-Тере – говаривали, что его возвёл Бален, рыцарь Святого Патрица, позже ставший одним из первых монахов его ордена. Замок, соответственно, отличался сомнительной грацией древнейшей архитектуры – и галереей над тронным залом. В давние времена туда пускали простолюдинов, жаждавших поглазеть на короля, – эту практику прекратили ещё триста лет назад, когда Артен Светозарный был убит с такой галереи выстрелом из пращи. С тех пор галереи пустовали, а чаще использовались вместо подсобных помещений, и их вечно заваливали всяким хламом.

Зато тут было пусто и спокойно, а ничего другого Лукасу сейчас и не требовалось.

Он стоял возле стрельчатой бойницы, заменявшей в верхнем ярусе окна, и ждал. От бойницы тянуло сквозняком, от стены – холодом, но его не смущало ни то, ни другое – и не к такому привык. Неуютность этого места обеспечивала куда больший душевный комфорт, чем надушенные дворцовые хоромы. Лукас давно понял, что шпики всех сортов – твари на редкость изнеженные, прямо как клопы: им бархат да пух подавай, к голому камню никогда не присосутся.

Дерек тоже это знал – уж он-то как никто. Лукас верил его чутью и опыту и ждал, согревая дыханием стынувшие пальцы. Надо было всё-таки перчатки прихватить, ну да бес с ними.

На нижнем ярусе бедняга Годвин развлекал короля и полчище его прихвостней. Лукас ему откровенно сочувствовал. Он и в юности-то не особенно любил свет, а теперь и вовсе избегал всеми силами. Иногда это становилось трудно, но чаще всего – получалось. Его и сейчас бы здесь не было, если бы не Дерек... а вот, кстати, и он.

– Я заждался, – опуская руки, сказал Лукас.

– Извини, никак не мог вырваться, – ответил тот, и в его глазах промелькнуло мимолётное облегчение.

Лукас окинул его взглядом – там, внизу, где он случайно встретился с Дерекком глазами, было слишком пёстро, чтобы он мог рассмотреть старого друга как следует. «Постарел, конечно, но держится молодцом. Все мы стареем», – без сожаления подумал Лукас. Пожалуй, даже всё ещё красив, и чёрно-белое одеяние патрицианца ему всегда было к лицу. Когда оба они были моложе, Дерек по пьяни частенько уговаривал Лукаса вступить в их ряды. Бабы, дескать, так и млеют при виде рослого рыцаря в белом плаще и чёрных латах с ярко-алой эмблемой на кирасе – раскрытой ладонью, будто чья-то огненная рука оставила на железе отпечаток. А к чёрным волосам, да бледной коже, да огню в глазах – ох, Лукас, они все твои, смеялся Дерек. Да они и так мои, отвечал ему Лукас, и они смеялись уже вместе, легкомысленные, беспечные, молодые... Теперь Дерек прятал под кирасой намечающееся брюшко, а Лукас слишком хорошо знал, чем приходится расплачиваться за эффектное одеяние рыцаря-патрицианца. Например, десятилетней разлукой с тем, кто когда-то был другом.

– А ты действительно почти не изменился, – сказал Дерек.

Лукас усмехнулся:

– Врать ты всегда умел, это я помню. Тогда и я тебе верну комплимент. Поверишь?

Дерек приподнял уголки губ в ироничной улыбке. Лукас подумал, что теперь он похож на патрицианца куда больше, чем десять лет назад: появилась наконец холёность и отстранённость, холодность и лёгкая снисходительность во взгляде и жестах. Таковы были его старшие братья по ордену, с которыми Лукасу когда-то приходилось иметь дело и которых он временами ненавидел. Но Дерек не ненавидеть не мог. Не потому, что не хотел – просто забыл уже, как это делается.

– Во всяком случае, я вижу, у тебя всё хорошо, – сказал он. – Ты всё-таки стал патрицианским магистром...

– Да. А вот ты так и не стал владетельным рыцарем. Хотя, уверен, возможности были.

– И не одна.

– Как ты здесь оказался?

– К Годвину заехал. Надо было кое-какие дела уладить.

– Дела? – брови Дерек в вопросительно приподнялись. Лукас заметил, что они почти совсем поседел – странно, в волосах седины не виднелось. – Какие у тебя могут быть дела с этим деревенщиной?

– А какие у меня могут быть дела с магистром-патрицианцем? – вздохнул Лукас. – Ровным счётом никаких.

– Это только от тебя зависит.

Лукас поднял голову. Лёгкая тревога, точившая его всё время ожидания, усилилась, и это ему вовсе не понравилось.

– Только не говори, что тебе... – начал он и умолк.

Дерек отвернулся, запахнул плотнее плащ – не традиционный белый, а чёрный с белой подкладкой, – сделал несколько медленных шагов к поручням балкона. Галдёж внизу чуть притих – видно, придумали новую забаву и сейчас вели приготовления.

– Да нет, я помню, ты больше этого не делаешь, – произнёс Дерек, не глядя на него. – Я просто хотел тебя предупредить.

«Проклятье», – подумал Лукас. Помолчал, раздумывая, стоит ли задавать вопрос, который терзал его с того самого мгновения, как он увидел Дерек в толпе придворных. Наконец, чувствуя, что этого всё равно не избежать, негромко спросил:

– Будет война, да?

– Да, – кивнул Дерек.

То, как он это сказал, объясняло многое – больше, чем Лукасу хотелось знать.

– Скоро?

– Очень скоро.

– Поэтому в Балендоре сейчас и нет герцогини?

– Герцогиня уже едет.

– Вот как, – протянул Лукас. – Так она всё-таки решилась...

– Сама она бы никогда не решилась, – коротко сказал Дерек.

Лукас помолчал, обдумывая услышанное. Потом дважды хлопнул в ладоши.

– Bravo, ваше преподобие, – проговорил он. – Вот, значит, как далеко вы забрались. Гражданская война между королевскими особами. А начинали, подумать только, с мелких междоусобиц.

– Надо же было на чём-то тренироваться, – неожиданно желчно ответил Дерек, и Лукас подумал, что прежде в нём не было этой желчи.

Повисла минутная тишина, потом Дерек, не выдержав первым, раздражённо сказал:

– В жизни не поверю, что ты меня осуждаешь.

– Тебя? Да что ты, – удивился Лукас. – Напротив, я всегда тобой восхищался.

– А я тобой, – пристально на него глядя, сказал Дерек. Лукасу не понравился этот взгляд – глухое недовольство снова заскреблось в нём, но он заставил его стихнуть и насмешливо сказал:

– Но я-то просто живу как живётся, а ты, вижу, годами развивал свой талант. Оно и понятно – прибыльное дело, должно быть. Не так-то много у нас мастеров по развязыванию войн. Я всегда голову ломал – и как ты только это делаешь?

– На самом деле всё просто. У каждого человека есть слабости и уязвимые места. И если постараться, всегда можно отыскать давно брошенное зерно будущей вражды. Люди глупы, они думают, что старые обиды забываются.

– Но они ведь и правда забываются, – улыбнулся Лукас.

– Говори за себя, – улыбнулся Дерек в ответ.

Это были очень нехорошие, гадкие улыбки. Дрянные улыбки давних врагов. Хотя они ведь никогда не были врагами.

Какое-то время они смотрели друг на друга. Дерек отвёл взгляд первым и сказал с показной беспечностью:

– Впрочем, ты сам знаешь, эта война давно уже зрела. Не спровоцируй мы, спровоцировал бы кто-нибудь другой, случайно, в куда менее подходящий момент.

– И кто победит? – вполголоса спросил Лукас – он не сомневался, что патрицианцы это уже решили.

– Сначала – герцогиня.

– А потом?

Дерек скрестил руки на груди. В его голосе повеяло далёким холодком.

– Лукас, ты прекрасно понимаешь, что для твоего собственного блага тебе следует знать об этом как можно меньше.

– Я и не настаиваю. Просто не могу понять, зачем ты назначил мне эту встречу. Только, прошу, не говори, что хотел меня повидать. Мы с тобой оба уже не мальчишки.

– Да, – медленно кивнул Дерек и добавил: – А знаешь, я иногда об этом жалею.

– Ну ещё бы, – усмехнулся Лукас.

– Мы тогда... ни в чём не сомневались.

– А теперь ты сомневаешься?

Должно быть, удивление в его голосе было слишком явным: Дерек напрягся и, кажется, лишь усилием воли заставил себя не обернуться.

– Мне порой кажется, что магистром патрицианцев должен был стать ты, а не я, – проговорил он.

– И дать обет целомудрия?! – возмутился Лукас. – Вот ещё. А денег у меня и так больше, чем мне надо.

– Денег... Да, я знаю. Более десяти тысяч у ростовщиков по всей стране. Несколько земельных наделов. Дома в разных городах, хотя родовым замком ты так и не обзавёлся. Почему, кстати? Тебе ведь давным-давно пожаловали титул.

– Родовой замок тянет слишком много средств, – коротко сказал Лукас. – Я вижу, ты навёл обо мне справки, Дерек. Что ещё расскажешь?

– Ты так и не женился, хотя наплодил немало бастардов. Никем из них не интересовался. Кстати, если захочешь, я расскажу тебе о некоторых. Они уже подросли.

– Благодарствую, – холодно ответил Лукас. – Если бы я хотел, я бы сам выяснил. Что ещё?

– Успокойся, – Дерек обернулся, продемонстрировав свою патрицианскую улыбку – уголками губ. – Я не собираюсь на тебя давить. По правде говоря, на тебя и не особо надавишь. Ты в самом деле умудрился построить свою жизнь так, что у тебя почти не осталось слабых мест...

– Не почти, мессер магистр.

– У всех есть слабые места, – мягко сказал Дерек.

– Тогда почему ты всё ещё не заставил меня сделать то, что тебе нужно?

Дерек вздохнул, но тут же улыбнулся снова.

– А ты и впрямь почти не изменился. Седина не в счёт.

– Если ты говоришь о моём подходе к жизни – то, разумеется, нет.

– Ты когда-то неплохо служил ордену.

«О, – с раздражённым облегчением подумал Лукас, – наконец-то к делу».

– Да, – терпеливо сказал он. – И орден неплохо мне платил. Но теперь мне ничего не нужно.

– Лукас, я могу задать тебе личный вопрос?

– Ты ещё спрашиваешь, – рассмеялся Лукас – и смех вышел почти не натянутым.

– Ради чего ты живёшь?

Лукас знал, что его лицо не изменилось – умением контролировать внешние проявления своих чувств и мыслей он овладел давно. Но он подумал, что совершенно не зря давным-давно избавился от пагубной привычки иметь друзей.

– Это и есть твой вопрос? – любезно поинтересовался он.

– Спасибо, – кивнул Дерек – так, будто получил ответ, и эта мысль неприятно покорибила Лукаса.

– Ты хочешь, чтобы я участвовал в этой войне, – резко сказал он. – Причём на стороне герцогини. И не собираешься говорить, зачем. Я и прежде никогда не делал того, цели чего мне не удосуживались объяснить, и ты это прекрасно знаешь.

– Ты всё равно не поверишь, если я назову тебе причину.

– Уверен?

– Я просто забочусь о тебе, – прохладно сказал Дерек. – Эта война перевернёт всё с ног на голову, и не один раз. Не зная подноготной, будет трудно сделать правильный выбор. А от него зависит многое.

– Что именно, Дерек? Если ты печёшься о моём состоянии, которое может отобрать новый монарх, – так для меня это не столь уж страшная утрата.

– Но это будет страшной утратой для *меня*, – вполголоса сказал тот.

Лукас сухо усмехнулся.

– И слова эти принадлежат магистру патрицианцев, а вовсе не Дереку Айберри?

– Да, – легко согласился Дерек.

Лукас улыбнулся – на сей раз без тени иронии.

– Сразу бы так и сказал. Но это напрасная забота, Дерек. Я... не тот уже. Поверь на слово.

– Прости, но не поверю. Просто ты устал.

– Я никогда не устаю.

– Значит, утратил азарт.

Лукас приподнял уголки губ, копируя усмешку Дерек. Сходства, видимо, удалось достичь, потому что тот слегка нахмурился.

– Полагаешь, сможешь мне его вернуть? – поинтересовался Лукас, и тут уж Дереку нечего было ответить.

Сквозняк вдруг опротивел окончательно. Лукас поёжился, потёр ладони и отошёл к балюстраде, туда, где горели огни факелов. Там он приник к поручням, лёг на них верхней половиной тела, крадя тепло нагретого камня.

– Ты даром потерял время, Дерек, – бросил он, не оборачиваясь. – Я благодарен тебе за заботу, но передай своим братьям, чтоб на меня не рассчитывали.

– Ты можешь потерять всё.

– Пусть. Не впервой. А если и так – нагрябну новое, вот и появится охотничий азарт, о котором ты толкуешь.

Дерек за его спиной вздохнул. Лукас легко улыбнулся и окинул взглядом нижний ярус Большого тронного зала. Ага, они уже и забаву начали. Королеве Ольвен снова неймётся испытать кровушки. Жертвой на сей раз стал молодой человек, видимо, из рыцарей Годвина – всклокоченный и неважно одетый. Похоже, его вытащили прямо из-за стола.

– Бедняга, – посетовал Лукас вслух, на деле не испытывая ни малейшего сочувствия. Королева Ольвен, конечно, бабёнка вздорная, но, прямо как Дерек, всегда бьёт в уязвимое место. И если казнит, то за дело.

– Кто? – Дерек подошёл к нему, тоже взглянул вниз. – А! Снова судилище устроили. Но этому парню повезёт.

– Откуда ты знаешь?

– Это же Марвин из Фостейна. Ему всегда везёт.

– Правда? – Лукас посмотрел на рыцаря. Тот стоял к балюстраде вполоборота, лица его Лукас различить не мог, но видел, что рыцарь молод – совсем ещё щенок, высокий, светло-волосый, хорошо сложенный. Не слишком крупный, но и не тщедушный – золотая середина, идеальная для битв с противником почти любой комплекции, гарантирующая к тому же успех у большинства женщин. Лукас смотрел на него с симпатией – пятнадцать лет назад он сам был таким.

– А за что его?

– Кажется, девицу обесчестил.

– Наш человек, – одобрительно кивнул Лукас. – Ольвен его казнит.

– Вряд ли. Он как раз в её вкусе.

– Значит, отымеет, а потом казнит, – усмехнулся Лукас и, потеряв к мальчишке интерес, развернулся к залу спиной. – Я был рад видеть тебя, Дерек.

– Я тоже. – Он помолчал, потом как бы между прочим добавил: – Ты завтра будешь участвовать в турнире?

– Единый сохрани! – передёрнулся Лукас. – Делать мне больше нечего.

– Ты бы побил их всех.

– Конечно. Ну и что?

– Тебе не любопытно проверить свою форму?

– Дерек, – вздохнул Лукас. – Ты же вроде бы согласился, что мы уже не мальчишки.

– Это да, – вздохнул тот в ответ. – Прости. Ты прав. Турниры, как и войны, выигрывают молодые щенки.

– И это их право.

– Согласен. К слову, можешь обернуться и посмотреть на щенка, который победит завтра. Лукас бросил беглый взгляд через плечо.

– Этот Марвин? Думаешь?

– Знаю. Он всегда выигрывает.

Лукас снова посмотрел вниз. Судилище, похоже, завершилось: нежная блондиночка повязывала на шею рыцаря свою ленту. Что бы это значило? Всё-таки женили, небось. Ну, не худший вариант.

Рыцарь принял дар своей месстрес, почти насильно поцеловал её ладонь и встал с колен. Лукас увидел его лицо.

Будто почувствовав это – хотя сейчас за ним наблюдало не меньше сотни человек – Марвин поднял голову и встретился с Лукасом глазами. На одно мгновение, не задержав взгляда, – но Лукасу хватило этого мгновения.

– Какой занятный... волчонок, – проговорил он, глядя, как юный рыцарь под всеобщее шушуканье идёт к двери – с победной ухмылкой и гордо расправленными плечами. – Расскажи мне про него.

– Ничего интересного. Вассал Годвина, средней знатности и достатка. Родных нет, не считая семьи невесты – тоже какая-то мелкота, из южной доли, кажется. Горячая голова, быстрая рука, много гонора, много спеси. Вряд ли доживёт до двадцати пяти.

– Мы с тобой дожили.

– Мы другие были. Знали, чего хотим. А этому – лишь бы драку пожарче.

– Потому он и побеждает, – сказал Лукас и выпрямился. – Думаю, ещё увидимся?

– Да, наверняка, – кивнул Дерек. – На турнире ты как минимум поприсутствуешь?

– Вполне вероятно.

– Тогда увидимся.

– Увидимся.

Они не пожали друг другу руки на прощанье – раскланялись, без чопорности, но вполне формально. Зато это было честно.

Дерек двинулся к выходу из галереи, потом обернулся на полдороге. Лукас ждал этого и смотрел на него с лёгкой полуулыбкой, приподняв уголки губ.

– Вряд ли есть смысл просить тебя подумать о моём предложении?

– Я мог бы пообещать, но ты же знаешь, что я не стану думать.

– Знаю. По-моему, ты уже всё решил, – сказал Дерек и вышел.

Лукас проводил его взглядом, раздумывая о тоне, которым были произнесены последние слова. Дерек нравился ему – даже теперь, но Лукаса и в давние времена злило то, что он всегда знал о чувствах и мыслях собеседника больше, чем сам собеседник. Правда, никогда не говорил об этом прямо, и потому эту неприятную способность ему можно было простить.

Грохот внизу оторвал Лукаса от этих мыслей, вновь вызвавших смутную раздражающую тревогу. Он взглянул вниз, почему-то ожидая обнаружить источником шума молодого рыцаря, но тот уже скрылся.

Тяжёлые створки двери в Большой зал были распахнуты настежь, и на пороге в полном боевом облачении стояла Артенья, герцогиня Пальмеронская, старшая сестра короля.

– Сколько их там ещё? – спросил Марвин, протирая платком влажную ладонь.

– Вроде бы никого уже не осталось, – радостно отозвался оруженосец. Марвин хмыкнул:

– Ничего, вылезут. Всегда под конец ещё кто-то находится.

Он медленно перебрал пальцами правой руки, слушая, как похрустывают суставы. Рука не устала ни капли, напротив, без древка пальцам было одиноко. Марвин не любил, когда его руки пустовали: в них всегда должно находиться либо оружие, либо ручка винного кувшина, либо упругая женская плоть. Иначе они и вовсе не нужны.

– А всё-таки лучше бы вы под самый конец выходили, мессер, – с сожалением сказал оруженосец. – Оно куда как эффективнее...

– Дурак, – беззлобно обронил Марвин. – Тот, кто побеждает победителя, может похвастаться разве что удачливостью. Одного человека одолеть всяко проще, чем двадцать.

– Даже если он одолел предыдущих девятнадцать? – усомнился оруженосец.

– И девятнадцать раз лишил меня удовольствия, – сказал Марвин и поднялся. – Ну, что, по-прежнему тихо? Чего он ждёт?

– Кто, мессер?

– Не знаю. Но должен же кто-то выйти.

Солнце уже стояло в самом зените и припекало неожиданно сильно для конца осени. Обычно к полудню турниры завершались – рыцари выдыхались, а благородному собранию надоедало сидеть на одном месте. Но сегодня никто особенно не торопился – каждому хотелось подольше понежиться на капризном осеннем солнышке. Правда, этому мешал довольно сильный ветер, на котором отчаянно трепетали ленты и знамёна, и от их беспорядочного мельтешения рябило в глазах. Стремясь задобрить короля, сэр Годвин постарался на славу: долина

пестрела разноцветными палатками и флагами, наскоро собранные трибуны были увиты цветами и плющом – символом королевского дома Артенитов. Само ристалище засыпали специально привезённым цветным песком – чтоб благородные рыцари не переломали кости, когда Марвин станет вышибать их из седла. Это был мирный турнир, знаменующий долгожданное усмирение мятежного вассала, и устроитель празднества недвусмысленно намекнул Марвину, что кровавая баня сегодня нежелательна. Марвин лишь ухмыльнулся – похоже, и впрямь настрашали королевский двор его буйным помешательством. Небеспричинно, впрочем, – редкий турнир с его участием обходился без жертв. Но на сей раз он склонил голову – устроитель не преминул сообщить, что это особое распоряжение королевы Ольвен, которая со вчерашнего дня пребывает в редкостно благодушном настроении, и уж кто-кто, а Марвин был заинтересован поддерживать его всеми силами.

Он и вправду был заинтересован – поэтому даже не стал убивать сэйра Тайвонга, как обещал накануне. То есть прилюдно не стал – удар тупым концом копья пришёлся старшему королевскому сержанту аккурат в щель между шлемом и кирасой, перебив гортань. Его унесли с ристалища синееющего, судорожно хватяющего воздух ртом – Марвин знал, что проживёт он не больше часа. Но требование короля – верее, королевы – он выполнил: из тела бедняги гвардейца не пролилось ни капли крови, вся ушла в лицо. Марвин провожал его взглядом не дольше, чем остальных своих противников (включая новоиспечённого сэйра Валиса, отделавшегося позорным падением), а потом развернулся к бурно аплодирующим трибунам и в очередной раз отсалютовал в сторону ложи месстрес Бьянки. Её голубая лента трепетала у наконечника его копья, хотя сегодня этот наконечник ни разу не коснулся чужого щита: Марвин учёл всеобщий миролюбивый настрой и вызывал противников только ударом тупого конца копья о щит, и они отвечали ему тем же. Хотя он знал как минимум парочку тех, кто с удовольствием убил бы его, если бы смог.

Но в том-то и дело, что они не могли.

Марвин выпрямился у входа в палатку, натягивая перчатки. Оруженосец прыгал вокруг него, подправляя и без того безупречно сидящие латы – прочные и лёгкие, безумно дорогие. Это было едва ли не самое ценное его имущество, не считая любимого коня, пегого Опала, и он ни разу ещё не пожалел о том, какой ценой они ему достались. Турниры – это, конечно, пустая забава, но сколько славных врагов он нажил себе именно здесь, среди разноцветного песка и искусственных цветов, и как сладко было убивать их потом, в битве, чувствуя кожей жар их бессильной ненависти.

Марвин улыбнулся этим мыслям, щуря глаза от непривычно яркого света, и взглянул на королевскую ложу. Королева Ольвен, ещё более очаровательная при свете дня, ответила ему милостивым кивком, видимо, вполне довольная ходом турнира. А вот король скучал, а может, был чем-то обеспокоен – во всяком случае, удовольствия от происходящего явно не испытывал. Возможно, это объяснялось присутствием его сестры, герцогини Артеньи. Марвин вполне мог понять его недовольство – эта здоровенная бабища, больше походившая на сельского кузнеца, чем на принцессу крови, сидела с крайне угрюмым видом и бросала на окружающих не самые тёплые взгляды. Похоже, его величество непосредственно перед турниром имел с ней неприятную беседу – ну да и бес с ними. «Хотя, – подумал Марвин с усмешкой, – вот с ней-то я бы скрестил копья. А не вызвать ли её?..» Марвин тихо хохотнул при этой мысли – ну право, а почему бы и нет? И какая разница, что женщинам запрещено участвовать в турнирах. В конце концов, какому извращенцу может взбрести мысль назвать это существо женщиной? Герцогиня была одета по-мужски, сидела, наклонившись вперёд и свесив руку меж широко расставленных колен, на бедре у неё был отнюдь не турнирный меч, да и комплекцией она явно удалась в знаменитого отца – Артена Могучего, которого в народе прозвали Медведем. Несмотря на суровую и совсем не женственную физиономию, Марвину она нравилась – вот уж кто точно смотрелся бы на престоле получше её тещедушного братца...

Марвин привычно осенил себя святым знаменем, сокрушаясь этим кошунственным мыслям, и натянул вторую перчатку.

– Ну что, есть ещё самоубийцы? – крикнул он в толпу, а про себя подумал: «Если никто не выйдет, вызову Артеню для смеху. Интересно, как она будет выкручиваться. И королеве наверняка понравится. А уж королю-то...»

Но Единый хранил его от подобной выходки – прозвучала труба герольда. Марвин с удовлетворением развернулся в его сторону. Ну, кто на этот раз – чёрный рыцарь, белый рыцарь, тринадцатилетний сосунок в отцовских доспехах, деревенский свинопас? Марвин участвовал в турнирах с шестнадцати лет, никогда не проигрывал, и всегда под занавес являлся выскочка, овеванный ореолом таинственности, от которого млели дамы, бросал вызов то молча, то зловещим шёпотом из-под опущенного забрала, угрожающе потрясал копьём и клялся добиться мировой справедливости. Потом Марвин вышибал его из седла и дивился, неужто в этом мире никогда не переведутся дураки, воображающие, будто борьба за мировую справедливость способна заменить многие месяцы тренировок. И, разумеется, осознание того, что ты попросту не умеешь проигрывать.

Поэтому, разворачиваясь в сторону вызвавшего его рыцаря, Марвин не ждал ни сюрпризов, ни подвоха, хотя всё же чувствовал лёгкое любопытство.

Оно оправдалось. Потому как впервые на его памяти противник выехал на ристалище без доспехов.

Марвин смотрел, как он приближается. С виду – ничего особенного, рыцарь как рыцарь, средних лет, стройный, осанистый – ловок, должно быть, отметил Марвин, во всяком случае, сложение располагает. Одет просто, в невнятные цвета... но, проклятье, почему он не в доспехах? «Неужто ещё более сумасшедший, чем я», – подумал Марвин и заулыбался от этой мысли.

Всадник подъехал к Марвину почти вплотную; копьё у него было довольно короткое, в человеческий рост, зато превосходный щит – без украшений, с невзрачным гербом, но удачной формы и явно отменного материала. Ветер трепал чёрные волосы всадника, забрасывая их ему в лицо, и Марвин никак не мог поймать его взгляд.

Всадник проехал мимо, легко стукнув в щит Марвина тупым концом копья. Удивительное дело – последние противники почти всегда вызывают на смертный бой. Но этот, похоже, без лишних амбиций. Он даже улыбнулся, прежде чем отвернуться, и эта улыбка – мягкая, приветливая, обаятельная, без тени насмешки – внезапно взбесила Марвина сильнее, чем могли бы взбесить традиционные оскорбления и клятвы проткнуть, как цыплёнка.

– Сэйр Лукас из Джейдри бросил вызов сэйру Марвину из Фостейна! – провозгласил герольд.

Пока всадник ехал к противоположному концу ристалища, Марвин смотрел ему в спину. Лукас из Джейдри... Не слышал о таком. Здесь уже всё как положено – он никогда не был знаком с последними противниками. Хотя чем-то этот человек казался Марвину смутно знакомым. Будто они виделись раньше, но он никак не мог вспомнить, когда и где.

Марвин поймал себя на том, что смотрит ему вслед слишком долго и, опомнившись, повернулся к королевской ложе, ожидая протеста либо позволения нарушить турнирные правила. Королева что-то сказала своему супругу, потом рассмеялась и, подавшись вперёд, махнула рукой. Марвин поблагодарил её поклоном, сопровождавшимся беглой улыбкой, и подождал оруженосца.

– Снимай это с меня, живо.

– А? – оруженосец разинул рот.

– Снимай, кому сказано!

Оруженосец подчинился, но по его виду было ясно, что он считает Марвина полным психом. Марвин был склонен с ним согласиться – но что оставалось? Он не мог биться в доспехах

с человеком, который вышел против него едва ли не голышом. Он бы сам себе такого бесчестия никогда не простил.

Оставшись в одной одежде, Марвин почувствовал удивительную лёгкость – и будто впервые понял, до чего всё-таки тяжело таскать на себе всю эту грудку железа. Тем более что здесь она в самом деле ни к чему – он не собирался убивать этого Лукаса из Джейдри.

А Лукас из Джейдри, конечно же, не сможет убить его.

Марвин вскочил на коня, позволил оруженосцу нацепить ему на локоть щит, подхватил копьё. Пустил коня в галоп, и, проносясь мимо приветственно шумевших трибун, натянул повод напротив ложи Бьянки. Заставил Опала опуститься на колени (этот фокус неизменно приводил благородных месстрес в восторг), склонил голову, опустил копьё к самой земле. Бьянка смотрела на него с восхищением и ненавистью одновременно. Обещанное королевой сватовство её утешило, но не слишком. Конечно, она хотела бы выйти за Марвина. Но их слишком много было – тех, кто хотел бы выйти за Марвина, и на всех его всё равно бы не хватило. А этой малышке и так досталось больше, чем другим.

Выдержав положенную церемониалом паузу, Марвин поднял коня и поскакал в свой конец ристалища. Ему досталось место спиной к солнцу, и он нахмурился, зная, что противник непременно станет винить в проигрыше свет, слепивший ему глаза. Впрочем, бес с ним – пусть винит. Марвин не собирался задерживаться в Балендоре – теперь, когда сэйр Годвин поджал хвост, ему тут нечего больше делать. Слава Единому, не на одном только Предплечье сейчас идут междоусобицы. А Годвин отпустит его, никуда не денется – победителям королевских турниров не отказывают.

Герольд протрубил сигнал к старту. Марвин вскинул копьё, направленное к противнику тупым концом, наклонил голову и понёсся вперёд.

Бой обычно занимал не более минуты: всего-то делов – доскакать до противника, нанести удар, вернуться в центр поля и принять овации. Но на сей раз всё случилось быстрее. Гораздо, гораздо быстрее.

Настолько быстро, что Марвин не успел понять, что произошло: только что он мчался, не спуская глаз с приближающегося противника, а потом вдруг небо рванулось вверх, подминая его под себя, и истошно заржал конь над его головой. Трибуны охнули, но Марвин услышал это словно издали – как будто ударом его не просто выбило из седла, а швырнуло через сотни миль, к самому Плечу. Он судорожно сжал пальцы, глядя в серое небо и загребая ногами цветной песок, и ощутил под ними что-то острое...

Он повернул голову и только когда увидел, смог поверить, что это в самом деле обломок его копья. Короткий, в локоть длиной, – копьё переломилось почти у самого наконечника. Голубая лента Бьянки поникла, утопив концы в пыли.

«Это невозможно», – подумал Марвин, приподнимаясь на локтях. Глупая мысль, но ничто другое сейчас в его голове попросту не умещалось. Люд на трибунах орал, приветствуя победителя. Сам победитель снисходительно улыбался под дождём сыпавшихся на него оваций. Его вороной перебирал копытами всего в нескольких шагах от Марвина. Марвин смотрел на эти копыта, отороченные белым мехом, и ему казалось, что они двигаются немыслимо медленно, так медленно, что его замутило.

Пальцы стиснули обломанный конец копья.

«Это невозможно», – снова подумал он, и только когда победитель турнира в Балендоре развернулся к нему, понял, что произнёс эти слова вслух.

– Возможно, мой мальчик, – сказал Лукас из Джейдри, и Марвин наконец увидел его глаза: светло-голубые, прозрачные, очень ясные и очень холодные. Этот взгляд заморозил Марвину горло, и он не мог выдавить ни слова. – Возможно. Именно потому, что ты считал иначе.

Лукас из Джейдри отвернулся – и Марвин знал, что больше его взглядом не удостоят. Плечи Лукаса слегка ссутулились, будто он полностью расслабился – такую осанку приобре-

тают люди, потерявшие к чему-либо интерес. Внезапно смысл произошедшего обрушился на Марвина, будто топор Ледоруба – неизбежно и яростно, круша кости и сминая мозг.

«Он хотел меня проучить, – с леденящим спокойствием подумал Марвин. – Единый ведает почему, но ему этого захотелось. И он думает, что преуспел. Теперь ему... неинтересно».

Он не чувствовал ничего подобного с тех пор, как отец высек его за то, что он в шуточной драке на деревянных мечях ранил соседского мальчишку. Мальчишка был толстозадый размазней, драка была честной, а порка – публичной. Отцу хотелось, чтобы Марвин на всю жизнь запомнил этот урок. И он добился своего. Марвину было восемь лет, и он поклялся себе, что никогда больше не допустит, чтобы его поучали. А уж на людях – тем более. Не важно, кто и почему. Он просто не мог этого вынести.

Лукас из Джейдри тронул бока своего коня пятками. Марвин из Фостейна медленно встал, не заметив, как торжествующий гул на трибунах сменился тишиной. В правой руке, перчатка на которой насквозь взмокла от пота, он сжимал обломок своего копья с безжизненно поникшей голубой ленточкой – знаком расположения его дамы, месстрес Бьянки из Кудиона. Сегодня это копье принесло обладательнице ленты немало славы...

«И, – вдруг с ужасом понял Марвин, – если я сейчас сделаю то, что сделаю, оно навеки покроет её позором, как и меня. И для неё это действительно будет позор – тогда как у меня просто нет выбора... Нет выбора, понимаешь?»

– Я никогда не проигрываю, мессер, вы слышите? Никогда, – сказал Марвин побелевшими губами и, больше не раздумывая ни о чём, сорвал со своего копья ленту Бьянки и отшвырнул её прочь.

Сдавленный женский крик проник в его затуманенный разум, но не смог поколебать. Марвин отвёл руку назад и метнул обломок копья в незащищённую спину Лукаса из Джейдри. Железный наконечник сверкнул в блеклом луче осеннего солнца.

Вероятно, Лукаса спас единый вопль потрясённой толпы, а может, невиданная доселе Марвином скорость реакции. Он рванулся в сторону, и копье, которое должно было вонзиться ему между лопаток, только скользнуло по боку, разодрав в клочья жилет и кожу. Кровь фонтаном брызнула на лошадиный круп. Лукас покачнулся в седле, крепче ухватился за повод. К ним уже бежали герольды и оруженосцы. И, отстранённо отметил Марвин, королевские гвардейцы.

Марвин поднял затуманенный взгляд на королевскую ложу. На лице короля было написано возмущение, Ольвен сидела, окаменев и не глядя в его сторону, герцогиня презрительно усмехалась. Трибуны орали, в Марвина полетело первое гнилое яблоко. Бьянка из Кудиона лежала в обмороке на руках своего отца.

– Казнить предателя! – орал кто-то над самой головой Марвина.

– Трус!

– Убийца!

– Смерть ему, смерть!

Марвин почувствовал, как его схватили, но не шевельнулся. Кровь из разодранного бока Лукаса била ключом, но он и не думал падать с коня. Вместо этого спешился, молча отвёл от себя руки потянувшихся было к нему оруженосцев. Марвин с изумлением понял, что он стоит на ногах абсолютно твердо. Его лицо не исказилось, даже не дрогнуло. Вот только глаза... какие же странные были у него глаза. И не было в них ни презрения, ни ненависти, ни желания убить. Ничего из того, что Марвин ожидал увидеть.

Лукас остановился в шаге от него, какое-то время изучал его лицо – внимательно, пристально, не давая отвести взгляд. Потом посмотрел поверх головы Марвина – туда, где сидела королевская семья.

– Мой король! – крикнул он. – Подарите мне жизнь этого человека!

Марвин не мог видеть короля, но знал, что тот недоволен. А уж королева...

– И речи быть не может! – звеняще ответила Ольвен. – Он совершил чудовищное преступление против всех законов чести и будет немедленно казнён!

– Вы правы, моя королева. Но я прошу вас об этом. В качестве особой милости, как победителю этого турнира.

Один из герольдов поморщился – напоминать о своей победе считалось дурным тоном.

– Он имеет право на такую просьбу, – после короткой паузы сказал король, и Марвину показалось, что он услышал, как фыркнула герцогиня. И через миг понял, что не ошибся – потому что в напряжённой тишине ристалища оглушительно громко прозвучал её низкий голос:

– Каков король, таковы и слуги!

Последовавший грохот шагов сообщил Марвину, что после этого поразительного в своей дерзости заявления её светлость покинула ложу. Молчание понемногу становилось зловещим. Марвин тяжело дышал, чувствуя, как струится по спине пот.

– Бес с вами, забирайте! – раздражённо сказал король наконец и, судя по поднявшемуся в королевской ложе шуму, также удалился. Турнир окончился.

Марвина отпустили.

Тогда Лукас из Джейдри шагнул вперёд и на глазах трёх тысяч зрителей отвесил ему две тяжёлые звонкие пощёчины.

Голова Марвина мотнулась из стороны в сторону. Щёки пылали – от ударов, от стыда, но больше всего – от ярости, захлестнувшей горло петлёй. И эта петля всё сжималась и сжималась, когда Лукас наклонился к Марвину – так близко, что тот ощущал его ровное, спокойное дыхание на своём лице – и сказал, тихо, внятно и вкрадчиво:

– А надо уметь проигрывать, малыш. Надо учиться.

Потом он развернулся и пошёл прочь. Его тут же обступила стайка оруженосцев, и в их окружении он твёрдым шагом достиг палатки, возле которой уже нетерпеливо приплясывал лекарь. Кровь всё так же текла из бока Лукаса по бедру, капая на землю и оставляя бисерный след на цветном песке.

Зрители стали расходиться – тихо, словно подавленные произошедшим. Марвина больше не оскорбляли, и то брошенное гнилое яблоко так и осталось единственным.

Словно все прекрасно понимали, что унижить его сильнее уже попросту невозможно.

Вскоре Марвин остался один, не считая суетившихся слуг, которые понемногу начинали прибирать ристалище. Какое-то время он стоял всё так же неподвижно, глядя на палатку, в которой скрылся раненый победитель. Потом его взгляд упал на копье, принесшее ему столько славы и столько позора. И вслед за ним – на валяющуюся в пыли синюю ленту Бьянки.

– Это мой позор, – сказал он непослушными губами. – Это... только мой...

А надо уметь проигрывать, малыш.

Рука в промокшей перчатке сгребла песок, выживая из него обломок копья с окровавленным наконечником, блестевшим на солнце.

– Сэйр Лукас из Джейдри, – проговорил Марвин Фостейн, навсегда отпечатывая в памяти это имя. – Не льстите себе, мессер. Я ещё не проиграл.

Шелест матерчатых створок палатки слился с окружающей суматохой, но Лукас всё равно расслышал его среди прочих звуков. И знал, кто явился справиться о нём, – хотя и лежал с закрытыми глазами.

– Ну как ты, жив?

– Прочь, – сказал Лукас, не открывая глаз.

– Но, мессер, ваша рана!... – заголосил лекарь, и Лукас открыл глаза.

Лекаря тут же будто ветром сдуло. Оруженосец догадался последовать за ним.

Они остались наедине.

– Когда я спросил, будешь ли ты участвовать в турнире, я не имел в виду подобное представление, – сказал Дерек, подходя ближе.

– А что ты имел в виду? Ты же знаешь, по-другому я не умею, – ответил Лукас, поднимаясь. От тугой обвязки вокруг рёбер немного спирало дыхание. Ледоруб заберу этого костоправа, всё-таки схалтурил. Дерек заметил мимолётную гримасу Лукаса и спросил:

– Серьёзная рана?

– Да царапина, – раздражённо бросил Лукас, садясь. У него немного кружилась голова, но в целом он чувствовал себя нормально. Если его что и беспокоило сейчас, то отнюдь не разодранный бок.

– Хорошо, что ты заглянул, – сказал он. – Я и сам думал тебя потом поискать.

– Вряд ли нашёл бы. Я немедленно выезжаю – пришла срочная депеша из Таймены.

– Ясно, – сказал Лукас, поудобнее устроиваясь в подушках, которыми была обложена походная постель. – Я видел герцогиню. Последняя капля, да?

Дерек не ответил. Лукас не смотрел на него. Потом наконец спросил – вполголоса:

– Дерек, где ты раздобыл этого мальчика?

– О чём ты? – очень натурально удивился тот.

– Правильнее спросить – о ком, раз уж ты вздумал поломать комедию. Но вздумал ты это зря.

– Лукас, я правда здесь ни при чём, – пожал плечами Дерек. – Этот мальчишка всегда участвует в крупных турнирах.

– Зато я в них участвую далеко не всегда! – резко сказал Лукас. – И не всегда сталкиваюсь с подобным противником.

– Подлецами всегда мир полнился. Не пойму, с чего бы тебе...

– Подлецами? – переспросил Лукас и тихо, ласково улыбнулся. Дерек, перехватив эту улыбку, смолк на полуслове. – Дерек, не делай из меня дурака. Ты знаешь, я этого очень не люблю.

– Я в самом деле не пойму...

– Ладно, я тебе объясню. Двадцать лет назад на турнире в Мерлонице я сделал то же, что этот мальчишка сегодня.

– То есть? Ударил в спину?

– Не совсем. Но тоже использовал грязный приёмчик. А перед этим сорвал с рукояти меча ленту моей дамы.

– Треклятые Ледоруба! – выругался Дерек. Лукас сухо улыбнулся.

– Не сквернословьте, мессер магистр, патрицианцу это не к лицу. Тем более что я рассказывал тебе об этом. Лет десять назад, но, полагаю, ты не забыл.

– Я действительно не помню, Лукас.

– Почему-то я тебе не верю.

На лице Дерек появилась скучающая отстранённость, а в глазах снова повеяло холодком – как вчера, в галерее, когда Лукас думал о том, до чего же время меняет людей... или, напротив, не меняет вовсе.

– Хотя, честно говоря, это странный жест, – негромко проговорил Дерек. – Сорванная лента... Трудно нанести даме более тяжкое оскорбление.

– Чтобы спасти деревню, надо её уничтожить, – усмехнулся Лукас. – Если обстоятельства толкают тебя на поступок, который большинство сочтёт низким, ты вправе совершить его или не совершить. Но не вправе пятнать им честь женщины, которая никак в этом не замешана.

– Ты его оправдываешь? – наморщил лоб Дерек.

– Нет. Я объясняю тебе ход его мыслей. Потому что в бытность свою семнадцатилетним щенком рассуждал именно так.

– Хорошо, что теперь ты думаешь иначе.

– С чего ты взял? – Лукас насмешливо изогнул бровь. – Если бы я думал иначе, то никогда бы не побеждал. Побеждают только те, для кого победа важнее всего остального.

– Не припомню, чтобы в молодости тебя тянуло на демагогию.

– Правда? Ну, значит, это приходит с возрастом.

– И тем не менее, – произнёс Дерек, – это всё равно не объясняет, с чего тебе вздумалось подозревать меня в манипуляции.

– Не подозревать, Дерек. Теперь я это просто знаю.

– Я не собираюсь оправдываться.

– Я этого от тебя и не жду.

Между ними снова повисло неприятное, неуютное молчание, которое Лукас отметил ещё вчера. Что ж, некоторые вещи и впрямь меняются...

– Как ты думаешь, – спросил он, заранее зная ответ, – на чью сторону этот мальчишка встанет в будущей войне?

– Без сомнений, на сторону короля. Во-первых, ему теперь надо будет очень постараться, чтобы загладить сегодняшнюю провинность. А во-вторых, он вассал Годвина, Годвин тоже не станет разбрасываться только-только возвращённой милостью... Стало быть, у парня просто не будет выбора. И в отличие от тебя, у него в этом смысле довольно чёткие представления о чести.

– Да, – ответил Лукас. – К сожалению.

Он сел, потом поднялся на ноги, с силой провёл ладонями по забинтованному торсу, удовлетворённо кивнул.

– Глаз у мальчишки острый, – улыбнулся Дерек.

– А вот рука не столь быстра, как ты говорил, – бросил Лукас и потянулся за рубашкой. Дерек молча следил, как он одевается.

– Так что я могу передать моим братьям? – спросил он наконец.

Лукас задумчиво зашнуровал ворот, неспешно оправил рукава. Его лицо, и без того обычно бледное, ничуть не изменилось ни в выражении, ни в краске, и, не видя бинтов, нельзя было даже заподозрить, что четверть часа назад он истекал кровью.

– Передай, что пока что я в игре, – сказал он.

Дерек чуть заметно улыбнулся.

– Я же говорил, что ты уже всё решил.

Лукас не ответил на улыбку.

– А разве мне оставили выбор? – спокойно спросил он.

Они встретились взглядами, и за несколько мгновений сказали друг другу глазами куда больше, чем впустую изводя слова. Патрицианская улыбка Дерекка стала шире, уголки губ потянулись к вискам.

– Ох, Лукас, Лукас, – рассмеялся он, хлопнув бывшего друга по плечу. – Твоя коронная подозрительность тебе не изменила. Не стоит приписывать мне невероятных способностей, которыми я не обладаю. Это ты у нас всегда мастерски управлял другими. А я только и умею, что развязывать войны.

Лукас не ответил и не шевельнулся, по-прежнему глядя на него. Дерек ещё несколько мгновений держал руку на его плече, потом убрал её.

– Думаю, скоро встретимся, – сказал он и, кивнув на прощанье, вышел, не дожидаясь ответа.

Лукас подождал, пока занавес на двери опустится за ним, потом медленно сел обратно на кровать и откинулся спиной на подушки. Голова у него шла кругом, ноги не держали. А ладонь правой руки всё ещё горела от пощёчин, которыми он наградил наглого щенка из Фостейна.

«Всё верно, Дерек. Ты только и умеешь, что развязывать войны», – подумал Лукас и закрыл глаза.

Глава 2. Война

С бледного неба косо падал снег – падал и таял, не успевая долететь до земли. Мелкие холодные капли аккуратно ложились на лицо.

– Марвин, Ледоруб тебя раздери, иди сюда, сколько можно!

– Тише! Оставь его в покое.

Марвин не шевельнулся и не повернул головы. Мокрый снег лизал веки, таял, капли соскальзывали по вискам, и их тут же сдувало ветром, свистевшим меж голых ветвей.

– Холодно же, чтоб их... Как они живут-то здесь вообще?!

– Тут ещё что, а вот дальше, на Длани, что уж про самый север говорить... Говорят, вино в кувшинах замерзает.

– Вот и я о том же – как они только живут! Марвин, да иди же ты сюда, тут всё-таки вино ещё не подмёрзло!

– Отстань от него, сказано тебе!

Последнее шиканье всё же запоздало: Марвин повернул голову в сторону костра, у которого ёжились и сквернословили его собратья по оружию. Адрик, уроженец южной доли Предплечья, ругался громче всех, разминая леденеющие пальцы над низким пламенем походного костра. Впрочем, в своём недовольстве он был не одинок: до Марвина всё чаще долетали возмущённые возгласы, со всего лагеря, где ни пройди. Два месяца, истёкшие с начала войны, королевская армия продвигалась на север, тесня войска герцогини Пальмеронской к её логову, из которого она так внезапно и вероломно ударила по своему брату и сюзерену. Войскам короля Артена стоило большого труда отбросить её обратно на север, до границ Запястья – там начались её владения и уже было заметно холоднее, чем в средней доле Предплечья. В другое время Марвина бы это только раззадорило; в другое время он был бы счастлив тому, что теперь его неуёмная жажда драки будет утолена...

В другое время. В другой жизни, наверное. А сейчас он чувствовал только злость: на себя – за то, что мёрз, и на других – за то, что ныли, как бабы.

Адрик поймал его взгляд, натянуто улыбнулся, протянул фляжку:

– На вот, хоть промочи горло перед дракой. Не повредит.

Марвин несколько мгновений смотрел на него, не мигая, потом снова отвернулся. Адрик выругался.

– Да что с тобой такое, Ледоруб тебя раздери! Ты с самого начала похода сам на себя не похож! Девку себе постоянную завёл, что ли?

– Адрик, заткнись! – в третий раз предупредил сидящий рядом Петер. – Сказано тебе...

– Да что мне сказано! – вскипел тот. – Что вы все шикаете на меня?! И ты, и Рой, да каждый второй мне говорит, чтоб я оставил Фостейна в покое. А я в толк не возьму, что сделалось с этим бравым головорезом, с которым мы в кампании сэйра Филипа так славно тешились! Как лучников тогда пощекотали! А тех двух девок из усадьбы помнишь, Марвин? Эй, ты слышишь меня вообще? Или тебе в драке мозги поотшибло? Или ты, может, на меня обиду какую затаил?

– Ты тут ни при чём, – снова осадил его Петер. – Он со всеми такой после Балендора, и лучше...

Грохот перевёрнутого котла прервал столь неосмотрительно начатую речь. Похлёбка, мгновением раньше побулькивавшая в котелке, с шипением выплеснулась в огонь, пламя рванулось вверх.

– Ты что, очумел?! – вскакивая, заорал Адрик – и осёкся, когда вырванный из ножен меч Марвина застыл в дюйме от горла Петера.

Все смолкли. Пламя возмущённо трещало, нервно подёргиваясь в морозном воздухе. Марвин стоял, застыв, не отводя лезвия от шеи Петера. По носку его сапога расплывалось тёмное пятно пролившейся похлёбки.

– Следующего, кто произнесёт при мне слово Балендор, я убью на месте, – сказал он.

Никто не ответил. Марвин рывком развернулся и, не пряча меча, размашисто зашагал в сторону поля. По лагерю уже трубили сбор.

– Мессер, мессер, постойте, мессер! – причитал оруженосец, прыгая вокруг него, как петух вокруг наседки. Нелепое сравнение внезапно привело Марвина в ярость. Он круто развернулся, схватил одной рукой мальчишку за грудки, притянул к себе.

– Пшёл вон, – раздельно проговорил он и отшвырнул оруженосца прочь. Тот отлетел, раскинув руки, грохнулся наземь. Поножи, которые он сжимал в худосочных ручонках, загремели о мёрзлую землю. Марвин отвернулся и, вскочив на коня, пустил его рысью. Видневшиеся впереди алые знамёна, отмечавшие границу лагеря, плясали перед его взглядом, расплывались красными пятнами, похожими на пятна крови. Эта мысль пьянила Марвина, хотя он не принял ни глотка спиртного. Ему это попросту не было нужно. С того самого дня... в Балендоре... в распроклятом Балендоре.

Рыцари и простые солдаты со всего лагеря понемногу собирались на передовую, но Марвин, как обычно в последние месяцы, шёл одним из первых. Он всегда теперь кидался в бой в первых рядах, и уже через мгновение падал в стремительную круговерт, в которой не было ничего, кроме лязга оружия, яростных воплей и крови, брызгавшей на лицо. И ещё снега – всё чаще в последнее время. Правда, бойня в снегу почти ничем не отличалась от бойни среди зелёной травы. Пока что – а дальше, говорят, земля заледенела настолько, что нога скользит. Но ничего, он уже приказал мальчишке-оруженосцу набить шипы на подошвы его боевых сапог. Хотя это было почти глупо – всё равно во время драки он не ходил по земле, а летал над ней, не касаясь её ступнями.

И, конечно, не умирал.

Марвин пробирался сквозь смешанные ряды солдат, выстраивающихся для атаки; те, кто узнавал его, быстро отступали в сторону, незнакомцы с проклятиями шарахались от конских копыт. Впрочем, в последнее время почти все люди шарахались, едва взглянув ему в лицо. Должно быть, виной тому были две алые отметины, до сих пор полыхавшие на его щеках, словно уродливые клейма – во всё лицо. А то, что их не мог видеть никто, кроме него, не имело значения. Он знал, что заклеймён, – стало быть, знали и остальные. Другой на его месте не смог бы жить с таким позором. Но Марвин был из тех, кто не может с таким позором умереть. Только – смыть. Хотя и не знал ещё как, и от этого незнания ему становилось всё паршивее и паршивее изо дня в день.

Достигнув первого ряда, Марвин придержал коня. Стянул перчатки. В последнее время у него постоянно потели ладони – и в жару битвы, и в холод ночей перед нею. Рука от этого скользила и пару раз чуть его не подвела. Вот и сейчас – стоило ему оголить руки, как от ладоней потянуло паром.

– Эх-х, жарко будет сегодня, – довольно крякнул кто-то рядом с ним. Марвин не обернулся – вместо этого взглянул вперёд. Далеко, почти на самом горизонте, медленно сгушалось тёмное облако: войско герцогини тоже строило ряды. Эта мужеподобная сука, которую среди сторонников законного монарха издевательски звали «мессерой», только что получила подкрепление, а дополнительные войска короля задержались в пути, и с только что обронённым замечанием трудно было не согласиться. В лучшем случае – трое против одного. «Ну да ничего, – подумал Марвин, протирая ладони грязным снегом. – Я всё равно не могу умереть. Увы и ах».

– Что, парень, страшно? – с наслаждением протянул рядом тот же рыцарь.

Марвин наконец обернулся к нему. Пожилой, на унылой тяжелобокой лошади, довольно плохо снаряжённый, небритый и обрюзгший, похожий на старого наёмника – хотя наемнический корпус располагался по левому флангу. Рыцарь криво сидел в седле, крепко стиснув положенный поперёк седла двуручник, и мечтательно смотрел вдаль.

– Мне тоже страшно, – будто смакуя каждое слово, проговорил он. – Вот смотрю я на эту ораву и, веришь, в штаны готов наложить. Это ничего, бывает. Со всеми бывает.

– Я не боюсь, – сказал Марвин.

Рыцарь скосил на него сочувственный взгляд.

– А... Ну, ты, может, и не боишься. Верю, – охотно кивнул он. – Я в твои годы тоже не боялся. Дурак был, думал, что меня убить нельзя...

– А разве можно? – спросил Марвин, роняя с ладоней остатки снега. – Вы ведь по-прежнему живы.

– Это только так кажется, парень, – ответил старый солдат и захлопнул забрало шлема.

Марвин последовал его примеру. И в который раз частая решётка забрала, благодаря которой окружающий мир становился таким обманчиво далёким, показалась ему тюрьмой.

– Равня-а-а-айсь! – заорал вдалеке генерал. Марвин набрал воздуха в грудь, выдернул меч из ножен.

Старый рыцарь снова заговорил, и его приглушённый шлемом голос слышался словно из-под земли:

– А будет жарко, ох, Ледоруб забери, жарко... Хоть погреемся. Вот, помню, когда-то при Балендоре...

Марвин не успел отреагировать на это слово – раздался сигнал к атаке, и ноги, непривычно и сладостно лёгкие без тяжкого веса поножей, сжали бока коня.

Потом все кричали, и он кричал – не зная и не помня, что, крик сам рвался из пылающей глотки. Было холодно, так холодно, что сталь забрала, казалось, примерзала к лицу, и Марвин почти обрадовался, когда одним из тысяч ударов, которые сыпались на него и которыми сыпал он, с него сбило шлем. Его будто выпустили на свободу – он глотнул всей грудью рвущий горло воздух и одним ударом снёс голову тому, кто только что выпустил его из этой тюрьмы. Всё тот же мелкий мокрый снежок тихо опадал на головы, поминутно слетавшие с плеч, а сверху надрывно и нетерпеливо кричали вороны, дожидаясь скорого пира.

Марвин рубил направо и налево, забыв мир, забыв себя, абсолютно счастливый – это единственные мгновения радости, которые теперь были ему дозволены – но почему-то никак не мог согреться, и чужая кровь, заливавшая его с головы до ног, тоже была ледяной. Перед глазами во всеобщем хаосе железа и тел мелькнуло лицо, похожее на лицо старого рыцаря, дравшегося при Балендоре; потом оно исчезло, а может, Марвину просто почудилось. Людей герцогини было много, работы – тоже, и это было так сладко...

Сладко, и всё равно холодно.

А потом он снова увидел – теперь *в самом деле* увидел, – и его бросило в пот. Так странно – словно до этого он не покрывался даже испариной.

– Лукас... Лукас из Джейдри, – прохрипел Марвин и обнаружил, что лишился голоса.

Он рванулся вперёд, подминая под конём своих и чужих, бешено оглядываясь в отчаянной попытке снова поймать этот взгляд. Он не понял, на чьей стороне бьётся Лукас – вполне может статься, что и на королевской, армия достаточно велика, чтобы они не пересекались во время стоянок, но это ничего не меняло. Кровь гулко колотилась у Марвина в висках. Ему не хотелось верить, что это лицо мелькнуло только на миг, и он снова потерял его из виду, как терял перед тем многих и многих. «Нет, он где-то здесь, – думал Марвин, – я же знаю, он где-то здесь...» Он скользнул помутневшим взглядом вокруг, выхватывая отдельные лица, и не сразу сообразил, как такое возможно – ведь в обычной бойне ничего не разобрать за сплошной

завесой скалящихся окровавленных масок... И только тогда осознал, что битва почти кончилась, не продлившись и получаса. Людей герцогини всё-таки было намного больше.

Кто-то заорал позади него, и вдруг конь Марвина, вскинув морду, испустил истошный крик, больше похожий на человеческий вопль, чем на лошадиное ржание. Марвин скользнул в сторону, выдёргивая ноги из стремян, перешёл в кувырок и оказался на ногах, когда конь тяжело рухнул на бок, заливая землю кровью из распоротого брюха. Марвин задержал на нём взгляд всего на один миг, потом развернулся, рубанул снизу вверх – отрешённо, без участия сознания, в котором всё так же клокотала только одна мысль: он здесь, Лукас из Джейдри где-то здесь. Он отбил ещё несколько атак, одновременно разворачиваясь, споткнулся обо что-то, с трудом сохранил равновесие, выпрямился...

Белая земля была усеяна телами и обломками доспехов, кое-где вдалеке ещё дрались, а вокруг было чисто, совсем чисто, ни души...

И не было Лукаса из Джейдри.

– Где же ты, Ледоруб тебя раздери! – закричал Марвин и задохнулся криком, когда что-то с невероятной силой ударило его по спине, в самый центр позвоночника, сшибая наземь.

Марвин рухнул в груды порубленных тел, еле успев подставить руку и чудом не выронив меч. Локоть врезался во что-то твёрдое, взорвался болью. Марвин мгновенно перекатился на спину, не глядя отбил обрушившуюся на него сверху атаку. Успел увидеть огромную фигуру, нависшую над ним чёрной тенью, – и болезненно обострившимся зрением выхватил птиц, выводивших стройные танцы над плечом этой тени, высоко-высоко... Он сумел парировать следующий удар, не имея сил ответить на него. Спину, казалось, сломали пополам, будто палку об колено. Но, к счастью, это только казалось – он чувствовал свои ноги, и в последней отчаянной попытке оттолкнулся ими от случайно попавшейся опоры, уходя от прямого удара, который должен был разрубить его пополам. Снова стало холодно, хотя пот заливал лицо, и волосы липли к вискам, залепляли глаза. Чудовищный удар сапогом по запястью наконец выбил из руки меч. Потом та же нога ударила в горло, перебив дыхание и вынудив запрокинуть голову к самому небу.

«Я не умру, я не могу, не умею...» – пронеслось в голове у Марвина, и одна из чёрных птиц, сложив крылья, камнем понеслась вниз. Стало совсем тихо, и Марвин снова почувствовал, как мокрый снег ложится на лицо. В белом свете зимнего дня тускло сверкнуло лезвие, но Марвин не закрыл глаза.

И увидел, как блеск померк.

– Нет! Оставь его! Он мой!

– Какого беса?!

– Пять сотен! Сегодня же, у меня с собой, в лагере!

Было тихо, так тихо, так безнадёжно, безрадостно тихо. И чёрная птица всё падала и падала наземь камнем...

– погоди... Это же... Ох, Ледоруб меня раздери, я и не узнал! Это тот щенок из Балендора?!

«Я же сказал, – подумал Марвин, – я сказал вам, что убью того, кто произнесёт при мне слово Балендор...»

А потом его словно калёным железом ожгло: *щенок из Балендора*.

Тот щенок из Балендора. Вот кто я теперь. Марвин из Фостейна стал Щенком из Балендора...

Тяжёлая нога убралась с горла. Ледяной воздух хлынул в пересохшую гортань.

– По рукам, Лукас. Он и правда твой.

А надо уметь проигрывать, мальши.

«Лжёшь, – подумал Марвин, глядя, как тысяча чёрных птиц камнем падает ему в лицо, – лжёшь, нет, нет, нет, я никогда не проигрываю, никогда не проигрываю, никогда не...»

– Э-эй, всем веселиться, это личный приказ её светлости!

– Против приказа не попрёшь, – гаркнул Ойрек и под всеобщий хохот залпом осушил огромный ковш с вином.

– Так его! Здоровье нашей Мессеры! – завопил кто-то из толпы и тоже поднёс к губам кувшин, но тут же повалился наземь от могучей затрешины Ойрека.

– Я тебе дам «мессеры», поганец! – проревел он. – Для нас она «её светлость», и не иначе!

– Её светлость Мессера! – гоготнул кто-то из толпы, и солдаты дружно заржали. То, что они ежедневно шли умирать ради герцогини Артеньи, не меняло их отношения к этой эксцентричной особе. И кто бы подумал, что среди них ни одного наёмника – сплошь благородные рыцари, присягнувшие герцогине. А со стороны – скот скотом. Лукаса не слишком радовало их общество, но Ойрек заявил, что оскорбится, если Лукас откажется выпить с ним чарку. А оскорблять Ойрека лишний раз Лукасу не хотелось. Оскорбление – вещь слишком тонкая, чтобы разбрасываться ею без толку.

Так что приходилось терпеть, хотя от всеобщего гвалта у него побаливала голова. Тем не менее он без труда нацепил маску пьяного веселья – с налётом меланхолии, чтобы никто не приставал к нему с разговорами, и сидел на самом краю бревна, чуть в стороне от общей компании, лениво потягивая вино. День перевалил за половину, было пасмурно, но заметно теплее, чем в иные ясные дни на Запьястье, – они продолжали двигаться на юг, тесня войска короля. Дерек не соврал – герцогиня и в самом деле побеждала: к ней примкнуло неожиданно много домов, над которыми, видимо, изрядно поработали патрицианцы. В результате численный перевес уже второй месяц оставался на её стороне. Король же никак не мог толком организовать своих разрозненных вассалов, многие из которых продолжали воевать между собой. Словом, всё шло так, как задумано... а кем и для чего, Лукас предпочитал не выяснять.

В конце концов, на этой войне он был вовсе не ради герцогини.

Кто-то фальшиво затянул песню, её дружно подхватили. На ближайшие дни их ждал переход, битв не предвиделось, и солдаты расслабились. Больше всех наслаждался вакацией Ойрек, карман которого приятно оттягивали пять сотен, заплаченные Лукасом. Правда, там уже осталось поменьше – Ойрек был человеком широкой души, и вокруг него всегда собиралась толпа дармоедов. На Лукаса они посматривали не сказать что приязненно – будто понимали, что ему здесь не место. В самом деле: он не походил на человека, сражающегося по убеждениям, а денег у него было больше, чем у всех них, вместе взятых. Армия герцогини, как это всегда бывает с армиями бунтовщиков, состояла из людей, которым нечего терять и которые надеялись на перераспределение благ после победы. Лукасу подобные мотивы были чужды, и это им не нравилось. Сам же он даже отчасти симпатизировал этим бесхитростным дуракам, отчаянно жаждущим скорой наживы. Они, по крайней мере, были совершенно предсказуемы и потому безопасны.

Песня оборвалась, тот же запевала начал было новую, но тут Ойрек досадливо крикнул.

– Эх, скучно! – посетовал он, и его поддержал нестройный хор голосов. В самом деле: вакация вакацией, а третий день без боя сказывался на моральном духе армии не лучшим образом.

– Потешить? – хохотнула одна из походных шлюх, обвивая его сзади толстыми руками. Ойрек брезгливо, хотя и беззлобно шлёпнул её по красному запястью.

– Отвали, надоела. Всё надоело! Эй, Лукас, – вдруг, словно вспомнив что-то, оживился он. – А как там твой Балендорский Щенок? Выжил?

– Выжил, – отозвался Лукас. – Куда бы делся? Молодой, крепкий. Хотя приложил ты его знатно, два дня провалялся.

– Ну так! – ухмыльнулся Ойрек, довольно хрустнув суставами. – Рука у меня тяжела.

– Ой тяжела-а... – промурлыкала его женщина и завизжала, когда он от души хлопнул её по обширному заду. Рыцари снова загоготали.

– А ну, покажи-ка его! – потребовал Ойрек. – Хочу полюбоваться на свою работу.

– Да, впрямь, Лукас, покажи! – подхватило благородное собрание.

Лукас пожал плечами. Интерес был понятен: пленных войска герцогини почти не брали, за исключением высокопоставленных лиц, которых намеревались обменять на своих. Учитывая скорость и трудность переходов, никому не хотелось таскать за собой пленников, которые могут сбежать в любую минуту.

Лукас подозвал Илье, своего оруженосца, и отдал распоряжение.

– Только калечить не позволю, – предупредил он. – Я не для того за него пять сотен отвалил.

– Да уж, калечить его – твоё святое право, – согласился Ойрек. – Хотя я бы на твоём месте убил его ещё в Балендоре. Чего возиться-то? С такими паскудами разговор должен быть короткий.

– Погодите-ка, – оживился кто-то, – это что, тот самый малец, который...

– Тот, тот, – отмахнулся Лукас. – Вот я и говорю: не калечить. Как бы сильно ни захотелось.

– Святой вы человек, сэйр Лукас, – восхищённо сказал один из рыцарей. Остальные поддерживали его понимающим хмыканьем.

– А вот и наш герой, прошу любить и жаловать! – тонко крикнул фальшивоголосый рыцарь.

Рыцари расступились. Марвина втокнули в круг.

«Что ж ты вечно такой взъерошенный?» – с улыбкой подумал Лукас. До этого момента у него не было времени заняться своим пленником или хотя бы рассмотреть его: последние два дня он был озабочен поиском нового обмундирования, основательно потрёпанного в последней битве. Особых хлопот ему Марвин не доставлял, мирно провалившись эти дни без сознания в палатке Лукаса, так что тот с лёгким сердцем приставил оруженосца его сторожить и занимался своими делами. Этим утром Марвин наконец пришёл в себя, и, судя по всему, умирать не собирался, хотя его явно лихорадило: лицо пылало, дыхание было шумным и неровным, что не мешало мальчишке сохранять поразительно наглый и самоуверенный вид. Лукас разглядывал его, не скрывая удовлетворения. Дерек в самом деле не подвёл. И судьба тоже, преподнесла такой подарок.

– Проходите, мессер, присаживайтесь к нашему костерку, – издевательски раскланялся Ойрек. – Вижу, вы в добром здравии, чему я несказанно рад. Надеюсь, вы не держите на меня зла за то, что я вас малость помял давеча?

Марвин даже не взглянул на него. Он неотрывно смотрел на Лукаса, будто не замечая больше ничего вокруг. Глаза у него были серо-зелёные, ещё по-детски большие – но совсем не детская тьма вихрем гуляла в зрачках. «Чуть не убил меня, и ещё смеет ненавидеть, – подумал Лукас. – До чего же хорош».

– Ишь, ответствовать не изволит! Выдрать бы тебя, поганец, – с отвращением бросил кто-то.

– А точно! – хохотнул Ойрек. – Мальчишка-то смазливый! Может, разложим его побыстрому, а?

– Я тебе покажу – разложим! – ревниво заверещала его шлюха, вцепляясь благоверному в волосы под дружный хохот рыцарей.

Лукас молча смотрел в белеющее лицо Марвина – смотрел и улыбался, пытаясь угадать его мысли. Не будь мальчишка связан, кому-то здесь уже бы не поздоровилось. А впрочем, может, он и не настолько глуп. Во всяком случае, Лукасу хотелось в это верить.

– Как вы чувствуете себя, мой друг? – вкрадчиво спросил он, когда шум вокруг немного улегся.

Губы Марвина дрогнули, будто с них должно было, но так и не сорвалось ругательство. Рыцари притихли, посмеиваясь и перебрасываясь насмешливыми комментариями. Ойрек широко ухмылялся.

– Простите, я прежде не мог уделить вам должного внимания, – тем же тоном продолжал Лукас. – А тут вот благородные мессеры пожелали узреть того самого сэйра, что прославил последний турнир в Балендоре... Надеюсь, вы ещё не забыли?

– Не забыл, можете быть уверены, – сказал Марвин.

От звука его голоса рыцари разом смолкли. Лукас прищурился, внимательно разглядывая его напряжённо выпрямленную фигуру.

– Рад это слышать, – сказал он. – Вы знаете, пока вас не было, благородные мессеры убеждали меня, что я должен вас убить.

– Так убейте, – проговорил Марвин. – За чем же дело стало?

– Дело стало за тем, что я уже дважды спас вам жизнь, хотя вы этого, я вижу, не цените. Причём первый раз получил её в подарок, а второй – купил.

– И переплатил, как по мне, – вставил Ойрек.

Марвин вздрогнул – мимолётно, но от Лукаса это не укрылось. Ах, ну да, откуда ему знать. Он и так уже был еле жив там, на поле боя, когда Лукас перехватил руку Ойрека, занесённую над его головой. Неприятное открытие, верно, парень?

– Не знаю, как благородное собрание, а я привык практически смотреть на жизнь, – заметил Лукас. Члены благородного собрания покривились, показывая своё отношение к такой позиции. – И прежде чем убить вас, я хотел бы получить компенсацию своих затрат. По-моему, это справедливо.

Здесь уж благородное собрание было вынуждено согласиться.

– Как же мне её получить, вот в чём вопрос? – подперев голову рукой, мягко спросил Лукас.

Рыцари принялись наперебой предлагать разнообразные варианты, самым безобидным из которых было раздеть мальчишку догола и заставить поплясать на снегу. Марвин по-прежнему не шевелился. Лукасу казалось, что насмешки отлетают от него, словно горох от стены.

«Ему не важно, что скажут они, – подумал Лукас. – Он хочет знать, что скажу я. И вовсе не потому, что боится. Он не боится».

– Как видите, способов множество, – проговорил он, когда рыцари утомились. – Но мне интересно, что предложите вы сами.

– Я бы предложил дать мне хороший меч, – сказал Марвин. – И решить наши разногласия без посторонних.

– Не разочаровывайте меня, мессер. Вы не слишком-то пеклись о присутствии посторонних, когда бросали копье мне в спину в Балендоре.

Как забавно он реагирует на слово «Балендор». Будто судорогой его сводит. А не успел ли он пожалеть о том, что сделал на том злосчастном турнире? Последняя мысль отозвалась в Лукасе тенью недовольства – он не хотел бы услышать на этот вопрос положительный ответ.

– Стало быть, дельных идей у вас нет, – подытожил он. – Тогда соблаговолите выслушать мои. Пока что я вижу следующие варианты. Я могу отвезти вас в мой замок и держать там на цепи, как пса, пока за вас не заплатит выкуп кто-либо из ваших любящих родственников. И меньше чем на пять сотен я не соглашусь, сами понимаете. Ещё я могу убить вас прямо здесь и сейчас – неторопливо и изобретательно, думаю, благородные мессеры помогут мне советом, когда моя фантазия иссякнет. А ещё я могу снять с вас портки и прилюдно высечь, а после с миром отпустить на все четыре стороны. И, вы знаете, последний вариант мне более всего по душе.

Он улыбался всё время, пока говорил – эта улыбка была одним из самых сильных его орудий, в первую очередь потому, что её всегда истолковывали верно. А может, дело в тоне его голоса – рыцари на сей раз не стали смеяться, словно поняв, что говорит он абсолютно серьёзно. Марвин тоже это понял, потому что когда Лукас умолк, в его лице не осталось ни единой капли крови.

– Вы не посмеете, – очень медленно сказал он.

Лукас расхохотался. Его смех никто не подхватил.

– А вы так и не научились проигрывать, сэйр Марвин из Фостейна! Вы что, не понимаете, что я сделаю всё, что захочу, и вы не сможете мне помешать? И благородные мессеры, глядящие на меня так неодобрительно, тоже не смогут. Смотрите-ка, вы тронули их каменные сердца. Или вы согласны с ними и предпочитаете кастрацию? Я не доставлю вам такого удовольствия. Эй, Илье! Наломай-ка мне ивовых веток пожёстче!

– Лукас, брось, – хмыкнул Ойрек. – Это не остроумно. Куда как лучше его повесить.

– Вот именно – лучше, и сэйр Щенок из Балендора явно бы это предпочёл, – Лукас встал и пошёл вперёд. Чьи-то ноги, вытянувшиеся поперёк его пути, торопливо убрались. Марвин стоял, будто врос в землю, и смотрел, как он приближается. Лукас остановился напротив него – в точности как тогда, на ристалище. Они были примерно одного роста – Марвин чуть ниже, но их глаза находились друг против друга, точнее, враг против врага. И сколько же ярости было в этих по-детски больших и по-взрослому бешеных глазах... ещё не волчьих, но – волчачьих.

– Ну надо же, как любопытно всё обернулось, – негромко спросил Лукас – но в наступившей тишине каждое его слово звучало очень чётко. – Когда мы виделись с вами в последний раз, помнится, я надавал вам оплеух. Правда, зрителей было побольше. Вам казалось, хуже быть не может? А если сейчас я высеку вас на глазах этого пусть не столь обширного, но не менее любопытствующего собрания – вы наконец-то научитесь признавать своё поражение, или по-прежнему будете хорохориться?

– Я убью вас, – одними губами сказал Марвин.

– Конечно, – улыбнулся Лукас. – Непременно. Я бы и сам за такое убил кого угодно на вашем месте. Но в данный момент перевес на моей стороне. Хоть этот-то вы признаёте?

Марвин не отвёл взгляд ни на миг – и это было хорошо, эх, до чего же это было хорошо! Лукас надеялся, что в его взгляде не отражается симпатия, которую он чувствовал к этому глупому стойкому мальчишке. Стойкость – это главное, а ум-разум придёт со временем.

Ничего... научим.

Он перестал улыбаться и сказал:

– Что же мне с вами делать, мессер?

Рядом возник оруженосец.

– Сэйр Лукас, ив вокруг не видать, – доложил он. – Берёза подойдёт?

– Забудь, – не глядя на него, ответил тот. – Отведи его обратно. Позови лекаря, пусть поглядит – его вроде лихорадит. И присматривай, чтоб не сбежал.

– Да как он сбежит – наши кругом, – хмыкнул Ойрек.

Лукас, не ответив, развернулся к примолкшим рыцарям.

– Благодарю за компанию, мессеры. Не унывайте, её светлость велела веселиться, – напомнил он и, отсалютовав, пошёл прочь. Он чувствовал на себе взгляды – и подумал: интересно, сколько из них поняли, что сейчас произошло? Вряд ли хотя бы один.

Кроме самого Марвина, разумеется.

Ближе к вечеру Лукас заглянул проведать своего пленника. Тот снова был без сознания – точнее, как выяснилось со слов Илье, спал после травяного настоя, который дал ему армейский лекарь.

– И он согласился выпить? – заинтересовался Лукас. – Или насильно влили?

– Нет, согласился, даже с охотой, – ответил Илье. Лукас не смог сдержать улыбки, глядя на расслабившееся во сне лицо Марвина. «А волчонок не так-то глуп... Во всяком случае, пустая спесь в нём не всегда пересиливает голос разума. Он хочет вырваться и отплатить мне за всё, а для этого ему нужны силы. И, по крайней мере, он это понимает».

– Посматривай тут за ним, – велел он.

Ночь Лукас просидел у костра, потирая сжатые в кулаки пальцы и тоскуя по мягкому климату южной доли Предплечья. С ним никто не разговаривал, даже Ойрек ни словом не помянул недавнюю сцену. Они не понимали, чего он добивается. Ничего удивительного – Лукас всю жизнь находил удовольствие в вещах, которые другим казались странными. И именно благодаря этому получил всё, чем сейчас обладал. Потому что нельзя было делать то, что он делал – для короля, для патрицианцев, для множества частных лиц, – не упиваясь этим. Нельзя было подчинять себе волю и разум других, если только воля и разум других не были слаще вина. И Лукас лишь теперь понял, что почти забыл вкус этой сладости. Почти совсем забыл... надо же.

Он думал об этом всю ночь, потягивая брагу и слушая пьяные песни товарищей по оружию. А утром отправился в свою палатку. Илье дремал на бочке у входа. Лукас разбудил его затрепиной. Оруженосец взвился на ноги и в панике завертел головой.

– А?! Что? Сэйр Лукас?!

– Вот удрал бы пленник, а ты бы и не заметил, – незло пожурил его тот и заглянул в палатку. Марвин не спал – сидел в углу на горе одеял, мрачно уставившись в угол, и выглядел заметно лучше, чем накануне. Похоже, отвар местного костоправа подействовал.

– С добрым утром, сэйр Марвин, – приветливо сказал Лукас. Тот вскинул на него ненавидящий взгляд. Лукас покачал головой: – Манерам вам ещё учиться и учиться. А я, между прочим, решил вашу судьбу. Илье, развяжи его.

Оруженосец обомлел, но приказ выполнил. Освободив руки Марвина, он тут же отскочил, будто боялся, что тот бросится на него (как дикий зверь, удовлетворённо подумал Лукас), но хозяин поймал его за плечо.

– Нет, останься. Я хочу, чтобы ты был свидетелем. Слушайте меня внимательно, мессер, – обратился он к Марвину. – Вы теперь здоровы, смогли бы освободиться сами, так что приглядывать за вами хлопотно. Ещё оруженосца моего прибьёте, а мне бы этого не хотелось. Да и надоело торчать ночами под открытым небом, предоставляя вам собственное жильё. – Марвин слабо вспыхнул, но Лукас, будто не замечая этого, продолжал: – Я не поступлю с вами так, как вы того заслуживаете. То есть не высеку, да. – Снова вспыхнул – эх, какой же он ещё мальчишка. – Я отпущу вас за выкуп, как и положено. Обращаться стану соответственно. Вы ни в чём не будете нуждаться, и сцены, подобные вчерашней, не повторятся. Но взамен вы должны пообещать мне, что не сбежите. Сделаем вид, что забыли ваше бесчестье в Балендоре и поведём себя так, как должно благородным мессерам. Что скажете? Но знайте, если вы всё же сбежите и я поймаю вас, то снова надаю оплеух.

Марвин слушал его речь, не перебивая и не шевелясь. Даже запястья не растирал – а ведь наверняка не на шутку затекли.

– Так что, мессер? Обещаете?

– Обещаю, – глухо ответил тот.

– Чудно, – кивнул Лукас. – Можете свободно перемещаться по лагерю, но не выходите за его пределы. Я рассчитываю на остатки вашей чести.

И он вышел из палатки, уволакивая за собой ошарашенного Илье.

– Мессер... мессер! – взмолился оруженосец, когда к нему вернулся дар речи. – Простите меня, но что всё это значит?

– Только то, что я сказал.

– И вы думаете, он не сбежит?!

Лукас пожал плечами и улыбнулся.

– Не знаю. Я бы сбежал.

Сперва ему казалось, что он умирает или уже умер. А потом понял: лучше бы так и было.

Лагерь герцогини оказался компактнее и удачнее расположенным, чем королевский, несмотря на то, что численность войск Мессеры превышала число солдат её брата. Марвин не знал, сколько времени прошло со дня последней битвы, но вряд ли много, и большую его часть он провалился в бреду, изредка приходя в сознание и разглядывая тёмный свод палатки, сквозь прорехи в котором иногда пробивался блеклый дневной свет. Всё это время у него страшно болела голова. Палатка была одноместной, всегда наглухо зашнурованной снаружи, и никто в неё не заходил – не считая оруженосца, который заглядывал время от времени, чтобы накормить его и убедиться, что он не сбежал. Но Марвин даже не думал о побеге – в те дни ему казалось, что он никогда не выйдет из этой тесной духоты, что умрёт здесь, и ему этого почти хотелось. В голове не было ни единой мысли – только глухая тоска грызла сердце, словно червь – яблоко, погребённое под ковром прелых листьев.

Но потом он всё-таки вышел наружу – вернее, его выволокли, и он едва снова не потерял сознание от непривычно свежего воздуха, с силой ударившего в лёгкие.

То, что случилось позже, он старался не вспоминать. Хотя нельзя было не вспоминать. О нет, именно это надо было *помнить*. Всегда. До тех пор, пока он не заставит сэйра Лукаса из Джейдри пожалеть о том дне, когда он узнал о Марвине из Фостейна.

О Щенке из Балендора, думал Марвин, и эти слова, даже мысленные, даже не произнесённые вслух, снова и снова били его по лицу, били, били...

Нет, он не чувствовал вины от того, что сделал тогда на турнире. Смятение, горечь, злость – да, но не вину. Он и теперь бы поступил точно так же – даже зная, то впоследствии. Да и тогда знал, на самом-то деле – это было так предсказуемо. Только вот он ждал – почти надеялся, – что теперь каждый встречный станет плевать в него, едва завидев. Надеялся, потому что это было бы куда как лучше молчаливого сочувствия, которое он ощущал в Балендоре, когда Лукас из Джейдри хлестал его по щекам, и в лагере, у костра, когда он снова отхлестал его, на сей раз – словами, и это почему-то было хуже... Не могло, просто не могло, некуда уж хуже – а всё равно было.

Потом, уже под утро, проснувшись с куда более ясной после лекарственных трав головой, Марвин лежал на спине, глядя на мутный свет под куполом палатки, и думал, что, может быть, было бы лучше, если бы Лукас выполнил вчера свою угрозу и в самом деле высек его – там, на глазах у всех... Было бы лучше, потому что это опозорило бы его куда сильнее, чем самого Марвина – так же, как Марвина опозорил удар в спину, который он нанёс. Кажется, Лукас понимал это – и потому ограничился прилюдной угрозой, которую так и не воплотил, оставшись чистым и вновь облив грязью Марвина. Он думал об этом и чувствовал, как сотни игл вбиваются в глаза, горло, сердце, – это было невыносимо.

«Как же он делает это, – бессильно думал Марвин, – как? Почему каждый новый его поступок оставляет меня в дураках?»

И вот теперь ещё одна, не менее унижительная милость. В которой наверняка крылся подвох – но, Ледоруб его раздери, какой?! Лукас говорил об остатках чести, улыбаясь – как же Марвин успел возненавидеть эту улыбку! Ясную, светлую, почти мальчишескую, мигом сбрасывавшую ему десяток лет, такую обезоруживающую, и такую безжалостную при этом. Я всё о тебе знаю, говорила эта улыбка. Я знаю, что ты думаешь, знаю, что ты сделаешь. И мне нравится за тобой наблюдать, убеждаясь в этом. «Проклятье, – думал Марвин, – будто он – посетитель зверинца, а я – диковинный зверь за решёткой. И я могу сколько угодно бесноваться и кидаться на прутья, но не смогу сжать зубы на его горле, а он будет всё так же улыбаться, скрестив руки на груди, и что-то не понятное мне будет гулять в его глазах...»

Когда Марвин впервые вышел из палатки сам – свободный в действиях, но связанный данным словом, – рядом никого не оказалось. Пара солдат резалась в кости чуть в стороне, ещё один валялся на земле у костра. Среди них не было свидетелей его вчерашнего унижения, и в сторону Марвина никто не посмотрел.

«Я ведь внешне ничем не отличаюсь от них», – подумал он.

Ну да, почти ничем. Не считая того, что он безоружен.

Стояла хорошая погода, а Марвин изголодался по свежему воздуху и решил побродить по лагерю – благо это ему не возбранялось. В глубине души он боялся наткнуться на кого-то из вчерашних рыцарей, а то и на самого Лукаса, но устоять перед соблазном не сумел. Поэтому бродил – и смотрел, и запоминал всё, что мог. Конюшни располагались в центральной части лагеря: открытые, хорошо охраняемые. Марвин осмотрел их, пересчитал лошадей, оценив на глаз их выносливость и степень усталости, и с сожалением был вынужден признать, что вряд ли ему удастся украсть одну из них. Он с горечью вспоминал собственного боевого коня, убитого под ним на Плешивом поле. Несчастному животному вспороли живот, а Марвин даже не смог его добить, потому что через минуту добили его самого.

Впрочем, судя по воздуху, мягкому и куда более тёплому, чем несколько дней назад, они продвинулись на юг, в тылы королевской армии. Стало быть, где-то неподалёку должны быть свои. Можно и пешком добраться...

Так что, Марвин из Фостейна, ты всё-таки сбежишь?

«Конечно, сбегу, сегодня же», – ответил Марвин сам себе, но почему-то эта мысль была неприятной. Ему ещё не приходилось нарушать данное слово... но приходилось бить в спину честно победившего противника – а это не одно ли и то же?

Нет, проклятье, нет. Не в этом дело. Тогда он просто не думал, что делает. У него не было времени думать о чём-то другом, кроме невозможности и невыносимости поражения. Знать бы тогда, что есть куда более невыносимые вещи...

Или всё-таки нет?

Но теперь у него было слишком много времени для раздумий, и он не смог бы оправдаться даже перед собой. Это с одной стороны. А с другой – когда ты в плену, что может быть естественнее желания сбежать?

Разве что желание побеждать. Всегда побеждать. Всё равно, как.

– Эй, парень, глотнуть не хочешь?

Он с трудом удержал дрожь, обернулся. На земле, скрестив ноги и протягивая фляжку, сидел старый солдат. Марвин был уверен, что прежде не видел его. Поколебавшись, он сел рядом, принял предлагаемое, благодарно кивнул, отпил. Он не принимал спиртного уже два месяца и неожиданно закашлялся, когда неимоверно крепкая брага полилась в горло. Солдат засмеялся, похлопал его по спине.

– Что, крепковато для такого щенка? – дружелюбно сказал он.

По спине Марвина прошёл мороз. *Щенок из Балендора...*

Да нет, тут же понял он, этот старик никогда не слышал о Щенке из Балендора. А слово это сейчас проговорил едва ли не любя – так дед мог бы говорить о своём внуке.

– У меня самая крепкая брага в здешних местах, – похвастался он. – Я сам с Большого Пальца, а всем ведомо – чем злей морозы, тем крепче самогон! – он довольно засмеялся, отобрал у Марвина флягу, глотнул. Потом пожаловался: – А про меня забыли все. Как разорили ту деревеньку близ Плешивого поля, местного дрянного винца набрали – уже не нужен им самогон старого Дилена. А то всё бегали! – он обиженно засопел. – Щенки! Все как есть щенки! Хочешь ещё глотнуть?

– Давай! – решился Марвин. На сей раз пошло лучше, и он долго не отрывался от фляги. Старый Дилен наблюдал за ним с видимым удовольствием, потом кивнул.

– Молодец! Поспешил я тебя щенком обозвать, прости старика. А чего ты помятый-то такой? И меч твой где? Что, на Плешивом раздели?

Марвин глубоко вздохнул.

– Я ранен был. Думал, совсем подохну.

– Ну! А мародёры Попрошайкины за мертвяка приняли, да?

– Что?

– Мародёры Попрошайкины, говорю, стервецы, раздели! – заорал старик ему на ухо. – Тебя что, по башке огрели, недослышиваешь?

– А... да, – ответил Марвин, с трудом сдерживая желание осенить себя святым знамением. Подумать только... неужели люди Мессеры называют его величество короля Артена Благоразумного «Попрошайкой»?! Марвин не питал к нему особой любви, но, как ни крути, монарх есть монарх, он ставленник Единого, и поносить его – будто поносить Святого Патрица.

– Чего кривишься? – спросил старик.

– Да так, – ответил Марвин. – Башка болит. И брага у вас вправду ядрёная.

– Оно верно! – довольно заулыбался вояка. – А меч ты себе раздобудь, а то что ж это – не дело, мы вот-вот в драку, а ты – всё равно что голый.

– Скоро будет драка?

– Скоро. Может, уже и завтра. Тут недалече, говорят, королевский гарнизон – они нас не ждут, мы в обход идём. А в гарнизоне, сам подумай, небось и девки есть, – старик многозначительно подмигнул, хмыкнул, обнажив в ухмылке гнилые зубы.

– Зачем вам-то девки?! – изумился Марвин.

– А ты что, мальчиков предпочитаешь? Ну так там и пажи небось какие найдутся, всяко есть чем поживиться.

«Неужели и я, если доживу до его лет, буду только об одном и думать?» – пронеслось у Марвина, и его покорила эта мысль – никогда прежде он не задумывался ни о чём подобном. А если бы и задумался – вероятно, лишь ухмыльнулся бы... В самом деле, нет ведь ничего слаще доброй драки да резвой девки... так ведь? Всегда так было.

Всегда, до того, как его заклемили пощёчины Лукаса из Джейдри. Его пощёчины и его усмешка.

Марвин вскочил, чувствуя, как поднимается изнутри к горлу что-то тяжкое, спирающее дыхание.

– Пойду я, – отрывисто сказал он. – Оружие надо раздобыть.

– Ты к Уотеру зайди, у него много всякого добра есть, – посоветовал старик. – Меня в прошлом переходе тоже мародёры раздели, так я у него заново так снарядился – лучше, чем было!

– Благодарю вас, мессер, – сказал Марвин и зашагал в другую сторону лагеря.

И почти сразу увидел человека, который оглушил его на Плешивом поле и которому Лукас заплатил за его жизнь... пять сотен заплатил.

«Я верну вам эти пять сотен, мессер», – подумал Марвин, и в этот миг рыцарь встретился с ним глазами.

– Эй, да ты сбежал никак! – завопил он.

– Нет, Ойрек, ты что, забыл? – одёрнул его кто-то из сидевших рядом. – Лукас же сказал, что договорился с ним...

– Договорился? – по заросшему лицу Ойрека поползла брезгливая гримаса. – Это о чём можно договориться с ублюдком, бьющим в спину?

– Да неужто, благородный мессер? Вы меня, если мне память не изменяет, тоже в спину ударили, – холодно сказал Марвин.

Ойрек, медленно багровея, поднялся на ноги.

– А ну повтори, что ты сказал?!

– Вы слышали.

– Ах ты, паскуда, да я ж только оглушил тебя, чтоб потом добить, глядя в твою поганую рожу!

– И это, по-вашему, более честно? – насмешливо поинтересовался Марвин.

Скрюченные волосатые пальцы скользнули по его горлу, но в следующий миг страшно ругающегося Ойрека оттащили двое его друзей.

– Сдурел?! Лукас с тебя шкуру спустит!

– Посмотрим ещё, кто с кого! – проревел Ойрек. – Вот погодите, наплюёт ему этот гадёныш в рожу, так пожалеет, что вчера меня не послушал!

Марвин стоял, скрестив руки на груди и не шевелясь, и чувствовал поразительную лёгкость во всём теле – и на душе. В кои-то веки всё оборачивалось лучшим образом.

– Дай мне меч, – сказал он. – И спусти с меня шкуру сам. Если сумеешь. Только, чур, перед тем не оглушать, идёт?

– Убью!!!

– Ну, ну, что это здесь происходит?

И всё, в один миг – то ли крылья подрезали, то ли огрели по башке и снова мордой в дерьмо. Марвин почувствовал, как отнимаются руки и ноги, – будто сам только звук этого голоса лишал его сил.

Вернее, не столько звук, сколько безудержная волна ярости, которая захлёстывала его, когда он слышал голос Лукаса Джейдри.

– Ойрек, если ты так рвёшься убить его, следовало сделать это раньше, – сказал Лукас, подходя ближе и кладя ладонь Марвину на плечо – и тот окаменел, не в силах ни сбросить эту руку, ни выдерживать её прикосновение. – И не надейся, что я ограничусь требованием компенсации, если ты тронешь его хоть пальцем. Мы вроде порешили, что он мой?

– Твой, – сказал Ойрек и сплюнул Марвину под ноги. – И когда он тебя прирежет посреди ночи, я первый ему руку пожму. Дуракам туда и дорога.

– Не спорю, – коротко сказал Лукас – и снова эта его ухмылка поганая, больше и говорить ничего не надо, и так всё ясно. Ойрек развернулся к нему, потянул меч из ножен. Лукас не двигался. Его ладонь всё так же лежала у Марвина на плече.

– Ойрек, подумай хорошенько, – спокойно проговорил он. – Как следует подумай.

Похоже, он ничуть не сомневался в исходе назревающей драки. И что удивительнее всего – не только он один. Ойрек глухо зарычал и с грохотом вернул меч на место. Двое рыцарей, наблюдавшие за ними, не проронили ни слова.

– Сразу бы так, – сказал Лукас. – И забудь о моём пленнике. Возьми себе собственного в ближайшей битве и измывайся над ним, сколько влезет. А над этим, – он вдруг повернулся к Марвину и мимолётно улыбнулся ему – так, будто между ними существовал тайный сговор, – позволено измываться только мне.

Он отошёл прежде, чем кто-либо успел ему ответить. Марвин снова почувствовал то же, что и вчера, когда он стоял связанный среди этих людей, которые осыпали его насмешками и предлагали кто повестить, кто разорвать лошадьми, но он только смотрел в прозрачные глаза Лукаса, сидевшего по другую сторону костра, и читал в этих глазах, что всё будет хуже, гораздо хуже.

– Да он сам над кем хочет измывается, – проворчал Ойрек, отворачиваясь – но было видно, что он успокоился. Как будто тоже почувствовал это – и вновь перестал воспринимать всерьёз Балендорского Щенка...

Марвин подумал, что больше не может всё это выносить.

Его даже не проводили взглядами. Похоже, никто не беспокоился о том, что он может сбежать. И не без оснований: выйти-то из лагеря он сможет без труда, но безоружный да без коня – не уйдёт далеко...

Если только не постарается.

Надо было, конечно, выждать до ночи, но у него уже не было сил. Ещё одно свидание с сэйром Лукасом, и кому-то из них не жить... а для этого было не место и не время.

– Постой-ка, друг, – не без труда напустив на себя беспечный вид, Марвин остановил проходящего мимо солдата. – Где мне Уотера найти?

– А ты не знаешь? – удивился тот.

– Да я в отрубке два дня был, не сориентировался тут ещё.

– А-а. Вон там он, на восточной стороне. Обычная его синяя палатка.

Марвин поблагодарил и направился в указанном направлении. Походная кузница была оборудована так же умело, как и сам лагерь; возле наковальни стоял здоровенный мужик в кожаном переднике. Рядом толклась пара солдат – судя по виду, наёмников. Ребята зелёные, явно моложе Марвина, необтёртые ещё. При виде Марвина они криво заухмылялись, но посторонились. Похоже, всякая шваль в лагере мессеры герцогини знала своё место. Не сказать, что Марвин этого не одобрял.

Кроме этих двоих, поблизости никого не было. Парочка солдат переговаривалась чуть поодаль, но с того места, где стоял Марвин, их не было видно.

Марвин вперил в наёмников неподвижный взгляд.

– У вас ко мне дело, мессеры? – холодно осведомился он так, будто это они первыми на него уставились. Парни недоумённо переглянулись, похмыкали, но потом помотали головами и отошли шага на три. Марвин попытался представить, до чего ж свирепая была у него рожа, раз так подействовало, и угрюмо поздравил себя с удачным днём.

Потом шагнул под синий тент, к дымящейся кузнечной жаровне.

– Мне нужен меч. Одноручный, хорошего качества.

Кузнец вскинул на него заплывший глаз, другим продолжая косить в сторону наёмников.

– А деньги-то у мессера водятся? – прошепелявил он.

– Водятся, водятся, – спокойно сказал Марвин. – Показывай железо.

– Ну, чего уставились, пшли вон, голодранцы! – рявкнул кузнец топтавшимся рядом наёмникам. Те заворчали, но отошли ещё дальше – похоже, уже успели испытать на собственном загривке тяжесть кузнечных кулаков.

Кузнец кивком предложил Марвину подойти ближе. Тот шагнул в глубь навеса.

– Вот этот неплох, – кузнец загремел сложенными на подставке мечами. – И цена пристойная.

– За цену не беспокойся. Лучшее давай.

– Да уж впрямь ли водятся? – полуобернулся к нему кузнец.

– День сегодня для карт удачный, – не моргнув глазом, ответил Марвин. Кузнец несколько мгновений обшаривал его взглядом заплывшего глаза. Будь дело в деревенской кузне, непременно потребовал бы показать. Но здесь ведь все свои... Герцогиня почти не брала пленных. А если и брала, то их держали под крепким замком, а не пускали разгуливать по лагерю.

«Неужто ты и впрямь такой дурак, Лукас из Джейдри?» – не смея верить в это, подумал Марвин.

Или просто честен сверх всякой разумной меры...

Ну уж точно больше, чем я.

– Тогда вот, – кузнец вытянул меч – совсем новый, из отличной стали, с тщательно выделанной ажурной резьбой на крестовине. – Но он стоит три сотни.

– Пойдёт, – сказал Марвин, принимая меч из рук кузнеца. Отступил на шаг, взмахнул пару раз, проверяя балансировку. В самом деле неплохо – не идеал, конечно, но на первое время сойдёт.

– Слушай, Уотер, – сказал он, продолжая равномерно рассекать лезвием воздух – вж-жих, вж-жих, песня, а не клинок. – А что, вы вправду зовёте короля Попрошайкой?

Он и сам не знал, зачем спросил, – должно быть, до сих пор не мог поверить. Но Уотер понял – через мгновение, и этого мгновения Марвину хватило. Лезвие вошло в шею кузнеца легко, словно в снег, перерубив кадык. Марвин схватил кузнеца за ляжку кожаного передника и придержал, не дав завалиться навзничь. Грузное тело осело на наковальню.

– Нельзя так, Уотер, – тихо сказал Марвин, тщательно вытирая клинок о рубаху кузнеца. – Нельзя так про законного монарха, грешно.

Когда на лезвии не осталось крови, Марвин закинул клинок плашмя на плечо и, выйдя из палатки, зашагал к южному краю лагеря. Развивающиеся на ветру стяги с гербом герцогини Пальмеронской виднелись уже совсем недалеко – рукой подать.

У него было не более минуты, прежде чем болтавшиеся рядом с тентом наёмники заметят труп и поднимут крик.

Выход из лагеря охраняли двое зевающих патрульных. На Марвина они покосились, но ничего не сказали. Похоже, им было велено внимательнее следить за теми, кто входит в лагерь, а не за теми, кто его покидает. И как только дезертиров ловят...

Он успел пройти от границы лагеря с полсотни шагов, когда услышал позади приглушённый крик. Тогда рванул с места – лес, густой чёрный лес Предплечья был рядом, на склоне холма; склоны здесь пологие, а снегопада не случалось давно, и старый снег успел сойти, только кое-где на палой листве запеклась белёсая корка инея.

Марвин кинулся напролом через заросли, рубя ветки на ходу, потом, углубившись в лес шагов на сто и прорвавшись на небольшую поляну, бросился назад, тем же путём, старательно ступая по только что порубленным ветвям – к огромному поваленному дубу с раскидистой сетью корней, нависших над мелким песчаным обрывом. Забрался под корень, едва ли не в середину ствола, так глубоко, как мог. Подмороженное дерево пахло гнилью, из сердцевины свисали мокрые клочья мха. Марвин стиснул зубы, вжался спиной в слизкую древесину, покрепче упёрся ногами во вросшие в землю корни.

Ищите теперь.

«До вечера отсижусь, – подумал он, глядя на ползущее к зениту солнце. – Гадко тут, но лучше не рисковать».

Он попытался представить лицо Лукаса, когда тот узнает – и не смог.

«На сей раз победа за мной, мессер», – подумал Марвин, но эта мысль отчего-то не принесла ему облегчения.

* * *

– Ну что, теперь ты доволен? – злорадно бросил Ойрек.

Лукас пожал плечами.

– Говорил я, сделает он из тебя дурака!

– Ойрек, что ты надрываешься? – спокойно отозвался Лукас. – Пропил уже свои пять сотен, что ли?

– Я-то нет, а вот ты – со всех сторон в дураках!

– Пусть эта мысль тебя утешит.

Ойрек хмуро взглянул на него и ничего не сказал. Он полагал, что Лукас должен слюной исходить со злобы, и оттого, что не наблюдал ничего подобного, злился сам.

Примчался запыхавшийся Илье. Ойрек вскинулся первым:

– Поймали?

– Не-а! – в отчаянии ответил оруженосец. – Весь холм прочесали – даже следов нет!

– Собак бы пустить, – вздохнул один из сидящих рядом рыцарей.

– Да теперь уж что, – бросил Ойрек. – Удрал, гнида.

Лукас сидел, откинувшись и уперев руки в землю. К вечеру ударил морозец, и подледневшая земля жгла голые ладони. Лукас разглядывал небо: ночь подступала безлунная, в самый раз для побега. Глупый мальчишка, дождался бы темноты – его бы только к утру хватились. Но Лукас знал, что он не дождётся: видел. Он даже удивился, почему Марвин терпел так долго.

– Удрал – и удрал, – обронил Лукас, чувствуя, что все ждут, чтобы он хоть что-то сказал. – Делов-то.

– А кто за ним пошёл? – спросил кто-то, не бывший в курсе дела.

– Да та пара наёмников, на глазах у которых он кузнеца прирезал, – бросил Ойрек. – Вот наглая же тварь!

– Прямо так и на глазах?!

– Ну, почти. Он в палатку к кузнецу зашёл, всё тихо было. Потом вернулся с оружием, а эти олухи хватились, только когда запах крови учуяли. Одно слово – псы! Сами за ним и кинулись, выслужиться хотели. Нет бы доложить куда надо или хоть Лукасу сказать...

– Лукас бы его поймал, – заметил один из рыцарей.

– Да уж, – хмыкнул Ойрек. – Только вот побрезговал, что ли?

Лукас продолжал разглядывать небо. Луны нет, а звёзды-то как хороши... Конную Деву сегодня особенно чётко видно – так и переливается, и жеребец её так и пышет жаром белого сияния. «Жаль мне тебя, Марвин из Фостейна, тебе сейчас недосуг поднять голову и взглянуть на это небо. Ты мчишься по бурелому, пригнув голову, порой бросая взгляд через плечо, порой замирая и вслушиваясь в хаотичные отзвуки тьмы, ты думаешь: «Я победил», но не чувствуешь этой победы, не веришь в неё, будто чуешь, что я иду по твоему следу... А я не иду. Мне нет резона травить волчонка – я предпочитаю совсем другие забавы.

Но тебе это знать незачем, так что давай и дальше воображай, будто сбежал. И только я знаю, что попросту тебя отпустил. Потому что правду говорят: я поймал бы, если б захотел.

Потому что ловить – это именно то, что я умею куда как лучше других».

Рыцари продолжали негромко переговариваться, Ойрек хмуро ругался себе под нос. Лукас водил ладонями по земле. Лёд, намёрзший на комьях грязи, был острым и резал пальцы.

Глава 3.

Капкан

Вдалеке были волки. Заунывно, почти жалобно – нитьё, а не вой. И с чего бы им выть? Впрочем, Марвин был готов к ним присоединиться: холодрыга, жрать охота, да и ко всему прочему, кажется, он всё-таки заблудился. Чёрный лес Предплечья, схоронивший его от преследователей, неожиданно обернулся к нему насмешливым оскалом. Схоронить-то я тебя схоронил, парень, – а теперь попробуй выйди.

Пробовал. Пока безуспешно.

А тут ещё и снег – зарядил ночью и не переставал второй день. С одной стороны, хорошо – замело все следы, которые Марвин за собой оставил, с другой – замело и любые следы, по которым можно было найти дорогу к людям. Марвин рассчитывал пройти немного вдоль края леса, потом забрать к западу и выйти на луга – люди герцогини вряд ли успеют его опередить, а эта земля всё ещё принадлежит королю. Но, видимо, он неверно рассчитал расположение леса или сбился с направления – он шёл на юго-запад, а лес не редел. И нельзя было даже вернуться по собственным следам и проверить дорогу – землю затягивало белой порошей самое большее через четверть часа после того, как он по ней проходил.

И было холодно, просто зверски холодно – конечно, это не лютая зима Запятья и ещё более северных земель, но в гостеприимном приюте Мессеры Марвин лишился всех доспехов, а плащ с собой на бою, конечно, не брал. Сейчас на нём осталась только рубашка и лёгкий кожаный жилет без рукавов, который надевали под доспехи, да шерстяные штаны. Хорошо хоть сапоги боевые, на толстой подошве, иначе бы уже пальцы ног себе отморозил. А вот с пальцами рук было хуже – он беспрерывно сжимал и разжимал их на рукояти меча, не давая заиндеветь окончательно, но это плохо помогало. Эти дни он ничего не ел и почти не спал – только иногда дремал стоя, привалившись к древесному стволу. Знал, что если ляжет – может не проснуться.

Поэтому, когда третьим днём, вскоре после полудня, Марвин услышал человеческий голос, радости его не было предела. Впрочем, уже через мгновение он понял, что это, скорее всего, его собрат по несчастью – лес и не думал редеть, вокруг по-прежнему не виднелось ни дымка, ни следов, обещающих близость людей. Но всё равно это было гораздо лучше, чем ничего, и Марвин двинулся по заснеженному бурелому на голос.

Впрочем, признать этот голос за человеческий было не так-то просто – в конце концов, волки ночами были очень похожи. И тут тоже – не человеческая речь, а так, скулёж какой-то, будто собака есть просит. При мысли о еде желудок свело судорогой, а ноги сами ускорили шаг. Марвин продрался сквозь заросли, шумно сбрасывая с веток нависшие над ними снеговые капюшоны. Он не очень-то таился, вернее, совсем не таился, и нитьё вскоре стихло, будто тот, кто находился по ту сторону кустов, затаил дыхание. Небось, за медведя меня принял, усмехнулся Марвин и, разломав последнюю преграду, ступил на небольшую лужайку, через которую тянулась уже почти совсем замётённая вереница свежих следов.

Но следы Марвин увидел на сразу, потому что сперва в глаза ему бросилась кровь. Он сам удивился тому, до чего яркой она показалась, – он так привык за последние дни видеть лишь белое да коричнево-чёрное, что теперь шурился, глядя на любой яркий цвет.

А кровь в самом деле была яркой, и её было много.

– Слава Единому! – всхлипнул тот, кто её пролил. – Помогите! Мессер, помогите!

Посреди лужайки на окровавленном снегу сидел толстый мальчишка, хорошо одетый (Марвин завистливо оглядел его отменный тёплый плащ и меховую куртку), и зарёванный до такой степени, что гадко делалось. Его правая рука была крепко схвачена зубьями капкана

– вот откуда столько кровищи. Как это надо умудриться попасть в капкан рукой, Марвина сейчас не интересовало – он до того был рад видеть живого человека, что бросился к нему, но остановился, не дойдя нескольких шагов. Мальчишка тут же дёрнулся и снова заскулил – видно, от боли, а потом с трудом выдавил сквозь слёзы:

– Мессер, спасите! Не уходите! Не уходите-е...

– Да куда я уйду, дурень, – сказал Марвин, оглядывая его с ног до головы. – Ты как здесь оказался-то?

– Я... сбежал... – промямлил мальчишка, глядя на него обезумевшими от надежды глазами.

Марвин немедленно проникся к нему симпатией.

– Я тоже, – поделился он. – Третьи сутки по этому грёбаному лесу таскаюсь.

– Мессер, помогите, – хныкнул мальчишка.

– Да помогу, не ной, – не двигаясь с места, сказал Марвин. – Только скажи сперва – ты за кого? За... Попрошайку или за её светлость?

Лицо мальчишки вытянулось, он недоумённо моргнул, шмыгнул носом.

– П-попрошайку? – непонимающе переспросил он. – Я... это...

– Ясно, – удовлетворённо кивнул Марвин. Будь мальчишка из людей герцогини – знал бы, кого величают Попрошайкой.

Марвин подошёл ближе и внимательно осмотрел капкан. Обычная волчья ловушка, совсем простая – только меч вставить меж зубьев да надавить, что Марвин и сделал. Капкан раскрылся с громким щелчком. Мальчишка дёрнулся, то ли от неожиданности, то ли от облегчения, и повалился в снег, прижимая руку к груди.

– Дай посмотрю, – сказал Марвин. Мальчишка безропотно протянул руку; вид у него был совершенно ошалелый. Марвин оглядел рваную рану, оставленную железными зубьями капкана, хмыкнул.

– Пальцами пошевели.

Мальчишка пошевелил. Марвин покачал головой.

– В рубашке ты родился, парень.

– Больно! – пожаловался тот. Марвин отвесил ему подзатыльник.

– Повезло тебе, дубина! Могло ведь кость начисто раздробить, руки бы лишился. А так только мясо прихватило. Вот тебе и толк с жиру-то твоего, – усмехнулся он. – И жрать, небось, не так хочется?

– Не хочется, – размазывая слёзы по лицу здоровой рукой, согласился мальчишка. – Я кушал.

– Что? – изумился Марвин.

– А у меня с собой, – сообщил толстяк и кивнул куда-то в сторону. Марвин проследил направление его взгляда и увидел котомку, валяющуюся возле капкана на окровавленном снегу. Перед глазами у него поплыло от голода и восторга одновременно. Но он справился с собой – парень, того и гляди, кровью истечёт, а остаться посреди заснеженного леса снова одному Марвину вовсе не улыбалось.

– Ну-ка раздевайся! – приказал он. Мальчишка выпучил на него глаза. «Ох, проклятье, – подумал Марвин, – решил, что я теперь ограблю его и брошу замерзать». – Да не бойся ты. Будь у меня какая задняя мысль, мне тебя проще было бы прирезать, а потом уже из капкана вытаскивать. Ну, живо! До штанов.

Мальчишка, дрожа и всхлипывая, подчинился. Розовая кожа, обтягивавшая объемистые тела, на морозе стала быстро краснеть. Марвин порвал его рубаху на длинные лоскуты и накрепко перевязал разодранное предплечье. Кровило довольно сильно, но не в одном месте, а по всей длине раны – стало быть, важные сосуды не повреждены. Может, и дотянет до человеческого жилья...

– А тут ведь люди недалеко! – внезапно понял Марвин. – Раз капкан стоит. И недавно стоит, не проржавел ещё. Ты с какой стороны шёл?

Мальчишка молча махнул на юг. Говорить он робел, но взгляд у него был совершенно шенячий.

– А я шёл с северо-востока... Значит, к западу надо идти, – продолжая размышлять вслух, Марвин закончил перевязку и вернул мальчишке его куртку. – На, держи, пока не окоченел. А плащ, если не возражаешь, я себе возьму.

Мальчишка не возражал, впрочем, Марвин спросил скорее из вежливости – всё равно отобрал бы. Наскоро завернувшись в плащ и не глядя больше на спасённого, он подобрал с земли вожделенную котомку. Внутри неё нашлась половина хлебной краюхи и почти нетронутый окорок, а ещё – Марвин мысленно вознёс хвалу Единому – полная фляга с вином. К ней он и приложился, осушив в один присест, а следующие несколько минут увлечённо уничтожал мясо, забыв обо всём на свете. Потом только спохватился и оставил немного про запас – мало ли, сколько им ещё плутать. А паренёк и хлебом перебьётся, ему постройнеть не мешает – хотя, глядишь, будь он постройнее, руки бы уже лишился...

– Эх, башковитый ты парень, а я вот запастись не додумался, – бросил Марвин, наспех сглатывая.

Мальчишка засопел, но ничего не ответил.

– Единый мне тебя послал! – горячо сказал Марвин, засовывая котомку за пазуху.

– И вас – мне, – робко проговорил мальчишка. Он всё так же сидел на снегу, прижимая руку к груди, но заметно повеселел. Марвин посмотрел на него сверху вниз.

– Это ты как же в капкан угодил, а?

– Да я это... споткнулся... И чувствую – вроде не коряга, а что, под снегом не видно, наклонился посмотреть, ну и...

– Понятно, – кивнул Марвин. И как только таких идиотов земля носит? Впрочем, надо отдать ей должное, долго она их и не носит как раз. И вот этого парня уже б не сносила, если бы Марвин рядом не оказался. – Ладно, пошли. Если повезёт, может, до темна на людей набредём.

Он двинулся вперёд; мальчишка, переваливаясь, будто медвежонок, двинулся за ним. Алое пятно, быстро расплывшееся по его повязке, кажется, в размерах не увеличивалось.

– А ты бы и сам мог из капкана выбраться, – сказал Марвин. – Кость-то не задело, рванулся бы посильнее – и на воле.

– Больно, – снова пожаловался пацан. – И боязно.

Марвин поморщился.

– Вот и подох бы тут как собака, раз боязно.

Мальчишка понуро замолчал. Марвин больше на него не оборачивался.

Поев и чуть отогревшись, он ощутил прилив сил – и крыл себя последними словами за то, что двое суток пёр вовсе не туда, куда следовало. Стоило ему забрать чуть западнее – и ещё вчера вышел бы к деревеньке, раскинувшейся в долине между лесом и холмами. Деревенька была небольшая, на дюжину дворов. Народ здесь оказался пугливый, и Марвин долго не мог найти никого, кто толком ответил бы ему, чья это земля и далеко ли королевские войска. Мальчишка всё это время таскался за ним – рана его явно оказалась не столь тяжела, как можно было подумать. «Эх, – вздохнул про себя Марвин, случайно уронив взгляд на его толстощёкую физиономию, – мне бы такое везение, не торчал бы я тут теперь».

В конце концов они добрались до единственного деревенского трактира. В Марвине с первого взгляда признали благородного мессера и окружили неуклюжей, но искренней заботой. Он наелся – теперь уже до отвала, – напился горячего вина и завалился спать, не особо думая о том, как и чем будет расплачиваться. Спасённый им мальчишка всё время крутился где-то поблизости – ближе к ночи, когда Марвин сомлел от усталости и выпитого вина, он, кажется, снимал с него сапоги. Марвин не возражал – сейчас стюард пришёлся ему весьма

кстати. С этой мыслью он и уснул – и сон его был впервые столь крепким и спокойным с того дня, когда Лукас из Джейдри выехал против него на балендорском турнире...

Когда он открыл глаза, за окнами было бело – снег по-прежнему мёл. Увидев, что Марвин проснулся, мальчишка, клевавший носом в уголке, вскочил и заискивающе спросил, не угодно ли чего. Марвин взглянул на него с удивлением, сонно моргая.

– А ты почему тут?

– Так я, это... – смешался парнишка и умолк, потупив взгляд.

Марвин зевнул, вздохнул, потом сказал:

– Умыться принеси.

Мальчишку словно ветром сдуло. Похоже, на самочувствие он не жаловался. Марвин, впрочем, тоже.

Умывшись и размявшись, он вышел в обеденный зал трактира, где перед ним принялись немедленно кланяться и расшаркиваться. Марвин коротко глянул на своего самозванного стюарда.

– Ты платил?

Тот помотал головой. Марвин хмыкнул.

– А чьи это земли, не скажешь, любезный? – осведомился он у трактирщика – вчера было как-то недосуг.

– Его благородия сэйра Аурида, мессер рыцарь.

– Ты откуда знаешь, что я рыцарь? – удивился Марвин.

– Так ведь, – трактирщик склонился до самого пола, – видно же, благородного мессера, знаете ли, издалека видно...

«Ясно, он будет счастлив, если я ничего тут не разгромлю и служанок его не перепорчу», – понял Марвин и сразу подобрел. Велев мальчишке распорядиться насчёт завтрака, он расположился посреди зала и продолжил допрос трактирщика. Начал, впрочем, издалека.

– А где сейчас сэйр Аурид?

– Да на войне, мессер рыцарь, как все...

– Понятно, – с нарочитой небрежностью протянул Марвин. – А с кем воюет? С соседями?

– Да нет, вы разве не знаете? Сейчас все воюют с королевной нашей, сестрой короля Артена. Такая бабища – что скала! Люди сказывают, пятерых рыцарей одной рукой в бараний рог скрутить может.

– Ага, и ещё у неё зубы, как у тролля, и пышет пламенем, а самые знающие говаривают, что-де испражняется серебром, – насмешливо сказал Марвин. – А далеко теперь войско твоего сэйра, не знаешь?

– Да недалеко, ещё вчера от них гонцы приезжали за припасами. Уехали только быстро, спешили. На север вроде наш сэйр идёт.

– На север? – удивился Марвин. – Мы разве наступаем?

– Того знать не могу, – склонился трактирщик.

– Ну да, откуда тебе, деревенщине, – согласился Марвин и, подняв глаза, встретился взглядом с мальчишкой. Тот стоял чуть в стороне, ожидая новых приказов, и смотрел на него со странной смесью восторга, ужаса и мольбы. Марвин хлопнул ладонью по скамье рядом с собой. – Присядь-ка, парень! А ты, хозяин, тащи вина и две кружки. А то этот бедолага со мной вчера возился, а сам, должно быть, и горла не смочил.

– Я кушал, – поспешно сказал мальчишка. Марвин фыркнул.

– Ну ты ровно баба – кушал он! Ты ж на морозе тоже пару дней проторчал, тебе отогреться сейчас надо, иначе от простуды помрёшь. А эта смерть ещё глупее, чем в волчий капкан попасться. Кстати, – он повернулся к трактирщику, – кто у вас тут капканы на волков ставит?

Трактирщик быстро отвернулся, пробормотав что-то вроде «не могу знать». Марвин прищурился.

– Эй, мужик, а что глаза-то прячешь?

Трактирщик побелел и бухнулся на колени.

– Помилуйте... мессер рыцарь... виноват!

«Как просто их прищучить, олухов этих деревенских», – подумал Марвин, а вслух сурово спросил:

– Ты, что ли?

– Сын мой, – трактирщика била дрожь. – Он теперь в город поехал, на ярмарку... Времена сейчас голодные, сэйр Аурид гонцов всё шлёт и шлёт, а нам тоже есть надо...

– Волков едите, что ли?

– Да нет, шкурами промышляем.

– И что, хорошо греет волчья шкура?

– Да не как медвежья, мессер рыцарь, но медведей-то мы – ни-ни, мы знаем, это только господам нашим позволено...

– А волков, значит, можно ловить кому ни попадя, – протянул Марвин. Трактирщик снова затряс лысой головой.

– Помилуйте, мессер рыцарь...

– Шкуры продаёшь или тулупы шьёте?

– Невестка шьёт... Не погубите...

– Ну так дашь один моему стюарду. Он-то как раз и пострадал от капканов ваших. Я ещё и плащ у него отобрал, а одним жиром не согреешься, – сказал Марвин и беззлобно рассмеялся. Трактирщик поднял на него мутный от страха взгляд, увидел улыбку, просиял.

– Ох... конечно, мессер рыцарь! Будет сделано, мессер рыцарь! Ярка!!! – завопил он – так, что мальчишка, присевший на скамью рядом с Марвином, подскочил. – Что вино не тащишь, дура?! Благородные мессеры заждались!

– Теперь-то уж про плату и не заикнётся, – шепнул Марвин мальчишке и заговорщицки подмигнул ему. Тот вспыхнул, потом просиял и усердно закивал. Марвин блаженно вытянул ноги под столом, посмотрел на него: – У знахарки местной был?

– Был.

– Что говорит?

– То же, что и вы, – сказал мальчишка и снова покраснел. – Что в рубашке родился.

– Это точно, – усмехнулся Марвин. – Ну а звать тебя как, непутёвая твоя башка?

– Робинот кличут, мессер. Робин Дальвонт я...

– Из дворян?

– Батюшка мой был сэйром, хоть и безземельным, – ответил Робин, как-то сразу погрузнев.

– Бедность не порок, была бы доблесть, – назидательно произнёс Марвин. Робин тоскливо вздохнул. Да уж, с доблестью у него тоже явно не сложилось, тут не поспоришь...

Подоспело вино, принесённое пунцовой от смятения и страха невесткой трактирщика – как походя отметил Марвин, смазливенькой и весьма пышнотелой девки. Марвин налил себе, потом мальчишке – тот забормотал было, что рано ещё для выпивки, на что Марвин в ответ расхохотался так оглушительно, что из кухни прибежал испуганный хозяин. В конце концов Робин, конечно, выпил, мгновенно опьянев, – оно и не удивительно, вино было дрянное, а от дрянного вина с непривычки всегда развозит, Марвин по себе знал.

Впрочем, спьянев, парень явно осмелел и, подняв на Марвина обожающий взгляд, промямлил:

– Мессер, вы меня давеча стюардом своим назвать изволили...

«А и правда, – вспомнил Марвин, – назвал». Просто сорвалось – он и про себя мальчишку так же называл, пока имя не узнал.

– Так возьмите меня к себе стюардом! – воодушевлённо попросил Робин.

Марвин задумался, разглядывая его одутловатое лицо. Мальчишка, конечно, толстозадый, неуклюжий, неповоротливый – Марвина кто угодно на смех поднимет за такого стюарда. С другой стороны, тут смеяться некому, а парень услужливый, да и благодарен ему за спасение жизни (хотя, усмехнулся про себя Марвин, кто ещё кого спас). А главное – тоже сбежал из плена мессеры Артеньи, что делало его для Марвина едва ли не родной душой.

Мальчишка будто увидел, что он колеблется, и взмолился:

– Возьмите! Тут кругом леса одни, до города Единый знает сколько, самому мне не добраться. А я вам стряпать буду, я умею! У меня рука уже почти и не болит, видите? – он энергично сжал правую руку в кулак, сунув его Марвину едва ли не под нос. Тот, впрочем, не оценил.

– Сын сэйра – и стряпать умеет, – неодобрительно сказал Марвин. – Ты б лучше оружие чистить выучился.

– Я и это умею, – снова залившись краской и растеряв всю смелость, пробормотал мальчик.

Марвин вздохнул.

– Лет тебе сколько?

– Пятнадцать, мессер.

– Сэйром Марвином меня зови, – сказал он и отпил ещё вина. – Ладно, Робин, пока что пойдёшь со мной. Доберёмся до наших – слышал, недалеко они уже, – а там как знаешь.

По лицу Робина скользнула растерянность, потом он неуверенно кивнул. Марвин окинул его скептическим взглядом.

– Хотя ты лучше бы тут остался, право слово. И что ты в городе будешь делать?

– Учиться...

– На кого учиться? Уж не на мастера ли фехтования?

– На герольда...

– На герольда... – повторил Марвин, мрачней. – Что, на турнирах покрасоваться вздумалось?

– Да как уж тут... покрасуешься... – вздохнул Робин.

– Сотню фунтов бы сбросил, да и покрасовался бы. Впрочем, ты прав, оно тебе ни к чему, – резко сказал Марвин и залпом допил вино. Робин снова уткнулся взглядом в пол. Марвин помолчал, слушая, как снег бьётся в окно. Потом спросил:

– Робин, а ты песни какие-нибудь знаешь?

– Ну... что в походе запевали...

– Валяй.

Голос у мальчишки оказался довольно сильный и неожиданно приятный. Марвин откинулся назад, опёрся спиной о стену, прикрыл глаза, отстукивая пальцами такт. «Треклятье Ледоруба, как же я устал. Но ничего. Ещё вот чуток отдохну, наберусь сил, нагоню своих...

И тогда снова повернусь к тебе лицом, Лукас из Джейдри».

Так он думал, а перед закрытыми глазами была усмешка – лёгкая усмешка в зыбких хлопьях снега.

Гнетущую тишину пустого трактирного зала разорвал далёкий женский визг. Лукас, выругавшись, с размаху швырнул только что снятые ножны об стол. Илье подскочил от неожиданности.

– Я же сказал, никого не трогать! – крикнул Лукас – от зычного голоса хлипкие стены деревенского трактира будто дрогнули. Визг стал тише, потом улёгся. Мимо окон таверны, оправляя штаны, протопал понурый наёмник. В сторону Лукаса он не смотрел, но вся его сгорбленная фигура выражала предельное осуждение.

Лукас скрипнул зубами. Он не знал, сколько ещё сможет держать этих отродий в узде, но чувствовал, что их смирение слабнет с каждым днём. А Лукас никогда не отличался полководческими способностями, поэтому не на шутку разозлился, когда его поставили перед фактом: нате вот вам, благородный мессер, три десятка солдатни да сержанта, выводите из окружения, если сможете. Да уж, кто бы мог подумать ещё два дня назад, что из наступательной их кампания превратится в оборонительную. Королевские войска неожиданно получили существенно подкрепление и обрушились на войско герцогини с флангов. Это был удар под дых, и Артенья его не выдержала. Было велено ни под каким видом не ввязываться в бой, а отступать на север, к владениям герцогини – сама она, как и следовало ожидать, драпанула первой и теперь, должно быть, отсиживалась у кого-то из самых южных своих вассалов. Её десяти тысячная армия осталась брошенной на произвол судьбы. Лукас, постольку, поскольку входил в эту армию, – тоже. Чего уж тут, война проиграна, и в других обстоятельствах он бы тихонько удрал туда, где потеплее. Впрочем, в других обстоятельствах он просто не оказался бы в это замешан... Один Единый знал, до чего Лукасу сейчас не хватало Дерека. Взять бы мессера магистра за грудки, прижать к стене да тряхнуть хорошенько, глядя в его бегающие патрицианские глазки. «И как я только в это вляпался?» – мрачно думал Лукас – хотя он-то прекрасно знал, как. В любом случае душевный разговор с мессером магистром приходилось отложить до лучших времён – заодно и требует с него объяснения по поводу письма, которое Лукас получил буквально за несколько часов до приказа об отступлении. Послание лаконичное до предела: «Следуй изначальному уговору. Я ручаюсь. Доверься мне». Без подписи, но почерк Дерека Лукас помнил хорошо. «Доверься, как же... Вот уж чем я никогда не страдал, так это излишней доверчивостью, – подумал Лукас. – И Дерек-то об этом прекрасно осведомлён...»

Но как бы там ни было, он не дал дёру, а даже подчинился приказу, согласно которому ему пришлось возглавить этот отряд и вести его на север. Уходили лесами, чуть ли не звериными тропами. Королевские войска нагоняли быстро, пару раз с трудом удалось избежать стычки, в которой их попросту перебили бы, всех до единого. Забавно, как с годами меняется отношение к некоторым вещам. Двадцать, нет, даже десять лет назад Лукаса бы нисколько не смутила перспектива быть убитым в этом переходе. Он и теперь не боялся умирать – но его злило то, что он так и не понимает, из-за чего ему придётся сложить голову. Прежде – он всегда знал. Деньги, слава, азарт, банальный интерес... Сейчас ничего этого не было – что уж говорить о глупой чести, которая, должно быть, теперь вдохновляла ребят вроде Марвина. «А жаль, что сейчас он не с нами, – подумал Лукас. – Забавно было бы выяснить его мнение по поводу происходящего».

Да уж, Марвина нет, зато есть наёмники, от которых Лукас уже успел натерпеться головной боли. Он был единственным рыцарем среди них, а они уважали его статус, и им по-прежнему исправно платили, но что это за поход, где ни хутора разграбить, ни девок поиметь? Лукас же знал, что, если они сейчас погрузятся в оргии, поднять их с места он уже не сможет. А войска короля давили со всех сторон...

Словом, настроение у Лукаса уже второй день было преотвратное. А тут ещё, как назло, эта деревенька – словно жирная мышка для изголодавшегося кота.

Вздохнув, Лукас сел за стол посреди зала. Обычно он предпочитал угловые столы, но этот почему-то привлёк его внимание. Впрочем, сейчас весь зал был в его распоряжении – крестьяне, едва завидев вломившееся на их землю войско, попрятались по своим хибарам и теперь, должно быть, истово били поклоны Единому, моля о спасении. Если уже закончили прятать добро по закомам, конечно.

– Илье, найди Чейза и приведи ко мне, – сказал Лукас. Оруженосец умчался выполнять приказ – ретивый парнишка, этого не отнять. Лукас снова вздохнул и вытянул ноги под столом. – Эй, хозяин!

Из-за двери выполз лысый, как коленка, и молочно-белый от страха трактирщик. В трясу-щихся руках он сжимал деревянный половник, будто в самом крайнем случае надеялся использовать его для самозащиты. Он вроде бы и рад был окружить гостя всяческой любезностью, но, похоже, язык у него отсох от ужаса. «Треклятье Ледоруба, – подумал Лукас, – стало быть, я и в самом деле отвратно выгляжу». Он непроизвольно пригладил рукой волосы и, постаравшись напустить в голос мёду, сказал:

– Смелей, дражайший. Нам только и надо, что пожрать. Девок и скарб не тронем.

– К-как из-изволите, – заикаясь, ответил тот. – Че-чем можем...

– Приготовь харчи по-быстрому, на тридцать человек, – небрежно сказал Лукас и едва не застонал, когда трактирщик выпустил половник из руки. Деревяшка пугливо стукнулась об пол.

– Не говори, что нечем, – тоскливо попросил Лукас.

– По-помилуйте, мессер рыцарь... Только вчера сэйр Аурид гонцов присылал. Всё забрали, что было...

– Кто это – сэйр Аурид? Хозяин ваш?

– Хозяин...

– А с кем воюет, с королём?

– С королём? Да что вы, мессер рыцарь, как – с королём? С мятежниками...

– А, – сказал Лукас. – Стало быть, Попрошайкины земли...

– Сэйр Лукас! – прогремел от двери бравый сержант Чейз, лихо щёлкнув подкованными каблуками. – Велели явиться?!

– Велел, – повернулся к нему тот. – Иди-ка сюда, любезный, присядь. Илье, – Лукас взглянул на оруженосца, топтавшегося за спиной сержанта, – перекуси тут по-быстрому и бегом по деревне. Если увидишь, что кто-то из бравых ребят нашего доблестного сержанта насилует местных девок – бей клинком по голому заду.

– Единый вас сохрани, мессер рыцарь, – пробормотал трактирщик.

– А ты, друг сердечный, – повернулся к нему Лукас, – заколи последнюю в деревне корову, но накорми моих псов. Иначе они сами себе пищу раздобудут, и тогда уж я вам не защитник. Чейз, что ты стоишь? Сядь, я сказал. Выпьем.

Наёмник уселся напротив него, стянул шапку. Был это вполне импозантный, хотя и очень уж крикливый мужчина с несколько щегольскими повадками, неистово мечтавший о рыцарском титуле и, видимо, воображавший, что подчёркнуто манерное поведение делает его похожим на благородного сэйра. На деле это скорее напоминало повадки стареющего провинциального ловеласа, но зато он из кожи вон лез, стараясь выслужиться, поэтому Лукас быстро нашёл с ним общий язык. Несмотря на дурацкие манеры и привычку напояивать усы, Чейз мог ударом кулака свалить дюжего телёнка, за что пользовался среди подчинённых некоторым авторитетом. Лукас возлагал на него большие надежды.

– Что ж твои парни опять бесчинствуют, а? – сухо спросил он, пока пышногрудая служанка, дрожа, как осиновый лист, накрывала на стол. – Я же ясно сказал: никакого разбоя.

– Не станут более, будьте покойны, – заверил его Чейз. – Это так, только отдельные сорви-головы никак не угомонятся. Всё сетуют, что мы бежим, как крысы, вместо того чтоб драться, а тут ещё этот ваш запрет...

– Драться? – переспросил Лукас. – Что ж, если их воля, будем драться. Сегодня же. Мы сейчас на королевских землях, думаю, в паре миль отсюда стоит полутысячное войско местного землевладельца. Можем и подраться, если у твоих ребят в зад у свербит.

– Королевских? – лицо Чейза вытянулось. – А я думал, мы уже на нашей земле...

– А если думал, что на нашей земле, – чего псов своих *нашу* землю грабить пускаешь?

Чейз стыдливо потупился, будто набедокуривший мальчишка. Лукас смотрел в окно. Снаружи тихо шёл снег.

– Подкрепимся и дальше пойдём. Нельзя тут засиживаться. Неровен час, войска здешнего сэйра снова за припасами нагрянут.

– А Мессера-то, небось, теперь где-нибудь на Запястье сидит, если не на Длани уже, в тепле, громом заливается, – завистливо сказал Чейз.

Мессера... Будь бы тут Ойрек, недосчитался бы сержант пары зубов, но Лукас не был столь щепетилен. За всё время кампании он видел герцогиню лишь один раз, когда она объезжала ряды перед решающей битвой. Прежде, в столице, он видел её довольно часто, но тогда и он, и она были намного моложе, и память о той, какой она была тогда, ещё вынужденная носить платья и шлейфы, почти истёрлась. Впрочем, насколько мог припомнить Лукас, это извечно угрюмое выражение на квадратном лице было у неё всегда. Раньше оно даже больше бросалось в глаза. Лукас вспомнил, как видел её на какой-то церемонии – да, точно, это было как раз в период расцвета его бурной деятельности во благо и славу короны, которую тогда носил Артен Могучий, отец нынешнего задохлика. Тому королю Лукас служил исправно – впрочем, больше через патрицианцев, старательно отстаивавших интересы династии. Да уж, времена меняются. Кто бы мог подумать, что всего через двенадцать лет те же патрицианцы станут стравлять законного монарха с его старшей сестрой, не имеющей права на корону из-за своего пола, столь ей не подходящего... Причём не только по мнению окружающих – говорили, что своему близкому окружению герцогиня велела величать себя в мужском роде, а друзья зовут её не иначе как Артемом. Не исключено, что она правда верит, будто сам Ледоруб в насмешку заточил дух сильного и неистового воина в женское тело. Впрочем, это не мешало ей упражнять и закалять это тело, со временем лишив его даже подобия женского – благо широкие плечи, плоская грудь и узкие бёдра к этому располагали. Лукас припоминал давние разговоры о том, что сам король Артен Могучий любил дочку куда больше, чем сына, и искренне сетовал, что она не может наследовать трон. Наследовать-то не может... а как насчёт отобрать?

Но что-то здесь было не так, что-то не сходилось. Во-первых, святой орден патрицианцев, верховная религиозная власть Хандл-Тера, испокон веков едва ли не равная по силе власти королевской, никогда не признает монарха, взошедшего на престол путём государственного переворота. Это подорвёт сам статус хранителей власти Единого и исполнителей воли Святого Патрица, который, собственно, и держит всю эту кучку шарлатанов у кормушки уже несколько столетий. Более того – они не стали бы даже подбивать узурпатора на подобное, потому что потом не смогли бы признать его восхождение на престол легитимным. Патрицианцы всегда стояли по правую руку от трона – не над ним, но и не в оппозиции к нему. Единственным их орудием борьбы с неудобными законами была ловкая ими манипуляция, и вот тут уж мессеры патрицианцы не знали равных...

Неужели дело в этом? Неужели вся эта заварушка – только для отвода глаз?..

Ведь был ещё один момент, вызывавший сомнения Лукаса в серьёзности этой затеи. Тогда, на вспомнившейся ему церемонии, присутствовал весь двор: король Артен Могучий, его супруга королева Эйрис, вдовствующая королева-мать, из которой уже тогда сыпался песок (и сыпался, надо сказать, ещё лет восемь, пока её, как утверждали злые языки, не отравила юная королева Ольвен), и двое королевских отпрысков – Артен и Артенья. Причём первый, пятнадцатилетний сосунок в соболиной мантии наследника, оглядывался вокруг широко распахнутыми глазами птенца, вывалившегося из гнезда, а его сестра, которой уже тогда перевалило за четверть века, стояла за троном, поразительно нелепая в парадном платье розового атласа... и – глядела в пол. Всегда она глядела в пол – только изредка острый взгляд маленьких и круглых, будто птичьих, глаз с неприязнью падал на брата. На том приёме она как-то оплошала – то ли вино пролила, то ли в шлейфе запуталась, Лукас уже не помнил – и багровела под сдержанными смешками придворных, но всё так же не смела поднять взгляд. Столь неистовая на поле боя, в повседневной жизни она робела перед собственной тенью. Конечно, она презирала своего брата, считала его мямлей и размазнёй, недостойным носить корону. Но сама

она была хоть и отважна, но нерешительна и глупа, и полностью находилась под влиянием своего поразительно пустоголового супруга, хлыща из старшего дворянства. Его заботила только роскошь, он постоянно плёл мелкие интриги, но никогда не додумался бы подбить супругу на мятеж против её венценосного брата. Больше того – ни для кого не было секретом, как он третировал свою робкую угрюмую жену, постоянно принижая её и без того поправное достоинство. Впрочем, не так давно герцогиня овдовела, причём на редкость глупо – говорили, муж её сломал себе шею во время особо прыткой забавы с какой-то шлюхой, но с учётом обстоятельств нельзя было не задуматься, всё ли тут чисто... Потому что теперь герцогиня оказалась свободна, никто не обзывал её толстой никчёмной дурой, и, как верно подметил Дерек, осталось лишь раздуть искру её былой ненависти к брату, который и не думал ждать от сестрицы подвоха, привыкнув считать её безобидной идиоткой...

Она и есть безобидная идиотка, и ей не место на престоле. Патрицианцы всегда предпочитали умных, сильных и честолюбивых королей, которыми сложно манипулировать, но можно договориться. Именно эти короли тысячу лет обеспечивали независимость Хандл-Тера от варваров, время от времени совершающих набеги с северо-западных морей, и этих королей любил и славил народ, вот уже пятьсот лет не поднимавший мятежей. А мятежи – это утомительно, это тянет средства, причём впустую, в отличие от междоусобиц, где можно хорошо заработать, ссужая финансы на ведение войны сразу обоим враждующим сторонам... Словом, не вызывало сомнений, что патрицианцы действуют в первую очередь в своих интересах, но Лукас считал, что к лучшему, когда их интересы совпадают с интересами страны. Сейчас патрицианцы хотят свергнуть Артена-Попрошайку (которого так прозвали за то, что за своё трёхлетнее правление он успел задолжать святому ордену больше, чем его отец и дед, вместе взятые), но Лукас не верил, что они стремятся усадить на его место Мессеру Артеню. Потому-то Дерек и обронил, что *сначала* победит герцогиня – они просто используют её, чтобы очистить трон...

«И меня, – хмуро подумал Лукас, – меня они тоже используют. Не впервой, конечно, но на сей раз я не понимаю – зачем и как, и вот это уже мне совсем не по душе».

– А где это – Джейдри? – спросил Чейз.

Лукас очнулся от задумчивости. Что это на него нашло, в самом деле, не в его привычках размышлять о подобных вещах. Он обладал всем, чем хотел, – остальное его не заботило.

– Что?

– Я недавно видел новейшую карту имений, и вот не помню, где там было Джейдри.

Глаза наёмника азартно поблескивали – то ли успел хлебнуть, пока Лукас думал о сложностях политической ситуации, то ли просто тоже задумался – не иначе мечтал о том, как обзавестись собственным имением, когда им обзаведётся. Странно, а вот Лукас вовсе не жаждал стать рыцарем, просто так вышло... Его и произвели-то едва ли не по пьяни – Лукас помнил, как смеялся разгоряченный вином и битвой сэйр Торренс, его первый сюзерен. Отличный человек: был: и надраться горазд – не поспеть, и в бою хорош, и поговорить с ним было о чём... Лукас его искренне любил и огорчился, когда сэйр Торренс пал в очередной междоусобной битве. Драться под началом этого человека в самом деле было наслаждением и стоило любого риска. Тогда Лукас ещё дрался просто чтобы драться, в точности как Марвин из Фостейна...

– Так где это? – упрямо повторил Чейз. Лукас посмотрел на него с раздражением, уже жалея, что пригласил наёмника разделить трапезу. Но одиночество успело ему надоесть, он и не думал ведь, что мысли о герцогине его так захватят...

– Это на Локте, – сказал он. – В восточной доле.

– На Локте? Но тогда вы должны быть вассалом графа Алектио и биться за короля, – удивился Чейз.

Лукас медленно сосчитал в уме до десяти. Ну не станешь же, право слово, объяснять этому помешанному на титулах дураку, что Джейдри – вовсе не родовой замок. А сам он –

вовсе не Лукас из Джейдри, а всего-навсего Лукас Джейдри, сын лавочника, отроду жившего в маленьком портовом городишке на Локте. И что лишь через много лет после того, как тринадцатилетний Лукас сбежал из этого городишки на торговом корабле и попал на юг материка, после того как он очаровал жену местного губернатора, а потом и самого губернатора, отличился в турнирах, а потом несколько лет подряд постоянно участвовал в многочисленных междоусобицах – лишь после всего этого его произвели в рыцари, и он смог вставить между своим именем и фамилией это возжеленное «из», обозначающее дворянство – тогда как урождённые дворяне, напротив, убирали предлог, когда избегали лишнего официоза. Лукасу же было всё равно, как называться, – ему было даже всё равно, кем быть, он не стремился к рыцарству. Тогда он просто прожигал жизнь и упивался ею – до тех пор, пока не осознал свой поразительный дар убеждения, который вовремя заметили патрицианцы. Он начал использовать этот дар по заказу то мелких дворян, то самой короны, потихоньку сколачивая состояние, потому что платили ему более чем достойно... Сын зажиточного торгаша Лукас Джейдри, ставший нищим сэйром Лукасом из Джейдри, превратился в Лукаса Джейдри, Птицелова. Впрочем, об этом его тайном имени почти никто не знал. Да и давненько Лукасу не приходилось подтверждать своё право так называться.

Но надо же было что-то ответить этому прощелыге, смотревшему на него то ли просительно, то ли подозрительно. Причём, желательно, не вдаваясь в сложные подробности своей запутанной биографии.

– Во-первых, – спокойно начал Лукас, – Джейдри – не родовое поместье, это один из замков, полученных мной вместе с титулом. Мой тогдашний сюзерен сэйр Торренс из Кордена владел почти четвертью всего Локтя. Он умер, не оставив наследников, и его вассалы присягнули его двоюродному брату, сэйру Стивену из Фейреона. Если ты так хорошо осведомлён, может, знаешь, где находится Фейреон?

Наёмник наморщил лоб, будто старательный ученик на уроке.

– На Длани? – с надеждой предположил он.

– Точно, на Длани. Стало быть, Фейреон – вассал герцогини. Ну и я – тоже. Это ответ на твой второй вопрос.

– Вы сказали «во-первых». А что во-вторых?

– А во-вторых, – подавшись вперёд, раздельно проговорил Лукас, – мне нет дела до моих сюзеренов. Я всегда дрался и буду драться только за самого себя.

– Правда? – Чейз пожевал губы, хмыкнул. Уж по крайней мере заливать о долге и чести он точно не станет, хоть на этот счёт Лукас мог быть спокоен. – А что ж вы тогда делаете на этой войне, сэйр Лукас? Убеждения вами не движут, жажда наживы – тоже, я слыхал, как вы чуть не за тысячи пленников выкупаете, а потом отпускаете восвояси...

– Во-первых, – всё тем же тоном повторил Лукас, – не за тысячи, а за пять сотен. Во-вторых, я его не отпускал, он сам сбежал. И в-третьих, мессер наёмник, не кажется ли тебе, что твоё дело – пить дармовое вино, раз уж любезные вассалы его величества Попрошайки угощают?

– Оно правда, – хохотнул Чейз и приложился к кружке.

Лукас удовлетворённо кивнул и тоже решил подкрепиться. Илье всё ещё не прибежал с жалобами на наёмников, стало быть, ведут себя тихо, можно и дух перевести. Хозяйка в самом деле постаралась – стол ломился от грубоватой, но вкусной и питательной сельской пищи. С харчами Лукас никогда не перебирал, хотя в отношении вина был весьма привередлив. А вино тут было гадкое, ну да Единый уж с ним. Всё равно видно – постарались обслужить гостей на славу.

Остаток трапезы прошёл в молчании, Впрочем, вполне благожелательном. Говорить с Чейзом Лукасу было не о чем, просто он не любил подолгу оставаться один. И ему было всё

равно, с кем скрашивать одиночество – хоть с кошкой, хоть с королём. Хоть бы, если уж на то пошло, с этим тщеславным дурнем.

Когда он уже доел и лениво попивал вино, вернулся Илье – раскрасневшийся и встревоженный. Покосился на Чейза, наклонился к Лукасу, зашептал ему на ухо последние новости. Лукас слушал и мрачнел. Дело было дрянь. Ну, хорошо хоть перекусить успел.

– Ну что, хозяин? – громко сказал он. – Нашёл жратву для моих солдат?

Лысый трактирщик снова мелко затрясся.

– Помилуйте, мессер рыцарь... не успел... так скоро...

– А потом небось скажешь, что и нету? Что господа твои весь скот увели, кур перерезали, свеклу повыкапывали? А фасоль, небось, сельские девки извели на гадание? – он говорил с улыбкой, без тени угрозы в голосе, даже не пытаясь нагнать страху, но трактирщик вдруг перестал трястись и приобрёл такой вид, будто сейчас рухнет замертво. – Держу пари, если бы к тебе снова заявили гонцы от королевской армии, ты бы для них телегу провизии вмиг раздобыл. А?

– Никак нет, мессер... не казните...

– Ладно, верю, – вздохнул Лукас. – Попрошайка – он Попрошайка и есть, собственных вассалов оберет до нитки. А всё ж обидно... Обидно, пойми меня верно, что для этого сопливого щенка, сидящего на троне, жратва нашлась, а для сильной и смелой женщины, решившейся его свергнуть, – ну ни хлебной корочки. Обидно. Но ничего не поделаешь.

Лукас встал, кивнул удивленно глядящему на него Чейзу.

– Королевский отряд сюда идёт. Сматываться надо.

– Треклятые Ледоруба! – Чейз шатко вскочил, схватился за перевязь. – Ну хоть Попрошайкиным свиньям ничего здесь не останется.

– Это точно, – сухо усмехнулся Лукас и пошёл к выходу. Трактирщик и его помощница молча глядели им в спины, не веря, что остались живы. Лукас снова усмехнулся, в который раз подивившись людской трусости. Наверняка здоровых мужчин в деревне больше, чем его солдат, и тем не менее они легко позволили себя обобрать... Или не позволили, и трактирщик всё же лгал. У Лукаса не было времени это выяснять.

На деревню спустились сумерки, подсветив редкие снежные хлопья голубоватым. Лукас выдохнул густое облачко клубящегося пара, повёл затёкшими от долгого сидения плечами.

Люди, живущие здесь, оказались глупы, а глупость надо наказывать.

– Илье, подавай коня, – сказал он и, обернувшись к Чейзу, бросил: – Сжечь тут всё.

* * *

Надежда Марвина вскоре нагнать войско сэйра Аурида не оправдалась: в первую очередь из-за того, что им приходилось двигаться пешком. Всех пристойных лошадей из деревеньки увели, а Марвин предпочитал передвигаться на своих двоих, чем на выючной кляче, которую для него раздобыл Робин. Мальчишка, поймав уничтожающий взгляд Марвина, заныл, что и такую кобылу еле нашёл, на что Марвин коротко сказал: «Вот сам на ней и поедешь», и больше они это не обсуждали. Марвин злился, но ничего поделать не мог – пришлось спрятать нетерпение куда подальше и смириться с тем, что в ближайшие два или три дня он в строй не вернётся. От этой мысли тошно становилось уже теперь: к Марвину окончательно вернулись силы, и его снова жгло неуёмной жадой драки. И впервые за прошедшие два месяца это жжение не разъедало его душу, а грело её.

От деревни вела прямая дорога, выводившая на широкий тракт. Расспросив напоследок трактирщика, Марвин выяснил, что замок сэйра Аурида находится в десяти милях к северу, а южнее, в двух днях пути, есть ещё одна деревня, покрупнее. Подумав, Марвин решил двигаться на юг. Утверждению насчёт того, что королевские войска идут на север, он не очень-то поверил:

вряд ли расстановка сил могла измениться так кардинально за те двое суток, что он бродил по лесу. В любом случае, на юге наверняка расположены постоянные гарнизоны, лояльные к королю. Добраться бы до одного из них – а там уж разберёмся.

Марвин опасался, что Робин будет его тяготить и ещё больше замедлять продвижение, но быстро понял, что был несправедлив к толстяку: он оказался довольно проворен и, что важнее, запаслив. Марвин с лёгким сердцем поручил ему сборы в дорогу, и мальчишка затарился по полной. Марвин только покосился на внушительных размеров мешок, который повеселевший парнишка тащил на плече, спросил, не тяжело ли (предвидя, что всё равно выбросит половину по дороге) и, получив отрицательный ответ, успокоил свою совесть окончательно.

До вечера они вышли на проезжий тракт. Дорога шла через лесистую местность, строго на юг, почти не петляя. Осенью, должно быть, качество дороги оставляло желать лучшего, но теперь мороз сковал размытую землю ледяной коркой, и ноги не вязли, подчас – даже скользили, и ступать приходилось осторожно, а это тоже не способствовало скорости передвижения. В итоге заночевать им всё-таки пришлось у обочины. Это могло быть небезопасным, но Марвин рассудил, что, судя по всему, войска герцогини, даже если и ошиваются неподалёку, не пойдут прямым трактом, а вот королевские войска – вполне. Разбойников и мародёров же Марвин не опасался – оружие при нём, а большего и не надо. По правде, он даже рад был размяться – а за неимением противника пришлось обходиться заученными ежедневными упражнениями, которые вошли у него в привычку с тринадцати лет. Он не тренировался как следует с того самого памятного дня битвы на Плешивом поле, и теперь так старательно навёрстывал упущенное, что быстро взмок и сбросил плащ, снова оставшись в одной рубаше. Было морозно, но снег наконец перестал. Разведённый Робинот огонь потрескивал в опустившейся на землю полутьме, и бешено мелькавшее лезвие клинка сверкало алыми сполохами.

Почувствовав, что вымок насквозь, Марвин наконец вернулся в исходную позицию, перевёл дыхание, опустил клинок и, откинув со лба взмокшие пряди, посмотрел на Робина. Тот сидел, обхватив колени руками, и глядел на своего нового господина, разинув рот до пределов возможного.

– Хорошо, что не весна теперь, – сказал Марвин. – Того и гляди тебе какая-нибудь дрянь в рот бы залетела.

Мальчишка с шумом захлопнул рот. Взгляд у него был почти влюблённый.

– Как здорово! – благоговейно прошептал он.

– А вот то, что у тебя каплун горит – совсем не здорово, – заметил Марвин. Мальчишка вскрикнул, засуетился, спасая ужин. Марвин подсел к огню, накинул плащ на сладко побаливающие плечи. Вот что значит – пару дней не разминаться.

– Как вы его!.. здорово!.. – закончив возиться с каплуном, повторил Робин.

– Кого?

– Его, – мальчишка кивнул на покосившийся пенёк, служивший Марвину манекеном. – Насмерть!

Марвин усмехнулся:

– Живой противник не стоял бы... пнём. И дрался бы я с ним иначе.

– Всё равно побии бы!

– Конечно, – улыбнулся тот – его забавляла непосредственность мальчишки, временами совершенно неожиданно сменявшая робость.

– Я бы тоже так хотел, – тоскливо сказал Робин.

– Я говорил уже – сбрось сотню фунтов, и сможешь.

– Не смогу, – помрачнел парнишка. – Я всегда такой был... ну, неуклюжий... как баран. Мне батюшка ещё сказывал.

– Так переубедил бы батюшку. Заодно и цель!

– Батюшка умер, – совсем уже понуро сказал Робин.

Марвин кивнул, с наслаждением впился зубами в хрустящее корочкой заячье мясо, прожевал, потом сказал:

– Бывает. В бою пал?

– Нет, – ответил Робин и замолчал. Марвин видел, что тема эта ему не слишком приятна, и не стал настаивать. Ему вообще не очень хотелось говорить – чуть подустал за день, да и ночь была уж больно хороша. Он представил, как славно сейчас сиделось бы у походного костра среди боевых товарищей, за рьяными обсуждениями дневной битвы, и тоскливо вздохнул.

– В бою пасть – это счастье, – мечтательно произнёс он. – Если и есть смерть лучше иной жизни, то такая.

– Не знаю, – нерешительно отозвался Робин, крутя в толстых пальцах каплунию ножку. – Как по мне, жить хорошо...

– Дурак, – беззлобно сказал Марвин. – Видал вон того лысого, в таверне? Чуть что, перед благородными башкой об пол? Так жить – хорошо?

– Хорошо, – пробурчал Робин, – только б не умирать.

– Ясно теперь, почему ты только сын сэйра, а не сэйр, – сказал Марвин. – Хотя, впрочем, и для сына сэйра твои слова – позор.

Робин вскинулся, поднял на Марвина глаза – неожиданно красивые, большие и карие, такие скорее подошли бы знойной девице, чем неуклюжему толстяку.

– Нам к позору не привыкать, – вполголоса проговорил он и отвёл взгляд.

Марвин задохнулся от возмущения.

– Ну ты даёшь, парень! К позору невозможно привыкнуть. И нельзя этого делать! Когда ты привыкаешь к позору – ты уже и не жив... пусть даже хотя бы как тот трактирщик. Крыса и та – живее.

– А что делать, если выбора нет?

– Выбор всегда есть. Можно умереть, например. Или убить, это намного лучше. Но уж точно не привыкать.

– Вот вам, сэйр Марвин, говорить легко, – помолчав, тихо сказал Робин, и Марвин оторвался от еды, отчего-то неприятно задетый его словами. – Вы такой... ну... сильный, смелый... Вам легко про позор говорить. Вы ж ничего про него не знаете.

Губы Марвина дрогнули – но что ему было на это сказать?

– А не все такие... смелые, – не глядя на него, продолжал Робин. – Вы так хорошо сказали, я точно подзабыл уже... про цель... Но мало одной только цели. Для вас – довольно, а мне мало... Иначе бы я уж давно был таким, как вы. А я трушу.

– Чего трусишь-то? Чего в этой жизни можно бояться, если тебе и позор уже не страшен? – резко спросил Марвин.

– Ну... как вам объяснить? Вот тот трактирщик – он же не знает, что живёт, как... ну, как...

– И куда тебе в герольды с таким красноречием, – покачал головой Марвин. Робин вспыхнул, вскинул голову, и в его лице, к вящему удивлению Марвина, промелькнуло некое подобие оскорблённой гордости.

– Я только сказать хочу, сэйр Марвин, что тот трактирщик и думать не думает о позоре. И вот это – совсем скверно. Когда тебя позорят, а ты ничего сделать не можешь.

«Да уж, тут не возразишь», – подумал Марвин, и будто снова очутился под серым осенним небом Балендора, на ристалище, с пылающим от пощёчин лицом. И словно наяву увидел Лукаса из Джейдри – но не напротив себя, а дальше, в мутном мареве костра, – подпирающего голову рукой и смеющегося непроницаемыми голубыми глазами – смеющегося над ним...

– И ведь хуже всего то, что вам это только кажется.

– Что? – Марвин выпрямился. Аппетит у него совершенно отбило.

– Вам только кажется, что вы ничего не можете поделывать, – со странным упрямством проговорил Робин. Он глядел в огонь, и в свете алых языков пламени глаза его странно, влажно поблескивали. – Вам просто внушили это... навязали... сковали ваш разум, чтоб заставить поверить в неизбежность позора. Нас же двое всего было, в том трактире. Трактирщик мог взять вилы и...

– И на благородного мессера? – зло спросил Марвин. Внешне необоснованная злость в его голосе осталась Робинем незамеченной.

– Да всё равно. Если б правда думал, что нет ничего страшнее позора – всё равно...

Мальчишка смолк, но Марвину уже кусок в горло не лез. Мучительная тревога и жгучий стыд, которые не давали ему спать последние месяцы и от которых он только-только, казалось, избавился, вцепились в него с новой силой. Безумно захотелось убить кого-нибудь – плевать кого, да хоть бы этого тупого толстяка, своими мутными речами снова растравившего ему душу... Но на деле Марвин понимал, что должен благодарить мальчишку – за то, что тот так вовремя напомнил ему о том, о чём он едва не забыл. Поразительно, Марвин и предположить не мог, что у него такая короткая память...

Или просто он в самом деле испугался. Испугался тогда, там... этих глаз... и этой улыбки... того, что эти глаза и эта улыбка могут с ним сделать. Испугался просто до одури, потому что никогда не видел ничего подобного. И просто убить здесь было бы слишком просто... и совершенно неправильно. Нет, за этот страх, за то, что впервые в жизни Марвина заставили его испытать, полагалась совсем другая расплата. И он на целых три дня напрочь забыл об этом! Стоило отогреться да отожраться – и забыл. Как будто вполне смог бы с этим жить...

– Сэйр Марвин, – голос Робина из темноты звучал испуганно, – что с вами?

Марвин поднял на него затуманенный взгляд.

– Ты всё правильно говоришь, парень. Всё правильно. Скажи, что ещё хотел.

– Да ничего, – стушевался мальчишка. – Я, это... я имел в виду...

– А, плевать, что ты имел в виду, – сказал Марвин. – Главное, что ты сказал. Может, из тебя и получится толковый герольд.

Робин вновь покраснел – на сей раз от удовольствия, и пробормотал:

– Благодарю вас, сэйр Марвин, да только я всё равно предпочёл бы быть таким, как вы... Потому что и вы правильно говорили. Про позор... А будь я таким, как вы, то смог бы его смыть... с памяти моего отца.

«Таким, как я, – подумал Марвин. – Нет, парень, такие, как я, намного хуже. Потому что мы способны нести этот позор. И жить обещанием мести... одним обещанием, потому что обещать в таких делах – слаще, чем делать».

Тут он вдруг понял, что сказал Робин, и удивился:

– Твоего отца? А что ты должен сделать, чтобы смыть с него позор?

Робин поднял голову, снова глянул на Марвина влажными карими глазами – в упор – и сказал, ровно, внятно и отчётливо, так, будто прежде говорил эти слова сотни и тысячи раз:

– Убить Птицелова.

Марвин задумался, потом покачал головой.

– Птицелова? Не слышал о таком.

– О нём мало кто слышал. Не считая тех, кого он... ловил. И их семей, конечно. Такое не забывается.

– Ну-ка, рассказывай, – потребовал Марвин, радуясь возможности отвлечься от своих тяжких мыслей.

Робин помялся – видно было, что ему нелегко начать, но Марвин был безжалостен и смотрел ему в лицо не мигая. В конце концов парень сдался. А впрочем, понял Марвин вскоре, наверное, он на самом деле хотел поговорить. Не всякую тяжесть можно носить в себе...

– Мой батюшка... отец... он всё время ссорился со своим двоюродным дядей, сэйром Колином, за земельный удел и замок. Батюшка считал, что этот удел наш по праву, но у сэйра Колина были деньги и связи, и он только смеялся над батюшкой. Ну, батюшка и вступил в войско соседа сэйра Колина, который тогда как раз войну затевал, с тем чтобы потом этот удел получить.

– Отобрать, стало быть.

– Ну, отобрать... А тот сосед, сэйр Имрис, его вроде как полюбил. Забрал и нас с матушкой в замок его, там хорошо было. Вот... А потом сэйр Имрис оказался еретиком. Батюшка этого не знал, ну, узнал только потом, когда этот сэйр Имрис его к себе приблизил. Вот, он был еретик, и у него собирались какие-то люди, делали нечестивые обряды и пытались вызвать Ледоруба...

Марвин ругнулся и осенил себя святым знаменiem. Робин пугливо последовал его примеру.

– Батюшка сперва точно не знал, подозревал только. А когда узнал – не решился оставить сэйра Имриса, потому что к тому времени сэйра Колина уже разгромили, ждать недолго оставалось, и батюшка не хотел лишиться того, что добыл...

– Еретикам, значит, потакал твой батюшка за харчи! – возмутился Марвин.

– Не потакал! – вскинулся Робин. – Он вовсе не потакал, он сам считал эти обряды богомерзкими, но только далеко уже всё зашло, и к тому же сэйр Имрис был как бы батюшкиным сюзереном... А разве можно предавать своего сюзерена?

– Гм, – озадаченно сказал Марвин. – Вообще-то нельзя.

– Вот, и батюшка так же говорил, когда матушка плакала и просила его бросить сэйра Имриса. Но батюшка не послушался, а потом... – Робин набрал воздуха в грудь, глубоко вздохнул. Густой пар из его груди смешался с дымком костра. – Потом всё раскрылось, сэйра Имриса и его друзей-еретиков поубивали, а батюшка бежал...

– Бежал? Оставив жену и ребёнка?

– Я большой уже был! – выпрямился Робин. – Мне уже почти одиннадцать было...

– Да уж, гигант. Ну и?

– Ну и тогда выяснилось, что это были не просто еретики, а какие-то особенно опасные еретики, и святой орден патрицианцев собирал о них всяческие сведения. А мой батюшка оказался единственным выжившим, кто знал, что у них и как, видел обряды, ну и ещё о чём-то там был осведомлён... Вот они и послали за ним Птицелова.

– Что за Птицелов-то? – снова спросил Марвин, которого долгая и путаная преамбула успела утомить.

– Не знаю, – тихо ответил Робин. – Я его и не помню толком. Знаю, что его послали за батюшкой, потому что он непременно был нужен живым, для сведений. Я тогда расспрашивал, кого мог, со мной говорить не хотели, только один святой брат патрицианец сжалился, и сказал, что Птицелова всегда посылают за беглыми, которых непременно живыми вернуть надо, и он приводит... А потом он и отца привёл. Привёл... как на поводке. – Мальчишка сжал зубы, на его заплывших скулах отчётливо проступили желваки. – Я был во дворе и видел. Отец шёл такой потерянный... сгорбленный, будто взгляд со стыда поднять не мог. Сам шёл, впереди коня Птицелова, его никто не заставлял, он даже связан не был. Я его окликнул, он голову поднял, и у него такие глаза были... такие... будто он заплачет сейчас, а я никогда не видел, чтоб он плакал. Только потом, на виселице...

– Его повесили? – спросил Марвин – история наконец начала его интересовать.

Робин с трудом кивнул.

– На следующий день. А перед тем пытали... Он весь в крови был, когда его на помост вывели, и руки у него были переломаны. – Голос мальчишки вдруг стал ровным и почти равнодушным – будто он пересказывал старую, всем известную и никому уже не любопытную басню,

которая его никак не касалась. – И он плакал. Только мне почему-то казалось, что это по-прежнему от стыда. Этот человек... Птицелов... я его только тогда и видел, за день до казни, когда он отца пригнал. Они потом вместе в замок вошли, а как он выходил, я не видал. Только отца видал... И походило на то, словно этот Птицелов что-то ему такое сказал или сделал, что отец всех сил лишился. И пошёл за ним покорно, хотя знал, что его ждёт. Я не верил тогда, что так может быть, отец бы живым не дался. Ему и матушка говорила, чтоб не давался, когда провожала в бега, так и просила: не давайся им, замучат они тебя. И он не дался бы. Никому, кроме... этого. Который пригнал его на муки и позорную смерть.

Робин умолк, и теперь уже Марвин не стал его подстёгивать. Он размышлял об услышанном. Ловко, конечно, придумано – в самом деле, порой просто необходимо взять беглеца живым и невредимым, и это бывает не так-то просто сделать. Марвин прежде не думал об этом, но если бы Лукасу из Джейдри удалось схватить его тем днём, он не позволил бы продолжать измываться над собой. Убил бы или умер сам... а может, то и другое вместе. И надо в самом деле очень постараться, чтобы так подчинить себе волю другого человека. Должно быть, это страшное умение.

– И теперь ты хочешь убить Птицелова?

Робин опал, словно сдувшийся воздушный шарик, каменное выражение исчезло с его лица, и оно снова стало вялым и несчастным.

– Хотел бы, – жалобно сказал он. – Но разве я смогу? Я его даже в лицо не помню. И голоса не слышал, ну, совсем ничего не помню. Хотя, наверное, узнал бы, если бы увидел. Почувствовал бы. Но и тогда – что? Я же рохля...

– Это точно, – сказал Марвин. – Ну и что тебе, рохле, славно жить с отцовским позором?

– Не славно... Только что делать-то?

– Вот именно – делать. А не языком чесать, – сказал Марвин и, резко взмахнув плащом, расстелил его у огня. В пламя метнулась пелена снежной пыли. – Спать давай, с рассветом дальше пойдём.

– Вы спите, а я покараулю.

– Покараулит он, – фыркнул Марвин. – Тебя прирежут – ты и вякнуть не успеешь. Но воля твоя, сиди.

– Спасибо вам, – тихо сказал Робин.

– Тебе спасибо, – помолчав, ответил тот. Мальчишка хоть и сопляк, но... было в его словах нечто, от чего глухая тоска Марвина обернулась спокойной и здоровой яростью. И это уж было куда как лучше.

– Робин, – вполголоса сказал он. Грузная, тёмная в полумраке фигура развернулась к нему. Марвин закрыл глаза. – Если на моём пути встретится Птицелов, я убью его. За тебя.

Он не мог видеть, но знал, что мальчишка просиял – почувствовал, словно вокруг стало чуточку теплее.

– Благодарю вас, мессер, – пробормотал он, но Марвин не ответил ему, потому что спал.

Ночь прошла тихо, а с рассветом они двинулись дальше. Марвин по-прежнему шёл впереди, но теперь временами оборачивался, проверяя, не сильно ли отстал его стюард. Про себя он всё чаще называл Робина именно так, и даже подумывал, а не оставить ли его и впрямь при себе. Ну и что, что засмеют – пусть попробуют. В конце концов, сколько есть стройных и ладных парней, которые по башковитости Робину и в подмётки не годятся. Ну а чтобы харч запастись да сапоги с хозяина снимать, особой прыти не надо. К тому времени, когда вдалеке показались первые дома деревни, Марвин окончательно укрепился в этом решении, но Робину пока ничего не говорил – вот дойдут, там и обрадуется. Что мальчишка будет счастлив, он ни минуты не сомневался.

Дорога шла чуть вверх, а потом к низине, и потому Марвин сперва услышал звон подков о лёд, а потом увидел перевалившего через пригорок всадника – с виду рыцаря, в полном

облачении. Он вроде бы не очень торопился, и Марвин окликнул его. Рыцарь соизволил остановиться, видно, также признав в Марвине благородного мессера, и весьма любезно поздоровался. Они представились друг другу, выразили заверения в общей преданности его величеству королю Артену, и Марвин сказал:

– Мессер, скажите, там и впрямь деревня вдалеке?

– Деревня, – кивнул тот. – Названия только не упомяну.

– Единый с названием, меня интересует, далеко ли от неё королевские войска?

– Отнюдь. Прямо там сейчас расквартирован полк сэйра Пэриса из Лолларда. Мы шли в обход и теперь собираем силы для решающего рывка на север.

– На север? – переспросил Марвин. – Неужто впрямь наступаем на Мессеру?

– Больше того – гоним, как кабаниху, – довольно сообщил рыцарь. – А вы, мессер, чаете присоединиться?

– Да не то слово! – горячо сказал Марвин. – Как вам, нужны ещё лишние мечи?

– Не бывает лишних мечей, – улыбнулся рыцарь. – А если вы не шпион, мессер, вам будут рады вдвойне.

– Обнадёживает, – хохотнул Марвин. – Не смею более задерживать.

– И я вас.

Рыцарь продолжил свой путь, а Марвин с улыбкой повернулся к Робину.

– Ну, слышал радостную весть? Дошли!.. Эй, парень, что с тобой?

Робин стоял у обочины, нелепо и беспомощно растопырив руки, и мешок с пожитками валялся у его ног. Лицо мальчишки побелело и пошло бурными пятнами, глаза округлились, а нижняя челюсть тряслась так, что было слышно, как зубы постукивают друг о друга. Волчий тулуп, который ему отдал трактирщик из лесной деревеньки, сполз с плеча, но Робин этого даже не заметил.

– Да что такое?! Привидение увидел, что ли?

– Сэйр... Марвин... – еле шевеля языком, сказал мальчишка. – Я... простите великодушно... но дальше я... сам...

– Что значит – сам? Куда – сам?

– Туда, – неопределённо ответил Робин. – Сам... Тут ведь тракт уже... люди... я и сам доберусь...

– Постой! – Марвин схватил его за плечо, и дернувшийся было парнишка застыл, глядя в его лицо застывшими от страха глазами. – Ты же вроде хотел со мной пойти, стюардом? Ну так вот: я согласен тебя оставить. Буду с собой всюду возить, а захочешь – учить стану. Вот доберёмся сейчас до войск сэйра Пэриса и...

– Нет! – взвизгнул Робин и отскочил. Марвин так изумился, что выпустил его и только смотрел, как мальчишка пятится по заледенелой дороге. Сейчас он походил на огромного варёного рака, толстые щёки тряслись, и Марвину вдруг показалось, что это совсем не тот мальчик, который прошлой ночью ровно и равнодушно рассказывал ему о глубоко похороненном в сердце позоре.

«А ведь и в самом деле, житья мне не дадут за такого стюарда», – подумал Марвин и холодно спросил:

– Как ты смеешь говорить мне «нет»?

Мальчишка задрожал, но, кажется, страх и так был слишком велик, чтобы нотки угрозы в голосе Марвина могли его усилить.

– Нельзя мне туда! – в отчаянии выкрикнул он.

– Куда нельзя? Почему?

– К сэйру Пэрису! Вздёрнет он меня!

Марвин смотрел на него, всё ещё не понимая.

– Как вздёрнет? За что? Ты что, на ножах с ним? Не позволю я ему вздёрнуть моего стюарда, можешь быть спокоен. Ни у кого нет такого права.

– Он... ему... – Робин облизнул пересохшие губы. – Вообще-то это он мой хозяин. Я ему присягал... и...

Марвин молча смотрел на него. Робин затараторил – быстро, сбивчиво, умоляюще:

– Он же зверь, сэйр Марвин, ну просто зверь дикий! Нас так мало было, а он нас против Мессеры гнал, одного на пятерых, и всех гнал, всех, и меня даже! Я ему говорил, что не умею, убьют меня сразу, а он бил меня и всё равно гнал, а я во время боя по оврагам прятался... Мне так страшно было, ну, не мог я там больше оставаться!

– Ты дезертир? – тихо спросил Марвин.

Лицо Робина скривилось, он с шумом втянул носом воздух, будто собираясь разреветься.

– Ты не из плена сбежал, – сказал Марвин. – Ты дезертир.

– Я не мог там больше, сэйр Марвин. Не мог, ну, я просто боялся! Сэйр Марвин, не выдавайте меня! Ведь он меня повесит!

Марвин молча шагнул к нему, поднял с земли брошенный мешок. Он был ещё довольно тяжёл – в деревеньке они запаслись неплохо. Робин продолжал канючить:

– Не выдавайте, пожалуйста...

Марвин, не отвечая, снял с мешка верёвку, которой тот был затянут. Коротковата, ну да ладно.

– Сэйр Марвин... не выдавайте... прошу!

Марвин одним движением скрутил на конце верёвки петлю и, прежде чем Робин успел шевельнуться, накинул её ему на шею.

Мальчишка вскрикнул, вцепился пальцами в удавку, изумлённо тараща на Марвина глаза. Марвин затянул петлю сильнее, отвернулся и, не оборачиваясь, поволок мальчишку к обочине. Тот прошёл несколько шагов, а потом всё понял и забился, хрипя и в ужасе мотая головой. Марвин, не обращая на его сопротивление внимания, подтащил мальчишку к ближайшему дереву и захлестнул свободный конец верёвки на суку. Было тяжело, мальчишка весил как боров, и, с силой натягивая верёвку, Марвин втянул воздух грудью. В тот миг, когда дрыгающиеся ноги Робина Дальвонта оторвались от земли, у Марвина оборвалось дыхание, но он сумел закрепить конец верёвки на нижней ветке. Потом отступил, глядя на тучное тело, извивающееся в полуфуте над заснеженной землёй и тщетно пытающееся дотянуться до неё носками.

В голове у Марвина была пустота. Чёрная, мёртвая пустота. И посреди неё – только одна мысль.

– Ты дезертир, – в третий раз повторил Марвин из Фостейна, глядя на бьющегося в агонии мальчишку. – Ты предал своего сюзерена, своего короля, ты трусливо бежал с поля боя. Ты дезертир. Дезертиров вешают.

Он хотел добавить ещё что-то и осёкся, не находя слов. Но ведь *было* что-то ещё – какой-то слабый, бледный лучик в затопившем его мозг чёрном облаке правил, единственных, которые он знал и признавал, которым не мог противиться. Или мог?..

Блеск наконечника копья в блеклом солнечном свете...

Марвин содрогнулся, будто его пронзило это копьё, его, а не Лукаса из Джейдри. «То, что я сделал тогда, – то, о чём не думал, что не мог сделать иначе, потому что не умею, не умею, не умею проигрывать, – то, что я сделал, заслуживало смерти... или прилюдных пощёчин... или всё-таки лучше смерти?»

Да, заслуживало – и это тоже было правильно, и мозг трёх тысяч людей в тот миг тоже заполняла эта чёрная густая тьма безоговорочного «*достоин смерти*», но их остановило что-то... кто-то... Кто-то, для кого не существует этих правил, кто оставил ему жизнь... хотя он должен был умереть за своё предательство, так же, как сейчас Робин Дальвонт умирает за своё.

Было тихо, только в небе каркало вороньё – то ли к новому снегопаду, то ли чуя свежую пищу. Тучное тело неподвижно свисало с ветки раскидистого клёна, волчий тулуп свалился с него и лежал на снегу, будто мёртвый зверь. Руки повисли вдоль тела; от бесполезных усилий ослабить петлю рукава на них сбились к локтям, и Марвин увидел на правой руке своего стюарда белую повязку, чистую, без единой капли крови. Как хорошо у него закрылась рана. Воистину, родился в рубашке...

Марвин моргнул, чувствуя подступающий к горлу ком, и в этот миг бледный лучик, бывший в чёрном облаке, наконец прорвался в его сознание и превратился в слова – глупые, смешные и бесполезные.

– Мне очень жаль, – прошептал Марвин, тронув Робина за пальцы правой руки и, развернувшись, пошёл к деревне. Прежде, чем перейти через перевал, он дважды останавливался, но так ни разу и не обернулся.

– Два часа, – сказал Лукас. – Я даю вам два часа и не минутой больше.

Он был в ярости, но не показывал этого. Ярость – простое чувство, совсем простое, обычное, можно сказать, повседневное, а такие чувства скрывать легче всего. Просто со временем привыкаешь.

– Будет сделано, сэйр Лукас. Но вы бы, что ли, выпили с нами...

– Какое, на хрен, «выпили»? – очень спокойно сказал Лукас. – Ты оглох, мессер наёмник? Или я неясно выразился?

– Э-э, – Чейз быстро моргнул. – Простите? Вы сказали, у ребят есть два часа, чтобы подкрепиться...

– Подкрепиться. А не надираться. Увижу, что кто-то пьёт – убью на месте. Собственно-ручно.

Во взгляде Чейза читалось возмущение, но он смолчал. «Единый, – подумал Лукас, – как же мне повезло, что он помешан на рыцарстве. Другой бы на его месте меня уже к Ледорубу послал. Но и этот не станет терпеть долго... Его ребята уже и так на меня волками смотрят». А что делать? Они не могли задерживаться: регулярно рассылаемые Лукасом разведчики приносили в последние дни только плохие новости. Королевские войска давили со всех сторон, их становилось всё больше, причём среди них оказалось очень много наёмников. Похоже, его величество Артен-Попрошайка наклянчил где-то солидные средства. Вот только где?.. Неужели его обеспечил орден? Но зачем, ведь Лукас уже не сомневался, что они затеяли всю эту заварушку, чтобы освободить престол. Хотя оставался открытым вопрос, для кого, но у Лукаса теперь было по горло других забот. Враги пёрли со всех сторон, тесня герцогиню всё дальше на север и вырезая всех, кого успевали нагнать. Мессера была разгромлена – и, что удивительнее всего, она бежала. Этого Лукас тоже не понимал. Он неплохо разбирался в людях – ну, это уж очень скромничая можно было сказать, что неплохо – и был уверен, что герцогиня скорее развернулась бы к врагу лицом и приняла бой, в котором погибли бы все, включая её саму, но не стала бы бежать. Что же её заставило? Страха она не знала, а доводов разума признавать не хотела...

«В точности как эти оборванцы», – думал Лукас, поглядывая на хмурые небритые физиономии своих наёмников. Войска короля, несмотря на численность, двигались на удивление быстро, не позволяя беглецам подолгу засиживаться на месте. В последние три дня они вообще неслись по заснеженным холмам как зайцы, и Лукаса это злило. Не необходимость бежать – он бежал в своей жизни не раз, и пока что об этом не жалел. Но он всё больше чувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он мог держать в узде Чейза, он мог бы держать в узде каждого наёмника по отдельности, если бы у него было время на разъяснительные беседы, – но все вместе они были ему неподвластны. Он всегда был мастером индивидуального подхода...

но, что тут греха таить, полководец из него аховый. Дереку ещё придётся ответить за эту подставу. И не только за неё.

Сегодня утром Лукас понял, что ещё немного – и его порвут на части. Очередная захудалая деревенька подвернулась очень кстати, и Лукас чуть приспустил поводок. В конце концов, парням в самом деле надо было пожрать. Но не пить, потому что где вино – там девки, а где девки – там снова вино, и так они не поднимутся до вечера, а вечером их вполне могут нагнать войска короля... Треклятые Ледоруба, быстрее бы добраться до Уоттерино, первого более-менее защищённого города на Запьястье, объявленного точкой сбора. Там он сбросит этот груз с плеч и... и посмотрим, что потом. У Лукаса было несколько вариантов, и он ещё не определился с самым привлекательным, но эта война для него точно закончена.

Оставив наёмников в деревенском трактире на попечение и совесть Чейза, Лукас вернулся во двор и вскочил в седло. Ему не хотелось ни есть, ни отдыхать, ни видеть мятые рожи своих солдат. Илье он велел остаться с ними и приглядывать, а сам шагом пустил коня вдоль единственной деревенской улицы. Селение, как и следовало ожидать, при их появлении будто вымерло: дворы пустуют, ставни в домах закрыты наглухо. Посреди дороги валялось брошенное коромысло с вёдрами, вода из них вытекла и залила часть дороги катком. Где-то жалобно мычала неподоенная корова.

Дорога, пробегая сквозь деревеньку, уходила дальше в лес, извиваясь меж голых деревьев. Лукас подъехал к самой кромке леса, остановил коня, огляделся, вслушиваясь в напряжённую тишину. Он чувствовал что-то – сам не знал, что, но подобные предчувствия никогда ничем хорошим не оборачивались. Он был уверен, что два часа у них точно есть, но от леса исходило молчаливое и тяжкое ощущение угрозы, затаившейся совсем близко. Лошади передалось напряжение всадника, она фыркнула, мотнула головой, нерешительно переступая ногами. Лукас отрешённо похлопал её по морде, продолжая оглядываться – и тут увидел в стороне на снегу что-то красное.

Спешившись, Лукас пересёк границу леса. Так и есть, кровь. Точнее, кровавые следы, но не человечески – какого-то зверя, мелкого или просто ещё маленького. Похоже на волчьи, только странно что-то... будто у этого зверя не четыре, а только три лапы. И вдоль вереницы следов – широкая колея, выжженная в снегу горячей кровью, лившейся ручьём. Вереница тянулась извилисто, уводя в лес. Нужно было, наверное, пойти вперёд, но Лукас пошёл в обратном направлении, чувствуя, как напряжение растёт с каждым шагом.

Следы тянулись на удивление далеко – он шёл несколько минут, прежде чем увидел капкан. Странно, что его поставили так близко от дороги – впрочем, здешние леса славились серо-чёрными волками, шерсть которых была тепла и дешева и весьма ценилась среди простолюдинов, а зная не брезговала использовать её на шатры и палатки. Этот капкан стоял здесь недавно и уже успел поживиться: намертво стиснутые зубья были залиты тёмной кровью, среди которой белела обломанной костью волчья лапа. Вернее, лапка – это и правда был волчонок, совсем маленький ещё. Что не помешало ему отгрызть себе лапу и обрести свободу. Правда, вместе со смертью, но когда это останавливало юных волчат?

Лукас развернулся и быстро пошёл по следу обратно. Волчонок, похоже, не полз от ловушки, а весьма бодро бежал – но вскоре перешёл на шаг, а потом и вовсе еле плёлся: это было видно по уменьшившимся промежуткам между следами. Волчонок хотел уйти в чащу, наверное, в родное логово, и ему удалось преодолеть довольно большой промежуток пути – во всяком случае, Лукас зашёл в глубь леса достаточно, чтобы не видеть дороги и не слышать доносящихся от деревни звуков. Потом след оборвался, осталась одна лишь алая полоса, широкая и совсем короткая, и в её конце, завалившись на бок и свесив из пасти язык, лежал волчонок.

Лукас подошёл и присел возле него. Он был размером со щенка волкодава, чёрный, со сваливающейся комьями шерстью. Передняя левая лапа была отхвачена почти до плеча, кровь из

неё била сильными толчками, и её уже натекла целая лужа, в которой, дрожа, и лежал несчастный зверёк. Почувяв человека, он вскинул залитую пеной морду и зарычал, обнажив жёлтые зубы. Лукас снял перчатку, осторожно тронул горячий бок волчонка ладонью. Несколько мгновений волчонок не двигался, глядя на него безумным оранжевым глазом, а потом, яростно взвизгнув, рванулся всем телом, и Лукас едва успел вскочить, когда на том месте, где мгновением раньше была его рука, клацнули маленькие, но уже смертельно острые зубы.

«Маленький и глупый», – подумал Лукас, по-прежнему глядя на него. Волчонок положил голову на землю, глухо рыча, и сквозь рык прорывалось тонкое высокое повизгивание. И больно ведь, и страшно, а не дастся... А впрочем, и дался бы – что проку? Вряд ли ему можно помочь – слишком много крови потерял. Да и на что Лукасу хромой волк? Можно было бы, конечно, взять его с собой и назвать Марвином, выходить, приручить... Но Лукас никогда не отличался излишней сентиментальностью. К тому же зачем ему этот волчонок, когда у него и так уже есть один?

Так что он сделал единственное, что мог сделать, – вынул меч и одним ударом добил несчастную тварь. Волчонок не успел даже пискнуть – удар пришёлся на шею, а бил Лукас без промаха. Тот, другой волчонок тоже должен был уже это уразуметь.

Бросив на зверька последний взгляд, Лукас собирался вернуться к дороге, когда впереди с дерева шумно сорвалась стая ворон. Лукас проводил птиц взглядом. Потом посмотрел по сторонам. Несколько мгновений вглядывался в застывшую, но отнюдь не безмятежную сеть зимнего леса, потом закрыл глаза, отрешившись от всего, кроме звуков. И тогда, среди хруста опадающих веток и стука беличьих лапок по древесному стволу, среди вороньего крика и далёкого волчьего воя услышал...

Срываясь с места, Лукас снова скользнул взглядом по волчонку и подумал: я убил тебя, а ты, кажется, меня спас... Интересно, означает ли это хоть что-нибудь? Впрочем, в знамения он никогда не верил. Он верил только в разум и в силы своего тела. От последнего сейчас, похоже, придётся потребовать невозможного.

Он выскочил из леса, взлетел на коня и через минуту ворвался в трактир, столкнувшись в дверях с Ильё.

– Сэйр Лукас, я вас искал! Они...

Не теряя времени, Лукас оттолкнул его и шагнул в зал. И уже через мгновение проклял всё – Дерека, подбившего его на эту авантюру, Марвина, благодаря которому он подбился так охотно, герцогиню, драпанувшую в свои леса и бросившую их на растерзанье своему братцу... Но в первую очередь, конечно, этого засранца Чейза. Лукас знал, что на него нельзя положиться, но кто мог подумать, что всё это закончится настолько хреново...

– Чейз!

Он не кричал, но что-то в его голосе вынудило сержанта наёмников выронить кружку, расплескав вино по подолу сидящей на его коленях девки, и, стряхнув сами девку, вскочить. Лукас взглянул на него в упор, и сержант побелел, только багровели поперёк худого лица торчащие усы.

– Что вы делаете? – спросил Лукас – так, словно не видел. Никто из рассеявшихся по всему залу и уже изрядно пьяных наёмников, тискавших бледных и таких же пьяных девок, ему не ответил. Лукас снова обвёл зал взглядом, но не стал повторять вопрос.

Чейз прокашлялся и виновато выдавил:

– Я подумал, за два часа ребята и потешиться успеют, и не надерутся особо...

– Какого беса! – выкрикнул кто-то. – Если мессер рыцарь может по две недели не трахаться, это не значит, что и мы тоже евнухи!

Лукас обнажил меч, ещё пахнувший кровью волчонка, шагнул вперёд и одним ударом снёс голову говорившего с плеч.

Солдаты, ругаясь, повскакивали. Кто-то рванул из ножен оружие. Лукас опустил меч, но с места не двинулся. Он не смог бы убить их всех, хоть они и были пьяны. Впрочем, он и не собирался. Они уже и так покойники.

– Меньше чем в миле отсюда отряд короля, – сказал он. – Заходит с северо-востока. У нас пять минут, чтобы убраться.

– Как с северо-востока? – пробормотал Чейз. – Там же наши...

– Значит, уже не наши. Вам, мессеры наёмники, наконец представится возможность подраться, как вы и хотели. Хоть кто-нибудь из вас к этому готов?

Солдаты, нерешительно переглядываясь, что-то заворчали, выходя из-за лавок. Деревенские девушки сидели по углам скамей неподвижно, как статуи. Одна из них, самая молоденькая, рыжеволосая, глядела прямо на Лукаса огромными неподвижными глазами. Её сорочка была расшнурована, наружу торчали маленькие крепкие груди с тёмными сосками. Она даже не пыталась прикрыться. Треклятое отродье Ледоруба, неужели во всей деревне не нашлось никого, кто осмелился бы защитить этих женщин? А мессеры освободители, как всегда, приходят слишком поздно. И тоже не упустят своего.

– Командуй, сержант, – вполголоса проговорил Лукас.

– На выход! Живо! – заорал Чейз. Наёмники нестройной гурьбой потолклись на улицу. Они были пьяны, но ещё не слишком, да и порядком протрезвели от страха. «Бес с ними, – подумал Лукас, глядя, как они бегут к лошадям, – может, и успеем...»

Они не успели. Уходить надо было через южную часть леса, хоть это и противоречило направлению их движения – приходилось делать изрядный крюк, но выбора не оставалось. Они ещё не успели углубиться в лес, когда на другом конце просёлочной дороги показались солдаты короля. Пешие, но их было много. К тому же, как тут же понял Лукас, конными по лесу не уйти.

– Спешиться! – закричал он. – Разойтись по лесу! Уходить по одному!

Отчаянно, но это хоть какой-то шанс – для некоторых из них, тех, кто твёрже других держался на ногах и лучше владел мечом. Почти сразу Лукас услышал крики, среди которых прорвалось несколько предсмертных. В крике, раздавшемся совсем рядом, он узнал голос Чейза. Тот пытался как-то организовать своих людей, видимо, проигнорировав приказ Лукаса. «Ледоруб меня заberi, никудышный я всё-таки полководец», – подумал он, кривя губы в неживой улыбке и продираясь сквозь заросли валежника. Позади гремела сталь, и лес наполнился воплями умирающих, но Лукас не оборачивался. Он не сомневался, что королевские солдаты перережут всех, до кого дотянутся. И не собирался позволить им дотянуться до себя.

А всё же не будь они пьяны, будь он чуть умнее и не оставь их без присмотра, может, и ушли бы...

Он стиснул зубы и, запретив себе думать об этом, рубанул по очередному кусту.

– Сэйр Лукас!

Он круто развернулся – и в глазах немедля зарябило от десятков чёрных и красных пятен, двигавшихся сквозь лес – на него.

– Илье! Проклятье, я же сказал, по одному!

Оруженосец пробирался к нему сквозь бурелом, проворно, как заяц, и с таким же взглядом, как бывает у затравленного зайца. Свой меч он где-то потерял и, кажется, ничего не воображал от ужаса.

– Сэйр Лукас! Они повсюду!

– Вижу, – бросил Лукас, поудобнее перехватывая меч. Солдаты подобрались совсем близко, уйти уже не удастся. Когда Илье поравнялся с ним, Лукас схватил его за загривок и одним движением швырнул наземь. Оруженосец охнул и покатился с откоса вниз. Как раз в этом месте в земле проходила ложбина, по дну которой журчал ручей. Можно сбить след... если успеешь уйти, не привлекая внимания.

Среди деревьев продолжали мелькать фигуры, некоторые падали – дело было почти кончено. Лукас упёрся ногой в выступавшую из земли корягу и ждал. Он насчитал девять человек, двигавшихся прямо на него; остальные то ли не торопились, то ли заканчивали расправу ближе к кромке леса. Ладно... эта ложбинка очень даже кстати тут попалась. Они её не видят, так что парочке из них он заготовит неприятный сюрприз.

Королевский солдат, шедший первым, прикончил последнего наёмника, находившегося между ним и Лукасом, и вскинул голову. Несмотря на всю паршивость положения, Лукас почувствовал, что расплывается в улыбке. Не горькой – скорее восхищённой. Что за мальчишка! Нет, ну право слово, надо в самом деле обладать бешеным темпераментом, чтобы после всех недавних приключений сохранить такой блеск в глазах. «Или ты, как всякий волчонок, расцветаешь, когда убиваешь? Как это похоже на таких, как мы... Держу пари, я сейчас тоже не выгляжу зажатым в угол цыплёнком. Да и не чувствую себя таковым».

– Какая встреча! – протянул Лукас, пригласительно шевельнув клинком. – Впрочем, простите, учитывая расстановку сил, сию банальность полагалось бы произнести вам.

Марвин остановился в нескольких шагах от него. Он смотрел жёстко, исподлобья, без злорадства, но и без удивления. Интересно, подумал Лукас, он знал, что я здесь? Хотя откуда...

– Вижу, вы воссоединились с товарищами по оружию, мессер. Что ж, мои поздравления. Я, признаться, беспокоился, как вы доберётесь до своих – в одной рубашке-то на снегу. Ну, что вы так на меня смотрите? Не верю, что вы не рады нашей встрече, вернее, её обстоятельствам...

Марвин продолжал молча смотреть на него. Он уже не напоминал общипанного воробья, как тогда в лагере, но и до самоуверенного петушка, окидывавшего презрительным взглядом ристалище Балендора, ему было ох как далеко. Взгляд серо-зелёных глаз стал твёрже, из него исчезла неистовость, но осталась решимость. Неужели правда чему-то успел научиться? Это была бы такая приятная неожиданность...

Остальные солдаты поравнялись с ними. Подходя, они стискивали вокруг Лукаса полукруг, а за спиной у него был овраг. «Проклятье, – думал Лукас, глядя в непроницаемое лицо Марвина, – неужели мне правда придётся тебя убить?» – Он вдруг понял, что не хочет этого делать – отчаянно не хочет. Было рано, слишком рано. Или... может, поздно уже? И хотел бы он знать, что кроется за этой непроницаемостью. Сомнительно, что за две недели мальчишка настолько овладел выражением своих чувств...

– Ну что, сэйр Марвин из Фостейна? – проговорил Лукас, не меняя позиции. – Настал ваш час? Здесь десяток свидетелей, столько же, сколько было в нашем лагере. Используйте свой шанс.

Марвин медленно покачал головой – и Лукас мгновенно понял, что это не было ответом на его слова, скорее, внутренним подтверждением принятого решения. Словно в эту минуту он обдумывал что-то, и тут же возражал сам себе.

Марвин выпрямился, опустил меч, предостерегающе поднял руку. Солдаты взглянули на него с удивлением.

– Оставьте этого человека, – сказал Марвин. Его голос звучал низко и хриловато. И из глаз ушёл блеск. Этот счастливый охотничий блеск зверёныша, добравшегося до свежей крови. Как будто зверёнышу тут поживиться нечем.

Солдаты переглянулись, но спорить не стали.

– Всех добили? – не оборачиваясь, спросил Марвин.

– Вроде бы всех, мессер.

– Прочешите тут ещё всё на полмили. Кого найдёте – убить.

Солдаты разбрелись, некоторые из них оглядывались, другие – нет. Лукас снова перевёл взгляд на застывшее лицо Марвина.

– Так, значит, всё-таки маловато свидетелей? – приподняв бровь, усмехнулся он. – Ваше тщеславие меня умиляет.

– Три тысячи, – сказал Марвин.

– Простите? – вежливо переспросил Лукас, прекрасно понимая, о чём он говорит.

– Три тысячи. В... – как же трудно ему даётся это слово. – ...Балендоре. Три тысячи, мессер, и не меньше, будет наблюдать, как вы заплатите... за всё.

– А вы безжалостный человек! – ужаснулся Лукас. – Всерьёз хотите, чтоб я умер от старости?! Да, жестокая месть... Ведь нынче нечасто собирают турниры, война, знаете ли. Но если передумаете и обойдётесь меньшим числом – дайте мне знать.

Он вогнал меч в ножны, развернулся к Марвину спиной, легко соскочил в овраг и заскользил по откосу вниз. Удара в спину он не опасался – как известно, сэйр Щенок из Балендора бьёт в спину лишь при условии наличия многотысячной толпы наблюдателей. Ну и когда чувствует себя побеждённым. А сейчас он думает, будто победил.

И, что самое смешное, он почти прав. Если говорить о раунде. Но в масштабе войны – это чудовищное, сокрушительное поражение Марвина из Фостейна. Глупый мальчишка решил, что не место и не время для сведения счетов. Воображает, что дал себе отсрочку. Он не ждал этой встречи – теперь Лукас в этом не сомневался – и опешил, поняв, что не может придумать достойной мести. Унижать он не умеет... хотя это тоже дело наживное. Впрочем, вполне возможно, он придумает кое-что посерьёзнее.

«Но только, – мысленно сказал ему Лукас, – нельзя отпускать врага, чтобы выиграть время для себя. Врага можно отпустить, лишь если ты сознательно хочешь дать ему фору, – впрочем, это значит, что слаб твой враг, а не ты, и тебе неинтересно сражаться с детёнышем, а не со зверем. Ты не подумал об этом, Марвин из Фостейна, и отпустил меня в тот первый и последний раз, когда и правда мог одолеть – пусть численным превосходством, но какое это имеет значение? Уж кто-кто, а я бы точно не стал являться тебе призраком в кошмарных снах и упрекать в бесчестии. Нет уж, я скорее заявлюсь к тебе живёхонек и упрекну совсем в другом... В глупости, например. Потому что ты увидел волка, попавшего в капкан, – и выпустил его, вместо того чтобы добить».

И очень скоро придётся тебе понять, какую жестокую ошибку ты совершил».

Нога Лукаса соскользнула с сорвавшейся ветки, нырнула по щиколотку в ледяной ручей. Лукас выругался и, перейдя на твёрдую почву, зашагал вдоль ручья. Пройдя полторы сотни шагов, он увидел на склоне сжавшуюся фигурку Илье. Тот узнал хозяина и засиял от счастья.

– Сэйр Лукас, вы живы!

– Куда я денусь, – вздохнул тот. – Давай выбираться отсюда. Не знаю, как тебе, а мне до смерти надоела эта война.

Глава 4.

Мир

– Сэйр Дуглас из Боллеро, преклоните колена!

И дважды – удар глашатайской трости о каменный пол, почти без паузы, так, что два звука сливались в один, протяжный и гулкий. В общей торжественной тишине парадного зала, битком набитого людьми, эти звуки, как и грудной голос глашатая, отражались особенно громко. У Марвина раскалывалась голова.

Сэйр Дуглас из Боллеро преклонил колена. Снова двойной удар трости об пол. Потом голос короля – тонкий и слабенький после всего этого громохання:

– Сэйр Дуглас из Боллеро, за особые заслуги в борьбе с мятежниками жалуюм вас земельным наделом Таннетри, что в северной доле Плеча, и замком Таннетри со всеми его людьми и угодами.

– Жизнь за его величество! – рявкнул сэйр Дуглас из Боллеро, видимо весьма довольный наградой, дождался очередного двойного удара, встал и вернулся в толпу придворных. Пауза длилась не более нескольких секунд, потом виски Марвина снова взорвались болью от отдающего в них монотонного звука: ба-бам! – словно молотом по голове.

– Сэйр Годвин из Хоггарда!

«Уже сэйр Годвин, – с некоторым облегчением подумал Марвин, – значит, скоро и я». Впрочем, на деле ничего обнадеживающего в этом не было: облагодетельствованные монархом вассалы всё равно оставались в зале до конца церемонии, которая длилась уже третий час и заканчиваться не собиралась. У его величества Артена Благоразумного оказалась целая прорва преданнейших вассалов, чьи подвиги просто нельзя было не оценить по достоинству, а также вассалов мятежных, которых следовало строго покарать, раздав их владения тем, кто сохранил верность королю. Марвин, впрочем, предпочёл бы, чтобы ему вручили награду безо всякой помпы, а могли и вовсе не вручать – на беса ему сдался ещё один замок, в который он, скорее всего, даже никогда не поедет. Гораздо большей милостью он счёл бы позволение удалиться восвояси и надраться хорошенько, а потом потискать какую-нибудь красотку – и спать сутки напролёт. Они вернулись из кампании только вчера и ещё толком не праздновали победу. Впрочем, что тут праздновать, когда победой это на деле вовсе не было...

Марвин прослушал, что подарили его сюзерену, но, видимо, тот рассчитывал на большее – во всяком случае, особо ошастливленным не казался. «Вот наглец, – подумал Марвин, – спасибо бы сказал, что в петле ещё не болтается за старые грехи». Впрочем, и самому Марвину следовало сказать спасибо за то же самое. К счастью, король не отличался злопамятностью. В отличие от его супруги...

Снова эти два удара кузнечным молотом по башке: бам, бам.

– Сэйр Дориан из Виллероно!

– Марвин? Ты, что ли?

Марвин обернулся на радостный полушёпот за миг до того, как крепкая рука сжала его локоть, и увидел над своим плечом приветливо улыбающуюся конопатую физиономию.

– Не признал? Я Петер! Петер из Локрида.

Теперь Марвин в самом деле его узнал. Ну да, Петер из Локрида. Они были вместе в начале войны с Мессерой, и в утро битвы на Плешивом поле этот Петер, помнится, одёргивал дурака, который лез Марвину в душу... за что Марвин пощекотал его горло своим клинком, но тогда он был слегка не в себе. Или не слегка. В любом случае Петер, кажется, не держал на него зла, и это не могло не радовать. Как и радовать, впрочем.

– А я думал, тебя убили на Плешивом, – сказал Петер, протискиваясь сквозь плотно сбитую толпу. Они стояли в задних рядах, здесь можно было говорить вполголоса, не рискуя помешать церемонии, но на них всё равно стали недовольно коситься. Оно и понятно: многие благородные мессеры ещё только ожидали вызова, а большая часть из них не знала, выкрикнет ли грудной голос глашатай их имена, и жадно ловила каждое слово. Марвину тоже стоило быть начеку, чтобы не пропустить свой выход, но сейчас он был рад отвлечься – уж больно надоело стоять среди дурно пахнувшей пёстрой толпы придворных.

– Не убили. Я в плену был, – ответил Марвин, глядя на рыцаря, принимавшего награду. Рыцарь был толстый, как сельская корова, ещё и в парадных доспехах, и Марвин задумался, сможет ли он подняться без посторонней помощи.

– У Мессеры? – присвистнул Петер. На него зашикали. – Сбежал?

– Как видишь. Проклятье, когда же отсюда можно будет убраться...

– Ты чего понурый такой? Победе не рад?

– Да какая это победа... Мессера-то драпанула в свои снега, и только. Это всё равно что крысу обратно в нору загнать, а потом божиться, что всех грызунов в доме извели.

– Сэйр Марвин из Фостейна! – громыхнул глашатай.

– Пойду я, – бросил Марвин и стал проталкиваться к центру зала. Делом это оказалось нелёгким: по дороге он отдал ноги множеству благородных мессеров и перепачкал подола множеству благородных месстрес, и ещё наступил на какое-то мелкое животное, вроде болонку, а может, кошку, – по звуку, который это существо издало, нельзя было точно определить. Хозяйка зверюшки возмущённо заверещала, но Марвин избежал расправы, благо как раз в этот момент выбрался из потной толпы и предстал пред ясны очи королевской фамилии.

Члены этой фамилии не особо изменились с тех пор, как он видел их в последний раз, в распроклятом Балендоре. Только король казался ещё более рассеянным, а королева откровенно скучала. Впрочем, при виде Марвина на капризном личике её величества появилось подобие интереса. Присутствовала и ещё одна особа королевской семьи – холёный долговязый мужчина с лошадиными чертами лица и внимательными агатовыми глазами. Марвин не знал, кто он, но, судя по тому, что сидел он по правую руку от короля и выглядел довольно самоуверенно, это явно был принц крови.

– Сэйр Марвин из Фостейна, жалуем вам... – устало начал король и запнулся. Сидевший на нижней ступени помоста секретарь что-то быстро ему шепнул. Король вздохнул и послушно повторил: – Жалуем вам замок Шепперд на западной доле Предплечья, что в соседстве с округом Балендор.

Мать твою наперекосяк, в ярости подумал Марвин, ты нарочно, что ли?!

– Благодарствую, ваше величество, – ответил он. Глашатай резко повернул к нему голову, нахмурился – вассалу полагалось молчать, завершая церемонию награждения ритуальным повторением присяги, и только. Любая отсебятина нарушала этикет. Марвину, впрочем, было не до этикета.

Королева Ольвен изогнула тщательно нарисованную бровку и изрекла:

– Мне чудится в вашем голосе недовольство, благородный мессер?

Толпа придворных заметно оживилась. Ещё бы, церемониал нарушился впервые за последние три часа, за время которых большинство присутствующих успели пересчитать всех придворных мух, а те, кто не умели считать более чем до десяти, – проклясть всё на свете. К тому же впервые с самого начала церемонии заговорила королева, а это не предвещало ничего хорошего для того, с кем она заговорила, зато остальным сулило развлечение.

– Именно что чудится, ваше величество, – сказал Марвин, и, судя по тому, что глаза у короля полезли на лоб, прозвучало это отнюдь не смиренно. Но Марвину было плевать, уж очень он разозлился. Теперь, глядя на ехидную улыбочку королевы, он не сомневался, что это

она позаботилась, дабы его одали замком в пяти милях от места, где он был так опозорен. Значит, не забыла. «Надо же, – подумал Марвин, – неужто я ей в душу запал?»

– Замок Шепперд – прелестное место, я гостила там прошлым летом, – звонко сказала Ольвен, не сводя с него хитрых зелёных глаз. – Увы, владеющий им рыцарь предал нас, встав на сторону бесчестной сестры его величества. Мы рассудили, что сим замечательным имением должен владеть достойный сэйр.

– Я польщён тем, что ваше величество сочло меня вполне достойным, – сухо сказал Марвин.

Придворные, судя по всему, были в шоке. Марвин же оказался при дворе впервые, хотя уже начал понимать, что здесь не принято говорить то, что думаешь. Впрочем, обычное дело для любого двора, не только королевского.

– Моё величество не сочло, – слегка прищурилась королева. – Моё величество полагает, что вам самое место на виселице, за то, как вы показали себя в Балендоре.

Марвин окаменел, но мгновением позже понял, что ничего особенного не произошло – зал не притих, по толпе не прошёлся ропот. «Ну я и дурак, – подумал Марвин. – Большинство из них понятия не имеет, что там произошло. Не весь же двор ездит за королём во все его вояжи, в самом деле. Спокойно, Марвин, дыши глубже. Если тебя сейчас кто и опозорит, то только ты сам. Так что ладно, месстрес Ольвен, попробуем вас переиграть, коль уж вам угодно позабавиться».

– Я смею надеяться, раз моя королева помнит о нашей встрече в указанном месте, она не запамтовала и подробности, – спокойно сказал он. – В частности, я тогда привёл вескую причину, по которой не мог жениться на месстрес Бьянке из Кудиона, и моя королева признала её законность.

«И попробуй только скажи, что ты имела в виду не это, а то, что случилось на турнире, и я вытрясу из тебя твою венценосную душонку», – мысленно добавил он. Но королева лишь улыбнулась – и подыграла ему:

– Да, признала, потому что, сэйр Марвин, вы загнали меня в угол! Никому прежде это не удавалось. Вообразите, мессеры, – мне нечего было возразить этому юному наглецу! Хотя сердце моё осталось возмущено, долг велел отпустить его с миром. Я до сих пор на вас за это обижена, мессер.

– Я готов сложить голову, чтобы загладить свою вину, моя королева, – покорно сказал Марвин, поняв, что если не сменить тон, всё это может закончиться не лучшим образом. Королева сверкнула глазами, требуя продолжать игру, но тут Марвина выручил король:

– Милочка, полагаю, сэйр Марвин искупил перед вами любую свою вину, сражаясь с Артеней, – нетерпеливо сказал он. – Правда ли, мессер, что вы возглавляли взятие Уоттерино?

– Не возглавлял, – опустил голову Марвин, – но старался ни с кем не делить право убивать врагов его величества.

– Какой очаровательный молодой человек, – подал голос мужчина, сидящий по правую руку от короля, и при звуке его вкрадчивого, мягкого голоса Марвин вскинулся. – То дерзит так, будто на плаху просится, то притворяется скромником. Но, сир, вам не кажется, что церемония затянулась? Мы так до вечера не закончим.

– Это точно, – буркнул король, протирая шелковым платком вспотевшую шею: в этой части зала жарко полыхали факелы, тогда как у входа дуло, а от каменных стен, для которых пожалели тепла и света, тянуло холодом. – Сэйр Марвин из Фостейна, берите свой замок и уберите к бесам.

– Жизнь за *их* величества! – звонко сказал Марвин. Глашатай яростно задвигал усами: наглый мальчишка и в этом умудрился нарушить этикет. Ольвен довольно прикрыла глаза. Марвин поднялся с колен и пошёл на своё место. Толпа перед ним схлынула, давая дорогу.

Петер встретил его широкой улыбкой, отчасти восхищённой, отчасти недоверчивой.

– Ты и впрямь не в своём уме, – шепнул он, когда толпа вокруг сомкнулась и о Марвине забыли, хотя стоявшие по соседству придворные продолжали на него коситься. Марвин понял, что это его бесит.

– Пошли отсюда? – предложил он.

– Ты что?! – опешил Петер. – Этикет...

– К Ледорубу этикет, – сказал Марвин и, схватив его за руку, поволок к выходу. Петер до того оторопел, что даже не противился. На удивление, их никто не остановил, и они выскользнули из зала незамеченными.

Когда они оказались за дверями, в тускло освещённом коридоре, Петер выдохнул:

– Бесы б тебя разодрали, Марвин из Фостейна, ты доиграешься когда-нибудь!

– Все мы рано или поздно доиграемся. Пойдем выпьем?

– Ледоруб с тобой, чего уж теперь, пошли.

Королевский замок в Таймене, столице Хандл-Тера, был огромен, неуютен и неуклюж, зато в нём было легко затеряться. Петер хотел зайти в один из обеденных залов, где пировали не допущенные к церемонии мелкие дворяне, но Марвин потащил его напрямик на кухню. Он проторчал в толпе и духоте три часа с лишним, и теперь ему хотелось более интимной обстановки. С кухни они вернулись гружённые вином и закуской и расположились в маленькой галерее между коридорами, где никто не ходил и горел один-единственный факел.

– Сыро тут, – хмыкнул Петер.

– Сейчас согреемся, – пообещал Марвин, откупоривая бутылки. После маленькой перепалки с Ольвен настроение у него слегка улучшилось, впрочем, ему всё равно хотелось отсюда убраться, а поскольку это было невозможно, пока здесь оставался его сюзерен, Марвин без предисловий перешёл к делу.

– Чтоб везло! – заявил он, чокаясь откупоренной бутылкой с бутылкой Петера.

– Чтоб везло как тебе, бесову отродью! – восхищённо ответил Петер и, когда они выпили, сказал: – Проклятье, одному тебе такое может сойти с рук!

– А что я такого сделал? – пожал плечами Марвин.

– Да нельзя так разговаривать с королём!

– А я не с королём разговаривал. С королевой.

– Это всё равно. Здесь так не принято.

– Ну так чего меня не арестовали?

– Вот и я тем же вопросом задаюсь. Думаю, запала на тебя Ольвен. В ближайшие ночи жди приключений. Хотя она и убийц к тебе может подослать, с неё станется.

– Пусть подсылает, – улыбнулся Марвин. – Хоть будет кому рожу начистить.

– Слушай, чего ты злишься-то так? Из-за... этого замка?

Марвин бросил на него быстрый взгляд. Петер вроде парень ничего, не дурак, не трус и не хам, и вроде не в обиде на него за давешнюю вспыльчивость... А главное, похоже, и не думает презирать его, несмотря на то, что был тем днём в Балендоре.

– Нет, отчего же, – мрачно сказал Марвин. – Теперь, при здравом размышлении, я даже рад. Приеду в этот бесов Шепперд и сожгу его дотла. Чтоб камня на камне не осталось.

– Марвин... могу я тебе что-то сказать без риска, что ты вцепишься мне в глотку?

«А может, он на меня и в обиде», – хмуро подумал Марвин, но вслух сказал:

– Валяй.

– Ты придаёшь слишком много значения... тому инциденту. Я не говорю, что о нём все забыли – но кто о нём знал? Тогда в Балендоре было в лучшем случае полсотни знатных рыцарей, остальные – шваль да чернь. Какое тебе до них дело...

– Мне есть до них дело, – резко сказал Марвин. – Когда наблюдают за... подобным, нет разницы, кто именно наблюдает. Каждая пара глаз – что взгляд Ледоруба.

Он умолк, чувствуя, что сказал лишнее, и злясь на себя за это. Петер это почувствовал и сконфуженно промолчал. Марвин приложился к бутылке и пил, пока хватало дыхания.

– Как бы там ни было, после твоей сегодняшней выходки весь двор будет перемывать тебе кости, – неестественно весело сказал Петер, прерывая затянувшееся молчание. – Теперь те, кому ты не кажешься мужланом, твёрдо принимают тебя за психа.

– Думаешь, меня это смущает?

– Нет, я думаю, ты бы не дерзил, если бы не видел, что королеве нравится твоя дерзость.

– А она ей нравится? – деланно изумился Марвин.

Петер внимательно на него посмотрел.

– Эй, парень, ты что, всерьёз решил забраться в постель к её величеству?

– Да нет, с чего бы... – сказал Марвин, хлебнул ещё вина и, подумав, добавил: – Хотя, ты знаешь, пожалуй, решил.

Петер покачал головой.

– Слушай, я тут наслушался всякого...

– Какая часть из этого правда?

– Даже если самая малая – будь поосторожнее. Да, не спорю, ты Ольвен приглянулся, иначе она бы казнила тебя ещё в Балендоре. Но Единый тебя сохрани переходить ей дорожку. Это не та женщина, которой можно попользоваться и забыть. Если что-то ей не понравится, она тебя со свету сживёт.

– Пусть сживает, – пожал плечами Марвин. – На этом свете нет ничего такого, чем бы стоило дорожить.

– Какой ты, однако, пессимист. А как же твоя невеста? Если она и правда существует.

– Существует, – ответил Марвин и снова помрачнел. Он редко думал о Гвеннет из Стойнби, и каждый раз эти мысли отдавались в нём смесью раздражения и чувства вины. – Но это поводом больше искать смерти.

– Что, неужто так страшна?

– Да нет, вполне недурна собой. Хотя я её не видел уже года три. Но подростком была ничего.

– Так что, стервозна?

– Скорее наоборот, – хмыкнул Марвин. – Предвосхищая твой вопрос: и род пристойный, и приданое за ней дают, и девственница. Вроде бы.

– Баловень судьбы, – вздохнул Петер. – А я и на войну-то сбежал от женитьбы на одной каракатице...

– И долго будешь бегать?

– Пока не поймают.

– Выпьем, чтоб не поймали, – предложил Марвин, и Петер с энтузиазмом поддержал тост. Вино согрело кровь, и было вполне уютно. Марвину даже не хотелось отсюда уходить.

– А кто это был рядом с королём? Ну, долговязый такой, с лошадиной физиономией? – вдруг вспомнив, спросил он.

– Это граф Алектио, королевский кузен.

– Владелец Локтя?

– Он самый. Это он прислал подмогу и отбросил Мессеру на север.

– А раньше он где был?

– На Локте, где ж ему быть ещё, – хохотнул Петер. – Вообще-то тут все считали, что у него ни гроша за душой – ну, оно и понятно, что с этого Локтя выдоишь, там же пустыри одни да скалы, почва – как камень. Но, видать, водились деньжата. А может, у патрицианцев одолжил, а королю они больше давать не хотят, пока старого не вернёт. Да какая разница...

– Никакой, – согласился Марвин, и они снова выпили.

– Ты где остановился? – спросил Петер.

- Да здесь же, в замке. Я с сюзереном приехал, а он прямо тут расквартирован.
- А я в городе. Постоялый двор «У косого мошенника».
- Хозяин косой?
- Нет, но, без сомнения, мошенник.
- Здорово, – вздохнул Марвин. – Весело там у вас, наверное...
- Пошли?
- Пошли.

В столице Марвин был впервые, так что экскурсия по значным местечкам Старой Таймены, организованная Петером, его впечатлила. Впрочем, может, дело в том, что Петер отлично ориентировался на любой местности, это Марвин помнил ещё по недолгому времени совместного участия в войне. Сам Марвин мигом бы заблудился в бесконечных лабиринтах узеньких кособоких улиц, спланированных, кажется, в умат пьяным зодчим и возведённых не менее пьяными строителями. Улочки эти были не мощены, а поскольку Таймена находилась в средней доле Предплечья, да ещё и в низине, снег здесь быстро сходил, и ноги вязли в грязи, заменявшей дорогу. К тому же было темно, сам Ледоруб ноги пообломает, но Марвину всё равно здесь понравилось. Побывав на виду у сотни праздно любопытствующих придворных, он был рад окунуться в грязный мрак трущоб, где никому не было до него дела, только до его кошелька и меча – в том числе и того, что у него меж ног. Они много пили, пели, смеялись, красивые шлюхи с подведёнными сажей глазами хватали Марвина за руки и целовали его разгорячённое лицо. Марвину нечасто приходилось участвовать в оргиях – там, где он вырос, подобное времяпрепровождение было не в чести, а благородные месстрес и сельские девки, которых он затягивал на сеновал, при всей своей искущённости становились очень стыдливы, если он предлагал позвать к ним кого-нибудь ещё. Уроженец столицы, Петер стыдливостью не отличался, и это тоже было хорошо. На эту ночь Марвин забыл обо всём – о Балендоре, о королеве, о Лукасе из Джейдри, о том, что все вели себя так, будто война закончилась, хотя она и не думала заканчиваться. Но это тоже было хорошо, потому что означало, что скоро будет драка, а Марвину сейчас не хватало только драки, хорошей, яростной, чтоб жар в теле, гул в ушах и чужая кровь на лице, и ни одной мысли в голове, ни одной...

Петер уговаривал его заночевать здесь же, в крайнем случае – добраться до постоянного двора, которым заправлял косой мошенник, но Марвин был не настолько пьян, чтоб согласиться – в отличие от Петера, который ещё до ночи лыка не вязал. Нет уж, останешься тут – а утром проснёшься голый и без оружия, хорошо, если хоть живой. Чаровницы весёлого квартала были, бесспорно, умелы, вот только глаза у них нехорошо блестели и ручонки были вороватые, а за дверями наверняка поджидали, поигрывая кинжалами, их сутенёры. Так что Марвин нашёл силы выползти из-под груды роскошных девиц, расцеловал на прощанье тех, что подвернулись под руку, и шатко побрёл обратно в замок.

Ушли они пешком, добираться назад приходилось так же. Марвин хотел остановить извозчика, но, как на зло, ни одного было не видать. Он бродил по округе не меньше получаса, прежде чем понял, что понятия не имеет, как добраться до замка. Это было скверно, но что делать – оставалось бродить дальше, держа ухо востро. Ночные шорохи, вскрики, стоны из окружающих домов и переулков сплетались в единый гул, перебиваемый далёким голосом ночного обходчика: спите, горожане, всё спокойно в Таймене... Вот только кричал обходчик где-то ближе к центру города, где шастали патрули, а здесь шастал один Марвин, не считая пьяниц и ночных воришек.

Когда из-за угла вынырнула карета, Марвин остановился от неожиданности. Поравнявшись с ним, кучер остановил коней, дверца распахнулась, и приглушённый женский голос проговорил:

- Забирайтесь скорее, мессер!

На улице было зябко и сыро, дороги к замку Марвин не знал, к тому же он был пьян, поэтому воспользовался предложением с нескрываемой охотой. Дверца захлопнулась за ним. Шторы в карете были задёрнуты, внутри оказалось темно, тепло и мягко, и всяко уютнее, чем снаружи.

– Как вы вовремя, месстрес, – пробормотал Марвин, пытаясь разглядеть сидевшую в карете женщину. Отблеск наружного факела высветлил её лицо, и Марвин увидел, что оно скрыто маскарадной полумаской. Проклятье, это ещё что такое?

– Повернитесь, мессер, – сказала женщина. Марвин отрешённо выполнил приказ, пытаясь понять, где слышал этот голос – и вспомнил в тот самый миг, когда на его глаза легла мягкая плотная ткань.

– Бьянка! Ты?!

– Тс-с, – сказала девушка и довольно рассмеялась. Будь Марвин менее пьян, он бы удержал сокрушённый вздох, а так – не удержал. Впрочем, в трезвом состоянии он бы точно в эти игры играть не стал. И почему бабы их так любят? Ну разве можно поверить всерьёз хоть на минуту, что мужчина способен переспать с женщиной и не узнать её? Что именно к этому всё идёт, он понял сразу. И слегка обеспокоился – уж очень его заездили девицы из весёлого квартала, – но, подумав, решил, что на разок-другой его вполне хватит, тем более что им ещё ехать...

– Тс-с так тс-с, – покорно сказал он и развалился на подушках, не пытаясь сдвинуть повязку. Ткань оказалась плотной и туго обхватывала голову, но, впрочем, вряд ли бы Марвин и без неё смог разглядеть, куда его везут – за окнами было темно, да он и не беса не разбирал в старом городе. Бьянка молчала, хотя он мог поклясться, что маленькая мерзавка ухмыляется. В общем-то Марвин не был удивлён, что она в столице – королева ведь обещала забрать девчонку с собой, – и подобные забавы тоже вполне в её духе. Странно только, что она вздумала от него таиться под маской – неужели думала, что останется неузнанной? Да нет, вряд ли, скорее – это тоже часть их глупой игры.

Дороги в столице, как Марвин уже подметил, были ни к бесу, и карету порядочно трясло на ухабах. Марвина довольно скоро замутило, и он в очередной раз понял, что не зря презирает этот вид транспорта. Трястись на колдобинах пьяным и вовсе не было никакого удовольствия, и Марвин вскоре сполз по ковру вниз, пытаясь принять более удобное положение.

– Долго ещё? – наконец взмолился он, побаиваясь испортить всё приключение наглядной демонстрацией рябчиков, которых ел два часа назад.

– Нет, уже приехали. Молчите, – сказала Бьянка, и карета тут же остановилась. Осчастливленный Марвин вслепую нащупал ручку на двери, толкнул её и едва не вывалился из кареты.

– Мессер, осторожнее! Что вы делаете?!

Морозный воздух ударил в лицо, тошнота отпустила. Марвин глубоко вздохнул, опёрся на любезно подставленное ему плечо месстрес Бьянки. О да, то самое остренькое маленькое плечико, он его хорошо помнил – у Бьянки была такая забавная костлявенькая фигурка, и при этом дивной формы груди...

– Идите за мной, мессер, и помните: если вы снимите повязку, всё закончится, – зловеще сказала она.

– А в замок ты меня потом отвезёшь? – прагматично поинтересовался Марвин – это его сейчас больше всего волновало.

– Молчите!

Он послушно умолк.

Под ногами оказалось твёрдо – улица, похоже, была вымощена досками. Они прошли с десяток шагов, Бьянка сказала: «Ступеньки», потом Марвин услышал, как она стучит в дверь – затейливой дробью, явно сигнальной. После недолгой тишины дверь отворилась, и они вошли

внутри – там было тепло и пахло каким-то сильным цветочным ароматом, сладким, но не приторным. Бьянка снова сказала: «Ступеньки»; Марвин шёл за ней, как слепец за поводырём, и забавлялся от души. На последнем пролёте нарочно споткнулся и прижался лицом к её шее. Бьянка зашипела и с силой оттолкнула его маленькой холодной ладошкой.

– Прекратите, вы пьяны! От вас вином несёт!

– Так что же, я тебе не навязывался, – примирительно сказал Марвин, и она стукнула его по губам. Вот нахалка; Марвин не завидовал её мужу, если королева уже успела ей такового подыскать, как обещала. «А ведь меня хотели на ней женить», – в ужасе подумал он, но не успел сполна проникнуться этой мыслью, поскольку что-то вокруг изменилось: и воздух, и запах. Плечо Бьянки исчезло, он услышал, как она вышла, и в нерешительности остановился, пытаясь понять, что делать дальше. Долго гадать не пришлось – его тут же подхватили под руки с двух сторон и повели вперёд. Под ногами было что-то мягкое, с длинным ворсом – ковёр, а может, шкура. «А у меня, – виновато подумал Марвин, – такие грязные сапоги – ровно по навозу ступал. – Будто прочитав его мысли, его усадили в кресло и избавили от не приличествующей обстановке обуви. – Какая прелесть! Может, и штаны с меня сами стянут?»

– Будьте благоразумны, мессер, – раздалось над ним грудное женское контральто. Марвин невольно содрогнулся: если это и есть дама, приказавшая его похитить, то её габариты должны быть более чем внушительны. – Не трогайте повязку, не шевелитесь, молчите. И не смейте перечить великой месстрес Любви.

«Ещё бы я посмел», – скептически подумал Марвин, впрочем всё ещё обеспокоенный своим последним предположением, однако не сопротивлялся, когда нежные тонкие руки (две пары рук, если быть точным) сняли с него жилет и рубашку – спасибо, штаны всё-таки оставили, впрочем, он бы и не позволил непонятно кому раздевать себя догола. Потом его снова подняли и подтолкнули вперёд, и тогда на пояс ему легли руки, по одному прикосновению которых он понял – это она.

Одна из женщин запела – тихонько, протяжно. Поваяло сильным запахом благовоний – наверняка с примесью афродизиака, а может, они просто решили перебить винный дух, которым несло от Марвина. Лёгкие руки с тонкими пальцами осторожно скользили по его телу, а их обладательница упорно молчала, хотя её служанка с пугающим контральто продолжала нести какую-то настроенческую ахиною о месстрес Любви и её верных слугах. Марвин не обращал на это внимания, вслушиваясь в дыхание женщины, ладони которой гладили его грудь; потом осторожно накрыл её плечи руками. А плечи-то голые, да и вся месстрес, похоже, готова перейти к основной части вечера – как он выяснил мгновение спустя, быстро проведя руками по её голой груди: небольшой, удобно лежащейся в ладонь.

– ...ибо месстрес Любовь требует от вас большего, отдайтесь же во власть её, – тоном преподобного брата на еженедельном богослужении пробубнило контральто, и Марвин сказал:

– Вот ещё чего не хватало. Где это видано, чтобы мужчина отдавался женщине во власть?

И, крепко обхватив стоявшую перед ним женщину за талию, сорвал с глаз повязку.

Здесь было темнее, чем он ожидал – горело всего две свечи по разные концы небольшой комнаты, и Марвин даже не мог разглядеть её толком, да он и не особо пытался. Только заметил, что лицо перед ним в густом, дымном от курений полумраке было неестественно белым, – и через мгновение понял, что это маска. Женщина поймала замешательство на его лице и рассмеялась – легко, серебристо. Она не пыталась вырваться – напротив, прижалась крепче к его голой груди своей голой грудью, и Марвин видел, как блестят её глаза сквозь прорези белой маски во всё лицо – единственного, что на ней было. Смешная, и тут продолжает дурачиться, прекрасно понимая, что он всё равно узнал её по волосам, голосу, телу. Но что же, раз ей так нравится – пусть.

– Я знала, что вы это сделаете, мессер, – всё ещё смеясь, сказала она. – Вы так любите срывать с себя знаки расположения ваших дам!

– Повязка на глаза – знак расположения? – хмыкнул Марвин.

– А вы сомневаетесь?

Он подхватил её под бёдра и, рывком подняв в воздух, притянул к себе, а потом долго и жёстко целовал, наслаждаясь её бесстыжей отзывчивостью.

– Не любите играть по правилам, да? – укоризненно сказала она, когда он прервался, чтобы набрать воздуха.

– Когда по ним не получается выиграть – ненавижу, – ответил Марвин и опрокинул её на постель.

Она сначала смеялась, потом умолкла, потом стонала, и Марвину не нужно было снимать с неё маску, чтобы видеть, как меняется её лицо. У таких, как королева Ольвен, это всегда происходит совершенно одинаково.

– Ещё только минуточку, мессер, самое большее – четверть часа...

– Да не торопись, – сказал Лукас, блаженно растягиваясь в кресле. – Лучше принеси мне ещё этого... как его... всё время забываю...

– Кофе? – услужливо подсказал Дорот.

– Точно, – вздохнул Лукас.

Он уже выпил три чашки, пока ростовщик возился у себя в каморке, и мог бы выпить ещё столько же. У густого чёрного напитка был очень странный вкус, резкий и горький, но приятный. Лукас влюбился в него с первого глотка, и долго не верил, что в нём нет ни капли спирта. Дорот рассказывал, что этот напиток делают из особых зёрен, которые привозят из дальних южных земель – по восемь сотен за унцию, доверительно поведал он. Врал, конечно, но даже если он увеличил реальную цену вдвое, кофе всё равно был дороже самого лучшего вина. Потому его не подавали в трактирах, да и при дворе тоже вряд ли – этот напиток появился совсем недавно, к тому же Лукас сомневался, что на свете много извращенцев вроде него, согласных бесконечно заливаться горечью. Но почему-то именно здесь, в сверкающей золотом, поблескивающей лаком и переливающейся атласом лавке ростовщика Дорота эта горечь казалась уместной – может, оттого, что уравнивала кичливую роскошь помещения. Как и большинство ростовщиков, Дорот не имел вкуса, и вычурность его приёмных апартаментов могла впечатлить только таких же провинциалов, как он сам, всю жизнь носа не совавших за стены своего весёлого южного городка. Лукас любил Турон, здесь было хорошо проводить зимы – снег в приморском городе на юге Хандл-Тера никогда не лежал подолгу, а жаркий темперамент южных женщин согревал в самые холодные ночи лучше любого камина. А ещё туронские ростовщики славились бульдожьей хваткой и редкой расторопностью в том, что касалось денежных средств. Конечно, и надуть старались при любой возможности, но за всё надо платить.

Дорот вернулся, с низким поклоном поставил на резной столик у дивана поднос с остроносым кувшинчиком и дымящейся чашкой. Он всегда обслуживал Лукаса сам, прогоняя вон своих помощников и слуганок. Тот не возражал: меньше воруя вокруг – меньше головной боли.

– Извольте, мой многомудрый мессер, – пропел Дорот. Его манера обращения одно время раздражала Лукаса, впрочем, это только в первое посещение Турона, когда он ещё не знал лстливой натуры южан. Теперь же он приветливо улыбнулся в ответ и потребовал:

– Прогдегустируй.

Ростовщик картинно закатил глаза.

– Многомудрый мессер мой, ведь четвёртая чашка!

– Вот именно, мог бы и привыкнуть.

Ростовщик громко повздыхал, потом пригубил дымящийся напиток. Лукас внимательно следил за ним. Затем кивнул.

– Благодарю, – вежливо сказал он, принимая в ладони горячие стенки круглой чашки. Чашек таких он тоже не видел нигде, кроме ростовщических лавок: Дорот говорил, их он заказывал там же, где и кофе.

– Уж сколько лет мы с вами дела ведём, мой недоверчивый мессер! – пожаловался ростовщик.

– Девять, – ответил Лукас и осторожно сделал обжигающий глоток.

– Девять прекрасных лет мы с вами дела ведём! А вы всё ещё думаете, что я хочу вас отравить!

– Ты хочешь. Просто не получается.

– Хотел бы – давно бы отравил, – мрачно покачал головой Дорот. Лукас фыркнул.

– Не льсти себе, любезный. Впрочем, я тебя и не виню. Знал, на что шёл, доверяя тебе половину своего состояния.

– Половину? Ай, мой хитроумный мессер думает, что может обмануть старого Дорота, – ростовщик снова покачал круглой головой. – Я знаю, у вас множество других друзей среди моих друзей...

– И врагов среди твоих врагов, – сказал Лукас. – А также друзей среди твоих врагов, и так далее. Тем не менее из всех туронских прощелыг я доверил свой капитал именно тебе, так что кончай ныть и берись за дело.

– Простите, мой многомудрый мессер! Не гневайтесь...

– Кыш, – сказал Лукас, закрывая глаза и блаженно втягивая в себя восхитительную горечь. Подумалось, что этот напиток должен особенно хорошо питься в горячей ванне, и при этой мысли невыносимо зачесалось всё тело. Лукас пробыл в дороге несколько недель, и всё это время не мог как следует вымыться. Эх, хорошо бы, прежде чем тащиться сюда, заглянуть домой и привести себя в порядок, но он не хотел давать Дороту лишнюю фору. Старый пройдоха, разумеется, мигом узнал бы, что он в городе, и успел бы наскоро проверить какое-нибудь делишко, а потом только руками бы развёл: помилуйте, мой многомудрый мессер, вот только что провёл крупную сделку, сейчас никаких свободных финансов, хоть дом обыскивайте. Проходили мы это уже, знаем, усмехнулся Лукас. Поэтому заявился в роскошные палаты Дорота как был с дороги: взмыленный, в запylённом плаще и сапогах, покрытых потёками соли. Будь это его первое посещение лавки Дорота, Лукаса бы и на порог не пустили, но знали его здесь хорошо. Он был из тех клиентов, которых ростовщики боготворят и ненавидят одновременно: вложения делал огромные, но если являлся требовать прибыль, то обдирал ростовщика до нитки. Впрочем, вопрос ещё, кто кого обдирал, но это всяко было лучше, чем хранить деньги в замках, в которые являешься раз в три года. Нет уж, Лукас, как никак, родился в семье торговца, и это пошло ему на пользу. Зато теперь его не разорит никакая война, даже та, которая ещё толком не началась, хотя этого, кажется, никто не понимает...

Дорот вернулся, неся туго набитый кожаный мешочек. Лукас поморщился.

– Ну я же сказал: не торопись! Я ещё не допил этот... проклятье, что ж всё время забываю! Кофе?..

– У моего многомудрого мессера превосходная память, – хихикнул Дорот. – Вот, извольте, здесь ровно три тысячи, золотыми орланами.

– И что мне теперь, хватать и уматывать? Не надейся. Сядь-ка со мной, тоже кофе выпей. Расскажешь заодно, как дела обстоят.

Дорот аккуратно положил мешочек на поднос, без пререканий уселся на пол, на толстый ковёр, у ног Лукаса. Тот неодобрительно хмыкнул.

– Милейший, ну что ты как в первый раз? Рядом садись.

– Как с вами сложно, мой прямолинейный мессер, – вздохнул тот, подчиняясь.

– С тобой временами тоже непросто, мой велеречивый друг. Как дела нынче идут?

– Да как же им идти, – сокрушённо ответил Дорот, наливая себе кофе. – Война...

– Стало быть, дела идут превосходно.

– Ничего-то от вас не утаишь! – ухмыльнулся тот. – Сами понимаете, каждый благородный сэйр жаждет отличиться, а для того нанимает лучших солдат, снаряжает их лучшими доспехами, покупает лучших лошадей...

– А на всё это берёт деньги у лучших ростовщиков, – кивнул Лукас. – Стало быть, беспокоиться за твоё дело и мой капитал мне покамест нечего.

– Воистину нечего, мой многомудрый мессер.

– Как будто ты мог сказать что-то другое, – вздохнул Лукас и снова отпил глоток волшебной горечи.

Повисло недолгое молчание. Дорот пожевал толстые губы, потом спросил:

– Надолго ли вы к нам на сей раз?

– Не знаю. Отдохнуть хочу немного. Да и дела кое-какие есть... – он умолк, осенённый внезапной мыслью. Потом небрежно произнёс: – Так, значит, говоришь, нынче все благородные мессеры у тебя денег занимают?

– Ну, все – не все, но истинное благородство способно распознать истинную честность и старание...

– И что, без оглядки на политические взгляды?

Взгляд Дорота стал настороженным. Лукас рассмеялся.

– Эх, старик, порой дивлюсь я на тебя – до седины дожил, а всё младенца корчишь! Если начнёшь сейчас заливать, что долг чести велит тебе помогать лишь милостью Единого законному монарху – придушу на месте. Чтоб неповадно было врать давним друзьям.

– Вы не хуже меня знаете особенности моего ремесла, мой великодушный мессер. Тут уж не до чести...

– Вот так получше, – добродушно кивнул Лукас. – Так что отвечай прямо и без обиняков: что ты знаешь о Марвине из Фостейна?

Дорот задумался. Лукас следил за ним так же внимательно, как и когда тот отпивал из его чашки, и остался практически уверен, что старый лис действительно старался припомнить.

– Фостейн – это в юго-восточной доле, – проговорил он наконец. – У меня мало клиентов оттуда, но имя Фостейн мне знакомо. Я имел дела с Робертом из Фостейна, кажется, отцом рыцаря, о котором вы говорите. Достойный был человек.

– Отлично. Теперь ты разумеешь всё, что сможешь, о его не менее достойном отпрыске. Меня интересуют не столько цифры, сколько его личные и родственные связи. Если ли у него родичи, в каких они отношениях, где он бывает чаще всего. И где он сейчас. За неделю справишься?

– Для моего многомудрого мессера я справлюсь быстрее, – поклонился Дорот. Лукас удовлетворённо кивнул. Ростовщик не стал задавать вопросов – это было едва ли не главная причина, по которой Лукас обратился именно к нему. Да и в надёжности его сведений он мог не сомневаться. Дорот, конечно, мечтает от него избавиться и присвоить себе все вклады, но терять такого клиента по воле самого клиента для него равносильно разорению.

Лукас отставил чашку; фарфоровый поддон мелодично звякнул о серебряный поднос, рядом с туго набитым мешочком золота. Лукас, не разжимая руки, с сожалением посмотрел на ободок, темнеющий на дне чашки.

– Ещё? – вкрадчиво спросил Дорот.

– Ещё! – рассмеялся Лукас. – Но уже последняя, слово чести.

Дорот хмыкнул, и Лукас беззлобно подумал, что башку б ему снести за дерзость, но что греха таить – о наличии у Лукаса чести старый ростовщик был осведомлён не хуже, чем сам Лукас.

Он выпил треть чашки, когда скрипнула дверь и в комнату вошёл новый посетитель. Дорот поднялся, вовсе не так проворно, как при появлении Лукаса, улыбнулся, вовсе не так медово, как разговаривая с ним.

– О-о, благородная месстрес, словами не передать, как я рад вновь видеть вас в своих скромных чертогах, – сказал он голосом лисицы, заманивающей в гости курочку. Лукас покорился на вошедшего – вернее, вошедшую – и тут же отвёл взгляд. Беглый взгляд остался незамеченным, однако он успел увидеть всё, что хотел. Это была женщина средних лет, высокая, худая, с абсолютно непроницаемым длинным лицом и гладко зачёсанными чёрными волосами, в глухом сером платье. Можно было принять её за недавнюю вдову, но вдовьей вуали на ней не было – а такая дамочка её бы непременно нацепила, чтоб продемонстрировать окружающим свою неизгладимую скорбь. Она не сказала ни слова, пока Дорот, елеяно улыбаясь, вёл её к дальней двери – все разговоры в его лавке велись один на один. Дорот услужливо отодвинул перед дамой парчовую завесу над дубовой дверью в соседнюю комнатку, пропустил её вперёд, обернулся на Лукаса, скорчил гримасу. Лукас подмигнул ему в ответ и снова пригубил кофе. «Любопытно, – подумал он, – какие гримасы корчит этот пройдоха за спиной у меня?» Впрочем, лучше не знать. Дорот хорошо распоряжался его деньгами и порой поставлял ценные сведения – это всё, что заботило Лукаса.

Допивал кофе он гораздо медленнее, чем требовалось – напиток успел остыть, и горечь из чарующей стала почти гадкой. Но Лукасу хотелось дожидаться, когда чопорная месстрес пойдёт обратно. Что-то в её каменном лице его заинтриговало.

Она не появлялась долго – притворяться, будто просто допивает кофе, Лукас уже не мог, и почти отказался от своей затеи, когда наконец скрипнула дверь, шевельнулась занавеска, и женщина вышла из проёма. Лукас сидел к этой двери лицом, и теперь смог рассмотреть женщину без помех. Она казалась ещё бледнее, чем четверть часа назад, а в глазах появилась растерянность – а может, она и прежде там была, просто Лукас не успел её заметить. Впрочем, губы женщины оставались так же плотно сжаты и бескровны, хотя руки, в которых она держала маленький тряпичный мешочек, чуть заметно подрагивали. Тряпичный – стало быть, серебро. Ну вот, ещё одну бедную вдову – или почти вдову – мерзавец Дорот обобрал до нитки. Сам упомянутый мерзавец следовал за женщиной, рассыпаясь в заверениях в своей преданности, но по блеску в его глазах Лукас понял, что чопорную месстрес крупно надули. «Хм, стоило бы и мне проследить, не блещут ли так же его глазки, когда он провожает меня...»

– ...и если впредь вам понадобятся услуги вашего покорного раба, моя волшебная месстрес, знайте же, что в любое время дня и ночи я – ваш! – на одном дыхании закончил Дорот и распахнул перед женщиной дверь. Волшебная месстрес ничего не сказала, только взглянула на него – так, что, понял Лукас, ноги её больше не будет в этой лавке, хоть бы она с голоду помирала. А до этого, судя по качеству её платья, не так уж далеко.

– Что за волшебная месстрес? – поинтересовался Лукас, когда за женщиной закрылась дверь.

Ростовщик закатил глаза.

– Помилуйте, мой любознательный мессер, я не имею права...

– Доро-от, – предостерегающе протянул Лукас. – Ну-ка, ещё разок, сколько лет мы знакомы? Или, лучше сказать, какую часть моих денег ты успел своровать?

– Как можно, мой подозрительный мессер! – визгливо заголосил Дорот, и, тут же перейдя на нормальный тон, ответил: – Талита из Дассена, жена благородного сэйра Зигфрида.

– Дворянка? – удивился Лукас. – Да ты совсем совесть потерял, старик, благородных месстрес грабить! Я думал мешаночка какая. Что у тебя с ней за дела?

– Да её супруг беспутный, сэйр Зигфрид, первый выпивоха в Туроне. Всё как есть пропил, семейство побирается. Она каждый месяц у меня что-то берёт, долга за ней уже – на пол-

торы тысячи, но я её не гоню. Уж больно в хорошем районе у них домик отстроен, у самого побережья...

– Неужто отобрать задумал?

– А что делать? – жалобно спросил Дорот. – Всё равно ей долги вернуть не с чего будет. Я пока её принимаю, жду, когда долг до стоимости дома дорастёт. Ещё полгода, не больше.

– Зверь, – покачал головой Лукас. – Монстр и чудовище. Поедатель новорожденных младенцев.

Дорот развёл руками. Лукас побарабанил пальцами по стенке кофейной чашки.

– Она ещё молода и недурна собой. Завела бы себе богатого любовника...

– Такая заведёт! Вы же её видели, мой прозорливый мессер. У неё, небось, форель меж ног...

– Что, хранит супругу верность?

– Хранит, мессер. Говаривают, он, когда ещё соображать мог, на неё пояс верности нацепил – чтоб не гуляла, пока он по кабакам шляется. Ну, нацепил, да так и не снял... Оттого она и кислая такая – не всякой понравится на причинном месте груды железа таскать.

– Я бы скорее поверил в пояс верности иного рода, – задумчиво проговорил Лукас. – Бедная, но гордая, значит... Интересно... Что она тебе сейчас в залог принесла?

– Да безделушку, медальон какой-то.

– Покажи.

Дорот показал. В самом деле, безделушка – простая оправка без украшений, золото явно не высшей пробы, только мелкая инкрустация жемчугом может что-то стоить. Внутри медальона было два портрета: детские лица, две девочки лет пяти, очень похожие – видимо, близнецы. Краска на изображениях поблекла и истёрлась – будто их очень часто касались, а может, целовали.

– Сколько это стоит? – спросил Лукас. – В золотых орланах.

Дорот вытаращился на него, потом сдавленно хихикнул.

– Пусть мой самонадеянный мессер меня простит, но эту женщину нельзя купить. Поверьте, будь так, она б не побиралась и её ребёнок не голодал бы.

– У неё есть дети?

– Сын, восьми лет.

Лукас снова посмотрел на портреты девочек. Миловидные, улыбчивые. Только глаз не разглядеть – затёрлись. Почему-то Лукас был уверен, что глаза у них были в точности такие же, как у их матери.

– Так сколько в орланах, Дорот?

– Три.

– Дорот! – застонал Лукас.

– Два, мой бережливый мессер! Но только для вас.

Лукас запустил руку в мешок, извлёк две золотые монеты, швырнул на поднос.

– Считай, что это и за кофе, – он поднялся и сунул медальон в карман. – Я наведушь через недельку, насчёт сведений, о которых мы говорили.

– Не извольте беспокоиться, мой щедрый мессер...

«Как же не будешь с тобой щедрым, – со вздохом подумал Лукас, выходя. – Себе дороже».

Илье ждал его снаружи, переступая с ноги на ногу.

– Вы так долго, – пожаловался он, наконец завидев Лукаса.

– Зато время потрачено с пользой. Не горюй, теперь-то уж поедем домой, – сказал тот и, хлопнув оруженосца по плечу, вскочил в седло.

Дом Лукаса в Туроне располагался чуть в стороне от центра, в тихом и безопасном районе, где жило в основном местное дворянство – точнее, не столько жило, сколько ночевало, оказываясь в городе по делам. Поэтому дома по большей части пустовали – в них обитали

только слуги, поддерживающие порядок во время отсутствия хозяев. Лукас купил этот дом через Дорота несколько лет назад и заезжал в него всего пару раз. Присматривал за домом человек, которому платил опять же Дорот, менялся этот человек раз в год, и нынешнего управляющего Лукас в глаза не видал, а тот, соответственно, никогда не видал своего хозяина. Поэтому о приезде Лукаса никто не знал – впрочем, Лукас надеялся, что подогреть воду они сумеют быстро.

Он остановился у ворот, кликнул привратника. Тот выполз из сторожки практически на бровях – от него разило дрянной брагой, несмотря на ранний час, – и отпер ворота без разговоров. Лукас с Илье въехали в запущенный двор, заросший хилым кустарником и забитый талым снегом.

– Как звать? – осведомился Лукас у привратника.

– М-морисом, – пошатываясь, промямлил тот.

– Морис, ты уволен, – сообщил Лукас и рысью пустил коня к дому. Выглядело его имение удручающе – стены облуплены, увиты мёрзлым плющом, который никто не удосужился убрать, ставни прогнили, петли проржавели. Форменное безобразие.

Лукас соскочил с коня, бросил оруженосцу повод, велел поискать конюшню, и ударом ноги распахнул парадную дверь. В запыленный, пронизанный запахом тлена зал хлынул свет. Людей видно не было. Лукас прошёл через переднюю, нарочито гремя шпорами, поднялся по лестнице на второй этаж, припоминая, какие комнаты ему больше всего приглянулись в прошлый раз. А, вот, вроде бы библиотека тут весьма уютная, но только там ведь сейчас прелыми книгами так несёт, наверное... Лучше кабинет. Он прошёл по коридору, распахнул дверь – та жалобно дрогнула, похоже, скоро вовсе рассыплется, – зашёл в комнату и развалился в кресле у окна, забросив ноги на пыльный стол. Откинул голову на спинку, закрыл глаза. Через минуту вспомнил о медальоне, вынул его из кармана, бросил на стол. Золото тускло блеснуло среди пыли.

За дверью послышались торопливые шаги. Проём заполнился грузной фигурой, на лице обладателя которой читалось неприкрытое возмущение.

– Мессер, вы кто такой? Что вы здесь делаете?

– Я здесь живу, – ответил Лукас. – А ты здесь больше не работаешь. Позови ко мне какого-нибудь лакея.

Грузный мессер какое-то время хлопал глазами, потом молча сгинул. Хорошо хоть истерику не закатил, у Лукаса не было настроения ругаться.

Довольно скоро грузного мессера сменил неуклюжий робкий парень. Он нерешительно топтался на пороге, сминая в руках шапку, и не смел войти.

– Как звать? – смерив его взглядом, лениво спросил Лукас.

– Филлом, мессер...

– Филл, теперь ты – управляющий в этом доме. Распорядись о хорошем ужине для меня и моего оруженосца, но прежде пусть мне сделают ванную. Большую, кипяточную, с лавандовым маслом. У вас есть лавандовое масло?

– Н-не знаю, – пролепетал ошалевший Филл.

– Живо пошли какую-нибудь девку, пусть купит. Или лучше нет, этого толстяка пошли, который привёл мой дом в такое состояние... Стой! Сперва принеси мне бумагу и чернила. И оруженосца моего ко мне пришли, он на конюшне должен быть.

– Будет исполнено, мессер! – выпалил Филл и умчался. Лукас устало закрыл глаза. Он только теперь почувствовал, до чего вымотался, но у него оставалось ещё одно дело.

Получив бумагу и перо, Лукас неохотно снял ноги со стола, сдул с него пыль, размял пальцы и написал:

Благородная месстрес!

Есть вещи более важные, чем деньги, и к их числу относится память. Я не смею осуждать вас, подозревая, что этот шаг дался вам с такой же болью, с какой мне – невольное его созерцание. Возвращаю вам вещь, которая вам дорога. Если снова решитесь заложить её, не обращайтесь больше к Дороте. Он замыслил разорить вас, будьте осторожны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.